

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СБОРНИК
ТЕЗИСОВ

**Межвузовская научно-
практическая
интернет-конференция
по юридической
психологии**

Москва, 24-27 мая 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ
участников межвузовской
научно-практической интернет-конференции
по юридической психологии
24-27 мая 2017 года

Москва

2017

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (24-27 мая 2017 года). – М.: МГППУ, 2017. – 227 с.

Редакционная коллегия:

В.В. Рубцов, Е.Н. Задорина, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, Р.В. Чиркина, И.Б. Бовина, Н.В. Богданович, М.Г. Дебольский, И.Н. Коноплева, А.С. Калашникова

ISBN 978-5-94051-179-3

© МГППУ, 2017

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 7-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение теоретических основ юридической психологии и практических результатов последних исследований. Широкий спектр актуальных проблем юридической психологии в данном году определил необходимость систематизировать тезисы в следующих разделах: психология девиантного и криминального поведения; психология профессиональной деятельности; судебная и клиническая психология в юридическом контексте; юридическая психология детей и подростков; пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; проблемы подготовки специалистов по юридической психологии.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных и научно-практических заведений России: Московский государственный психолого-педагогический университет, Академия ФСИН России, Владимирский юридический институт ФСИН России, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Курская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации.

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

декан факультета
юридической психологии МГППУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

Агрессия и социальная иерархия футбольных фанатов

Дмитриева М.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В настоящее время очень большой проблемой для спорта, а именно для футбола являются футбольные фанаты и те беспорядки, которые они устраивают на стадионах и за их пределами.

Актуальность данной темы обусловлена высокой популярностью футбола и около футбола сегодня. Футбольные болельщики с каждым годом становятся все более организованными, и стремятся диктовать свои условия футбольным клубам.

Гипотезы: 1. Чем выше стаж пребывания фанатов в группе, тем выше уровень агрессии. 2. Возможность локализовано проявлять агрессию в период футбольных матчей сопровождается высоким уровнем социально-психологической адаптации фанатов.

В данной работе исследование проводилось на выборке футбольных фанатов, таких клубов как «Спартак», «ЦСКА», «Локомотив». Выборку составили 45 человек в возрасте от 23 до 33 лет.

Мы использовали следующие диагностические средства: опросник уровня агрессивности Басса–Перри, методика «Агрессивное поведение» (Ильин Е.П., Ковалев П.А.), тест агрессивности (Опросник Л.Г. Почебут), методика диагностики социально - психологической адаптации Роджерса–Даймонд.

Для статистического анализа данных использовался следующий метод: корреляционный анализ (критерий г-Спирмена). Результаты оценивались по уровню значимости $p \leq 0,05$.

Наши отечественные психологи С.Н. Ениколопов и Л.М. Семенюк говорят о том, что агрессия это целенаправленное разрушительное, наступательное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе (Ениколопов С.Н., 1994.)

В фанатских «фирма» существует своя иерархия. Как правило, фанаты разделяются на «ультрас», сюда входят те, кто занимается непосредственно поддержкой своей команды, «саппорт» – здесь отвечают за поддержку команды на стадионе во время матча, и футбольные хулиганы. Сама фирма состоит из трех частей: 1. Моб – это основная сила фирмы. Она состоит также из трех частей, это а) карлики; б) бойцы; в) лидер. 2. Скауты. 3. Фанаты.

Результаты:

1. Основные причины агрессивного поведения футбольных фанатов:

- некорректные действия правоохранительных органов;
- различные провокации со стороны фанатов другой команды;
- проигрыш команды;
- нечестное судейство;
- желание подраться;
- стадным чувством;
- алкоголь (Медников С.В., 2011).

2. По результатам статистического анализа было выявлено, чем выше стаж пребывания фанатов в группе, тем выше уровень агрессии.

3. Агрессия футбольных фанатов сопровождается высоким уровнем социально-психологической адаптации.

Таким образом, подводя итоги данной работы можно говорить о следующих выводах.

Футбольные фанаты на сегодняшний день являются крайне актуальным и интересным феноменом с точки зрения изучения, при этом данная тема недостаточно разработана. Сегодня футбольные фанаты это самая крупная группа, достаточно закрытая и с четко организованной структурой внутри нее. Фанатство становится для многих стилем жизни. Сегодня фанатство представляет

собой значимое социальное явление. Не все представители участвуют в драках, и поэтому нельзя говорить о том, что все футбольные фанаты являются агрессивными.

Из результатов исследования следует, что уровень агрессии футбольных фанатов зависит от стажа пребывания в данной группе, и чем выше он, тем выше будет уровень агрессии, при этом это достаточно хорошо сочетается с высоким уровнем социально-психологической адаптации футбольных фанатов в обществе, что может говорить о том, что приходя в группу где существует иерархия, человек проходит адаптацию и в обычной жизни ему будет проще адаптироваться в похожих группах со своей иерархией, с определенными правилами.

Литературы

1. Ениколопов С. Н. Психология агрессии: основные подходы // Вестник Псковского Вольного университета. 1994. №1. С. 62-68.
2. Медников С.В. Личностные и ситуативные предпосылки агрессивного поведения футбольных болельщиков / Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология, 2011. 152 с.

Взаимосвязь склонности к аутоагрессии с реакцией на фрустрирующую ситуацию у подростков с девиантным поведением

Емелина А.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

В период переходного возраста зачастую подростки проявляют агрессию и направляют ее на кого-то или на что-то, но агрессия также может быть направлена и на самого себя. Негатив, который ребенок направляет на себя, причиняя, тем самым, себе физические и психические страдания называется аутоагрессия. Подростки, совершающие аутоагрессивные действия, хотят лишь привлечь чье-то внимание, кого-то наказать или же пытаются заглушить эмоциональные переживания с помощью причинения себе физической боли.

Аутоагрессивное поведение является одной из форм агрессивного поведения. Аутоагрессивное поведение – это действия, которые направлены субъектом на самого себя для того, чтобы нанести повреждения своему здоровью.

Аутоагрессивное поведение может проявляться в нанесении себе тяжелых повреждений, например, ушибы, порезы, отравление, удары и т.п., в самообвинении, самоунижении, в тяжелых случаях аутоагрессивное поведение проявляется в попытке совершения суицида.

Аутоагрессивное поведение, в том числе среди подростков, является актуальной проблемой. Увеличилось количество суицидов в подростковом возрасте, а также распространяется токсикомания, различные виды зависимости: алкогольные, наркотические.

Аутоагрессивное или самоповреждающее поведение является некоторым способом взаимодействия с окружающими, а также с самим собой, но при таком взаимодействии действия субъекта направлены на нанесение повреждений своему здоровью как соматическому, так и психическому. (Короленко Ц.П, Донских Т.А., 1990, Берно-Беллекур И.В., 2003, Змановская Е.В., 2004, Руженков А.А., Лобов Г.А., Боева А.В., 2008, Андроникова О.О., 2010).

Как известно, за последние годы в значительной степени увеличилось количество суицидальных попыток и самоубийств среди подростков. Об этом все чаще стали писать в средствах массовой информации, родители все чаще обеспокоены состоянием своих детей и не знают, как предостеречь своего ребенка от суицидальных попыток, как научиться распознавать состояние своего ребенка, ведь в настоящее время подростки мало говорят со своими родителями, тем более о своих проблемах.

Цель исследования состоит в изучении и выявлении взаимосвязи склонности к аутоагрессии с реакцией на фрустрирующую ситуацию у подростков с девиантным поведением.

В исследовании были использованы следующие методики: 1. Шкала безнадёжности Бека (англ. Beck Hopelessness Inventory, сокр. ВНИ) – шкала, измеряющая выраженность негативного отношения по отношению к

субъективному будущему у взрослых и подростков. 2. Методика определения суицидальной направленности (личный опросник ИСН). 3. Тест фрустрационных реакций Розенцвейга.

По итогам проведенного эмпирического исследования и корреляционного анализа были получены данные, касающиеся склонности к аутоагрессии, реакций на фрустрирующую ситуацию и оценки негативного отношения к своему будущему среди подростков с девиантным поведением:

1. Анализ корреляционных связей суицидальной направленности и безнадежности по отношению к своему будущему (коэффициент корреляции 0,470 при уровне значимости 0,05): была выявлена прямая связь между депрессивностью (методика определения суицидальной направленности) и безнадежностью по отношению к своему будущему. Иными словами, чем выше уровень по шкале депрессивности, тем выше уровень безнадежности.

Анализируя полученный результат, можно говорить о том, что если у подростка наблюдается высокий уровень по шкале депрессивности, наблюдается сниженный фон настроения, подросток не способен переживать радость, негативно рассуждает и т.д., то уровень безнадежности по отношению к своему будущему также будет высоким. Безнадежность – это переживание отчаяния или пессимизма по поводу своего будущего.

2. Была выявлена отрицательная связь между Шкалой общительности (методика определения суицидальной направленности) и Шкалой безнадежности (коэффициент корреляции -0,591 при уровне значимости 0,05). Это говорит о том, что чем выше уровень общительности у подростка, тем ниже уровень безнадежности по отношению к своему будущему. И наоборот, чем ниже уровень общительности, тем выше уровень безнадежности по отношению к своему будущему.

Таким образом, если у подростка не развиты коммуникативные способности, меньше общается со своими сверстниками, с окружающими, то безнадежность по отношению к своему будущему значительно повышается. Это связано с тем, что ребенок не выстраивает связи с окружающими в общении.

3. Анализ корреляционных связей суицидальной направленности и реакций на фрустрирующую ситуацию (коэффициент корреляции 0,348 на уровне значимости 0,05): депрессивность (методика определения суицидальной направленности) положительно коррелирует с типом реакции, фиксирующемся на самозащите. Иными словами, подросток, находящийся в состоянии депрессии, склонен фиксироваться на самозащите.

Анализируя полученный результат, можно говорить о том, что если у подростка наблюдается высокий уровень по шкале депрессивности, наблюдается сниженный фон настроения, подросток не способен переживать радость, негативно рассуждает и т.д., то в ситуации фрустрации он склонен направлять свою активность на защите собственной личности, предъявляет к окружающим повышенные требования.

По итогам проведенного эмпирического исследования следует сделать вывод о том, что основная гипотеза о том, что «существует достоверная связь между показателями склонности к аутоагрессии с реакцией на фрустрирующую ситуацию у подростков с девиантным поведением. У подростков с выраженной склонностью к аутоагрессии преобладают в поведении интрапунитивные реакции на фрустрирующую ситуацию» не подтвердилась.

Тревожность, как психологическая предпосылка склонности к формированию химического аддиктивного поведения у подростков

Зайнуллина Л.Ф.

Башкирский государственный педагогический университет

имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Научный руководитель – Шиляева И.Ф.

На сегодняшний день существует множество трудов, рассматривающих проблему зависимого поведения как одну из форм девиантного поведения, однако, этот социально-психологический феномен продолжает набирать обороты. Несмотря на то, что множество психологических школ и теоретических

направлений дают свою трактовку этой проблемы, тема до сих пор является открытой для обсуждения. Для стабилизации этой ситуации необходим системный подход, рассматривающий способы выявления аддикций на стадии склонности и рассмотрение возможных детерминант этого явления. В связи с этим, для получения новых сведений о возможных причинах формирования зависимостей мы провели исследование, направленное на изучение влияния уровня тревожности на склонность к химическому зависимому поведению.

Так как, несмотря на все количество научных изысканий в области психологии девиантного поведения, до сих пор нет точных данных о взаимосвязи зависимого поведения и уровня тревожности, проделанная работа является актуальной. Кроме того, отсутствие такой информации может стать причиной неэффективной профилактики зависимого поведения.

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение влияния тревожности на формирование аддиктивного поведения у школьников старших классов. Объектом исследования выступило аддиктивное поведение, а предмет исследования – влияние тревожности на формирование склонности к зависимому поведению у подростков.

Для оценки полученных результатов была выдвинута гипотеза исследования. Мы предполагаем, что существует взаимосвязь между уровнем тревожности и склонностью к формированию зависимого поведения.

Исследование было направлено на выявление взаимосвязи между уровнем тревожности и зависимого химического поведения у подростков. В частности мы провели сбор и обработку информации о 28 учениках 10-11-х классов средней общеобразовательной школы.

Тревожность – склонность индивида к переживанию тревоги, характеризующаяся низким порогом возникновения реакции тревоги; од ин из основных параметров индивидуальных различий. Таким образом, это состояние повышенного беспокойства и эмоционального напряжения человека, мешающее ему в решении повседневных задач и снижающее его работоспособность (Змановская Е.В., 2007).

В нашем исследовании рассматривались два типа тревожности: ситуативная тревожность, то есть связанная с конкретной ситуацией и личностная, проявляющаяся как стабильное свойство личности у школьников старших классов. Для выявления уровня тревожности была проведена методика Спилбергера-Ханина «Шкала реактивной и личностной тревожности».

Аддиктивное поведение – это одна из форм девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности по средствам изменения своего психического состояния, что достигается различными способами – химическим (прием веществ, воздействующих на психику) и не химическим (Змановская Е.В., 2007).

Для проведения анализа мы изучали склонность у подростков к химическому зависимому поведению, а именно к алкоголю и наркотикам. Для этого мы провели методику «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича.

После сбора информации мы провели математическую обработку данных, для этого использовался метод ранговой линейной корреляции Спирмена. В результате, мы выяснили, что корреляция между личностной тревожностью и склонностью к зависимому поведению не выявлена, также не подтвердилась достоверность связи между реактивной тревожностью и склонностью к наркомании. Однако корреляция между реактивной тревожностью и склонностью к алкогольной зависимости достоверна.

Этот факт в совокупности с тем, что в данной выборке 88% девушек и 46% юношей имеют высокий уровень личностной тревожности, говорит о том, что в случае неэффективной профилактической работы по предупреждению употребления алкоголя, ребята могут попасть в группу риска. Данные показатели необходимо учесть школьным психологам при проведении психопрофилактической и психотерапевтической работы в выпускных классах, поскольку стресс, вызванный подготовкой к выпускным экзаменам, может стать причиной сильного скачка уровня тревожности.

Также важно отметить тот факт, что, к сожалению, склонность к наркотической зависимости и среди девушек, и среди юношей, является очень высокой, а именно 68% участников исследования склонны к употреблению наркотических веществ. Это указывает на то, что существуют и другие особенности личности, являющиеся предпосылками для формирования химического зависимого поведения, не учтенные в данном исследовании.

Полученные результаты указывают на то, что для получения полной и всесторонней картины в понимании химического зависимого поведения, и девиантного поведения в целом, необходимо проводить дополнительные научные изыскания с целью поиска психологических детерминант отклонений в поведении и формировании склонности к аддиктивному поведению.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. М.: Просвещение, 2008. 710 с.
2. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): учебное пособие для студентов вузов. М.: Академия, 4-е изд., испр., 2007. 288 с.
3. Карпенко Л.А., Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 598 с.

Ургентная аддикция как форма зависимого поведения

Мосиевич А.В.

Башкирский государственный педагогический университет

имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Научный руководитель – Шиляева И.Ф.

Зависимость – это особая форма рабства, в которую человек попадает как по собственному желанию, так и вне зависимости от него. Зависимость ограничивает развитие человека, приводит к личностным катастрофам,

всевозможным соматическим и психическим заболеваниям. Данная проблема касается практически каждого человека: большинство из нас имеет или личный опыт зависимого поведения, или сталкивался с зависимым поведением друзей, близких (Старшенбаум Г.В., 2006).

Зависимое, или аддиктивное поведение является одной из форм девиантного поведения, которое выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности, сопровождается развитием интенсивных эмоций и имеет защитный характер. Еще не так давно весьма актуальной была проблема химических зависимостей, таких как табакокурение, алкоголизм, наркомания, зависимость от стимуляторов и др. Однако сегодня уже не вызывает сомнений, что зависимость может развиваться не только от употребления психоактивных веществ, но и от различных видов деятельности (или потоков информации), которые приносят непосредственное удовольствие.

С ускорением темпа современной жизни, навязыванием модели успеха, которая основана на выполнении максимального количества задач во все более короткие сроки происходит формирование ургентной аддикции (зависимости), которая напрямую связана с изменениями психологического времени.

Ургентная аддикция – вид нехимической зависимости, выражающийся в субъективном ощущении постоянной нехватки времени и страхе «не успеть». Основные характеристики ургентной аддикции: гиперконтроль над временем, хроническая фрустрация базовых потребностей, тенденция к субмиссивному поведению, принятие абсолютно всех требований, касающихся профессиональной деятельности, агедония, игнорирование прошлого, страх перед будущим (Шибко О.Л., 2008).

Одной из составляющих ургентной аддикции является работоголизм, характерными чертами которого являются состояние постоянного осмысления производственных проблем; раздражительность, вызываемая деятельностью, не связанной с работой; неспособность ждать и требование пунктуальности,

дисциплинированности от других. У ургентного аддикта нередко выявляется отчётливая тенденция к субмиссивному (подчиняемому), уступчивому поведению. Эта тенденция формируется, как правило, задолго до развития ургентной аддикции и создает для последней благоприятную почву.

В механизме повышенного риска развития ургентной аддикции у субмиссивных лиц имеют значение иррациональные убеждения и страхи, содержанием которых являются образы отрицательных и нежелательных последствий, которые произойдут в случае неподчинения навязываемым действиям. Возникают мысли о том, что проявления ассертивности вызовут у окружающих реакцию гнева, обиды, окончательно и непоправимо испортят отношения с ними. Многие субмиссивные лица боятся, что их ассертивность поставит их в смешное положение, в связи с тем, что они будут выглядеть в глазах других людей некомпетентными и глупыми.

В ходе проведения квалифицированных исследований, задача которых сводилась к поиску предпосылок к формированию такого отклонения, как ургентная аддикция, было выяснено, что в наибольшей степени к ней склонны люди, уже страдающие другими расстройствами, широко известные под названием эмоциональное выгорание.

По результатам исследования специалисты установили, что между истощением и аддикцией есть прямая зависимость. Наряду с этим, люди, страдающие от «выгорания», склонны к более высокой устойчивости в отношении жизнедеятельности в условиях ограниченности времени.

При ургентной аддикции предполагается наличие устойчивой зависимости в отношении различных факторов, к примеру: качества выполняемой работы, особенностей процессов организации деятельности, установленных сроков и т.п. Человек старается оградиться от реальной жизни и уверенно саморазрушает свою личность.

Очень часто рассматриваемое отклонение диагностируется у менеджеров – сами они именуют его как «тайм-синдром». В данном случае суть проблемы

понимается в качестве комплекса переживаний недостатка времени, которое можно было бы уделить труду и организации управленческого процесса.

Проблема ургентной аддикции заключается в том, что человек «прилипаёт» к навязываемому ему ритму и отвлекается от своих внутренних часов. Нарушенная синхронизация с природным ритмом сопровождается психоэмоциональным напряжением, которое становится хроническим и привычным. По сути дела речь идет об аддикции к хроническому стрессовому состоянию, последствиями которого являются не только психологические, но и психосоматические проблемы. Последняя сторона рассматриваемого вопроса требует специального изучения, в частности, внимания к последствиям нарушения естественного цикла сна и бодрствования, характерным для многих ургентных аддиктов (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2001).

Ургентная аддикция, как и любая аддикция, сопровождается характерными личностными изменениями, которые затрагивают, прежде всего, эмоционально-волевую сферу. Развитие процесса сочетается с прогрессивным нарастанием эмоциональной опустошенности, нарушается способность к эмпатии. Межличностные отношения затрудняются, воспринимаются как тягостные, требующие большой энергетической затраты.

На современном этапе развития общества необходимо прилагать неимоверные усилия по борьбе с зависимостями различного характера. Зависимости приносят в нашу жизнь различные негативные явления –разводы, суициды, убийства, повышение уровня смертности. Любая инновационная технология порождает возникновение новой зависимости. На сегодняшний день известно более 140 видов зависимостей, из них более 50 вызывают преждевременную смерть. Обществу надо задуматься над тем, как с ними бороться.

Литература

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск, 2001.

2. Шибко О.Л. Диагностика ургентной аддикции // Психологический журнал (Белорусский психологический журнал). 2008. № 1. С. 23-33.
3. Шибко О.Л. Типология стилей саморегуляции произвольной активности у лиц с ургентной аддикцией // Философия и социальные науки. 2007. №1. С. 71 – 75.
4. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М., 2006.

Динамика агрессивных проявлений у футбольных фанатов

Никифорова Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Футбольные фанаты в современном своем виде – довольно молодое явление общества. Началом данного общественного движения можно обозначить середину 60-х гг. прошлого столетия в Англии, когда появляется молодежное течение, чьим главным интересом был футбол.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена несколькими факторами. Футбольный фанатизм в последние годы приобрел широкое распространение по всей России, привлек внимание общественности, но является достаточно мало изученным явлением, а фанаты активно участвуют в жизни общества, не ограничивая свои интересы одним лишь футболом.

Выдвигаемые гипотезы:

1. Уровень готовности к агрессивным проявлениям футбольных фанатов ситуативно обусловлен и возрастает в периоды проведения матчей.
2. Футбольные фанаты имеют выраженные признаки склонности к легитимизированной агрессии.
3. Легитимизированная агрессия у фанатов выполняет функцию социально-психологической адаптации агрессивных проявлений у них.

Футбольное фанатское движение имеет ряд специфических особенностей, футбол для них перестает быть развлечением, он становится средством создания новой социокультурной среды, рождающей определенные модели поведения, наполненной новыми правилами, интересами, социальными и духовными потребностями (Бримсон Д., 2005). В условиях российского общества изучение данной культуры становится как никогда актуальным, поскольку влияние «околофутбольной» среды во время Чемпионата Европы 2016 вышло на мировой уровень, а российские футбольные фанаты заявили о себе массовыми беспорядками во Франции. Непредсказуемость и противоречивость движения футбольных фанатов превращается в стабильный элемент общественной жизни (Козлов Л.Е., 2002). Поведение и мировоззрение футбольных фанатов обусловлено множеством факторов, которые напрямую связаны с доминирующей культурой и функционирующей социальной системой. Сознание и поведение футбольных фанатов представляют особый интерес для анализа, так как проблема агрессивных проявлений участников данной субкультуры напрямую связана с их личностными особенностями. Движение футбольных фанатов с одной стороны выступает фактором дестабилизации социума, а с другой стороны являет собой стиль и образ жизни миллионов людей по всему миру и в России. Анализ проблемы агрессивности футбольных фанатов в дальнейшем может помочь выработать эффективные методы предотвращения правонарушений (Журавков А.А., 2011).

Данное исследование проводилось на выборке футбольных фанатов в количестве сорока пяти мужчин в возрасте 23-33 лет. Все они состоят в фанатских группировках различных московских футбольных клубов, таких как «Спартак», «ЦСКА», «Локомотив». Мы использовали следующие диагностические средства: опросник легитимизированной агрессии (С.Н. Ениколопов, Н.П. Цибульский), опросник уровня агрессивности Басса–Перри, методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд, тест агрессивности (Опросник Л.Г. Почебут).

Для анализа использовалась программа для статистической обработки данных SPSS Statistics, для проверки данных на нормальность использовался критерий Колмогорова-Смирнова, методы Т-критерий Вилкоксона и коэффициент ранговой корреляции ρ Спирмена.

По результатам проведенного нами исследования было выявлено, что для футбольных фанатов характерно изменение уровня агрессии в различных жизненных ситуациях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень готовности к агрессивным проявлениям ситуативно обусловлен и возрастает в периоды проведения футбольных матчей. Также нами выявлено, что футбольные фанаты имеют повышенный уровень легитимизированной агрессии в личном опыте, увеличение уровня легитимизации агрессии в одной сфере приводит к увеличению уровня агрессии в других сферах. Легитимизированная агрессия у фанатов выполняет функцию социально-психологической адаптации агрессивных проявлений, таким образом, можно сделать вывод о том, что высокая социально-психологическая адаптация футбольных фанатов положительным образом влияет на легитимизацию агрессии во всех сферах.

Рассмотрев основные признаки фанатского движения, можно сделать вывод о том, что принадлежность к субкультуре футбольных фанатов выражает протест против общепринятых норм, ценностей, моральных принципов. Участники движения легитимизируют свои агрессивные проявления, нередко носящие противозаконный характер. Движение футбольных фанатов является в каком-то смысле оппозиционным к обществу, и имеет определенный агрессивный потенциал, который может увеличиваться с течением времени под влиянием внешних обстоятельств.

Проведенное нами исследование позволило выявить, что значительное влияние на агрессивность футбольных фанатов оказывают актуальные жизненные обстоятельства, значительно повышается уровень агрессии в ситуации предстоящего футбольного матча. Легитимизация агрессии повышена в личном опыте, сферы легитимизации агрессии тесно связаны между собой, повышение уровня в одной сфере приводит к повышению в другой. В целом футбольные

фанаты являются высоко адаптированными, что положительно влияет на легитимизацию агрессии во всех сферах жизни.

Литература

1. Бримсон Д. Бешеная армия. Облик футбольного насилия. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 137 с.
2. Журавков А.А. Социально-культурные условия профилактики асоциального поведения представителей подростковых групп спортивных фанатов: дисс. ... канд. пед. наук. Москва, 2011.
3. Козлов Л.Е. Косовский кризис и московские футбольные фанаты: субкультура между национализмом и глобализацией // Российская молодежь и глобализация: сб. ст. науч.-практ. конф. 3–6 окт. 2002 г. / отв. ред. А.И. Агеев, В.А. Кудинов. Кострома, 2002. С. 25–31.

Особенности проявления агрессии подростками с расстройствами аутистического спектра при разном когнитивном уровне

Сорокина Ю.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

В мире все больше и больше детей рождаются с различными патологиями, как физическими, так и психическими. Примером такой патологии являются когнитивные нарушения, которые представляют собой актуальную проблему, как в российской, так и мировой психологии. По наиболее качественному и понятному определению, когнитивные функции это высшие психические функции мозга, при помощи которых осуществляется процесс рационального (осознанного) познания мира: восприятие, внимание, память, мышление, праксис и речь. Важной особенностью когнитивных функций является их тесная связь с эмоционально-волевой сферой, формированием характера и личности. Весь спектр когнитивных нарушений у детей условно можно разделить на две группы: тяжелые и легкие. К заболеваниям с тяжелыми

когнитивными нарушениями относится умственная отсталость. Это состояние характеризуется выраженным и стойким когнитивным дефицитом, а их прогноз заключен в жесткие рамки, ограниченные компенсаторными возможностями мозга и организма ребенка в целом (Никольская О.С., 2017).

В современном обществе значительно увеличилось число лиц с расстройством аутистического спектра, которое характеризуется стойким недостатком коммуникативных навыков, повторяющимися однообразными действиями и разной степенью интеллектуального недоразвития. Многие формы поведения таких детей до сих пор мало изучены. Одной из форм поведения подростков с РАС, отягощенной умственной отсталостью, является проявление агрессии.

Нарушения поведения были и остаются актуальными проблемами специальной психологии. Исследователи этой области науки отмечают не только специфику нарушений поведения, но и своеобразие его проявлений у каждой конкретной категории детей. Особую группу представляют собой дети, страдающие аутизмом. Из всех перечисленных признаков аутизма разные авторы выделяют либо диаду, либо триаду симптомов. Так К.С. Лебединская и О.С. Никольская выделяют основными признаками стойкое сочетание двух видов расстройств: аутизм как симптом и стереотипность поведения.

Жизнь подростка с аутизмом зависит от тяжести болезни. Подростки с высоко функциональной формой аутизма учатся в обычных классах и даже в классах для отличников, участвуют в жизни школы и, несмотря на некоторые трудности в общении, практически не отличаются от своих сверстников. Напротив, подростки с тяжелой формой аутизма не в состоянии обучаться, заботиться о себе самостоятельно и удовлетворять основные потребности без посторонней помощи (Богдашина О.Б., 1999).

Агрессивное поведение не типично для каждого ребенка с аутизмом, но при наблюдении такового часто отмечается нарушение развития, что

приносит существенные проблемы на протяжении всей жизни. В подростковом возрасте происходят быстрые физические и эмоциональные изменения в организме, что не всегда понимается подростком с аутизмом. Эти изменения могут привести к проявлению агрессии. К факторам риска проявления агрессии у подростков с аутизмом можно отнести: подростков – жертв физического и сексуального насилия, подростков из неблагополучных (по социально-экономическому статусу) семей, подростков с травмой головного мозга.

В ходе эмпирической работы по определению проявлений агрессивных реакций были рассмотрены группы подростков с расстройством аутистического спектра: «Норма и ЗПР», «Легкая степень УО», «Умеренная степень УО» и «Тяжелая степень УО».

Были получены следующие результаты:

Для подростков группы «Норма и ЗПР» преобладающим проявлением агрессии является вербальная; физическая агрессия встречается реже и направлена на предмет. Чаще всего агрессия возникает при попытке ограничить активность подростка.

Среди подростков с УО и расстройством аутистического спектра наблюдается проявление как физической, так и вербальной агрессии. Показатель вербальной агрессии достоверно выше у подростков с легкой степенью УО, по сравнению с показателями групп умеренной и тяжелой степенью УО. Показатель физической агрессии у подростков с УО больше проявляется у представителей с тяжелой степенью УО, по сравнению с легкой и умеренной степенью УО. У подростков с легкой степенью УО и с умеренной степенью УО направленность агрессивного поведения в большинстве случаев выражается на других детей, себя, предмет. У подростков с тяжелой степенью УО направленность агрессивного поведения часто выражается на себя и на взрослых. Во всех группах подростков с УО является преобладание агрессивных реакций на изменение условий.

Таким образом, данное исследование подтверждает гипотезу о том, что особенности проявлений агрессии у подростков с аутизмом обнаруживают связь с их интеллектуальным уровнем.

Литература

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. Москва: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2012. 512 с.
2. Богдашина О. Аутизм: определение и диагностика. Донецк: Лебедь, 1999. 112 с.
3. Иванов Е.С. Аутизм и интеллектуальная недостаточность у детей // Развитие специальной (коррекционной) психологии в изменяющейся России: Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения 2005». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 118-123.
4. Карвасарская И.Б. В стороне. Из опыта работы с аутичными детьми. Москва: Теревинф, 2013. 70 с.
5. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: пути помощи. Москва: Теревинф, 2017. 288 с.

Ургентная зависимость как феномен современной жизни

Ширванова Ф.В.

Башкирский государственный педагогический университет

имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Научный руководитель – Шиляева И.Ф.

Актуальность темы исследования связана тем, что ургентная зависимость возникла относительно недавно, и представляет собой нехватку времени для удовлетворения своих личных потребностей и потребностей, связанных с семьей. Состояние обусловлено сверхзанятостью, необходимостью принимать участие во многих видах деятельности, ускорением темпа жизни, общей гиперстимуляцией.

Изучение данной проблемы поможет нам написать рекомендации ургентным аддиктам и разработать систему профилактических мер.

Зависимое (аддиктивное) поведение как вид девиантного поведения личности, в свою очередь, имеет множество подвидов, дифференцируемых преимущественно по объекту аддикции. Различают химические и нехимические формы аддикций. Именно к нехимическим формам относится ургентная зависимость.

Впервые ургентная аддикция была описана в 1993 году Н. Тасси. Автор подразумевает под ургентной аддикцией зависимость от состояния постоянной нехватки времени. Данное состояние характеризуется сверхзанятостью, необходимостью принимать участие во многих видах деятельности, ускорением темпа жизни (Tassi, 1993).

В результате анализа были выделены основные характеристики ургентной аддикции: 1) контроль времени; 2) постоянное принятие всех требований, касающихся работы; 3) потеря способности радоваться настоящему; 4) страх будущего; 5) хроническая фрустрация базовых потребностей (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2001; Болотова А.К., 1997).

Данный феномен изучается белорусским психологом Е.Л. Шибко. Она выделяет следующие причины возникновения ургентной зависимости: выдвигание большого числа задач при не завершении предыдущих, частая смена целей, фантазирование и неудачные прогнозы завершения ситуации. По исследованиям Е.Л. Шибко, ургентная аддикция возникает у мужчин в период поздней взрослости (41-55 лет) и у женщин средней взрослости (26-40). Также она выделяет три типа ургентных аддиктов.

Первый тип – планирующий ургентный аддикт постоянно занят, в основном, планированием своей деятельности. Он проявляет признаки тревожности в ситуациях необходимости изменить тактику реализации поставленной задачи либо в отношениях с людьми, изменить программу деятельности на этапе ее реализации. В ситуации, когда необходимо решить не-

сколько задач в ограниченный промежуток времени, у человека появляется страх не успеть сделать то, что от него требуется.

Второй тип – «работоголик» или немоделирующий. Характерным признаком проявления ургентной зависимости у данной группы является работоголизм, под которым понимается сильное влечение к работе, постоянное обдумывание производственных проблем, раздражительность при занятии другим видом деятельности. Отличается высокой степенью самоорганизации, при которой человек легко включается в процесс решения одной задачи и переключается на решение другой, успешно функционирует в индивидуальной и групповой деятельности.

Третий тип – «торопливый» или негибкий. Для него характерна частая смена целей еще до начала деятельности, фантазирование, неудачные прогнозы в отношении своих действий. Сотрудник более склонен искать подобную ситуацию с уже известной программой действий в предыдущем опыте, чем экспериментировать в новых обстоятельствах. В реализации своей деятельности он уделяет большое внимание контролю, проявляет настойчивость в достижении цели при возникновении помех.

В данных стилях регуляции («планирующий», «работоголик» и «торопливый») аккумулированы типичные для ургентного аддикта способы организации своей активности, которая проявляется в разных видах деятельности (Шибко О.Л., 2007).

В связи с актуальностью этой проблемы нами было проведено исследование ургентной зависимости у 31 студентов-заочников БГПУ им. Акмуллы в возрасте от 19 до 40 лет. Такое исследование достаточно востребовано, так как ургентная зависимость является одной из основных причин возникновения трудоголизма и представляет собой целый комплекс психологических особенностей личности, которые вызывают у человека острую нехватку времени.

Целью нашего исследования было изучение особенностей проявления ургентной зависимости как феномена современной жизни. В современном мире

ургентная аддикция образуется у многих работников самых различных профессий: предпринимателей, сотрудников фирм, учителей и даже студентов. Все эти лица подвергаются давлению времени и не осознают полную серьезность ситуации и неизбежность последствий. В качестве диагностического инструментария был выбран опросник диагностики ургентной зависимости (О.Л. Шибко), который состоит из 44 вопросов. Автор выделяет 4 шкалы: «Работоголизм» (12 вопросов), «Личное время» (10 вопросов), "Межличностные отношения" (10 вопросов), «Темп жизни» (12 вопросов).

По результатам исследования выделились две группы: испытуемые с повышенным уровнем ургентной зависимости и испытуемые, у которых уровень ургентной зависимости средний.

Доля исследуемых с повышенным уровнем ургентной зависимости составляет 29%. Такие люди, как правило, очень сильно контролируют время, постоянно следят за временем, их жизнь состоит из коротких временных интервалов (вплоть до десятиминутных); постоянно выполняют все требования, касающихся работы, соглашаются выполнять любую дополнительную работу в любое, даже праздничное время; теряют способность радоваться настоящему, заиклены на решении задач в будущем и неудачах в прошлом; боятся будущего, откладывают свои цели и желания на неопределенное будущее; остаются без времени для удовлетворения своих личных потребностей и потребностей, связанных с семьей.

Исследуемые со средним уровнем ургентной зависимости составили 68%. Они не страдают чрезмерным контролем времени и достаточное количество уделяют личным и семейным делам. Но некоторые опрошенные не набрали всего 2-3 балла, чтобы перейти на повышенный уровень, т.е. они находятся в «группе риска».

Таким образом, можно сделать следующий вывод, в исследуемой нами группе имеются испытуемые, у которых уровень ургентной зависимости превышает норму. Это может привести к нарастанию напряжения и раздражительности, проблемам со сном, которые сопровождаются употреблением

транквилизаторов и снотворных препаратов. Данный стиль жизни способствует к появлению сердечно-сосудистых заболеваний, язвенных процессов, головных болей, нервных срывов различного характера, депрессий, состояний страха, в зависимости от применяемых препаратов (Шибко О.Л., 2006).

Исходя из вышесказанного, ургентная зависимость нуждается в дальнейшем исследовании причин и факторов ее провоцирующих, а также в определении способов и направлений ее профилактики, которая должна включать создание графика труда и досуга, планирование семейных мероприятий, проведение свободного времени с друзьями и родственниками, приобретение любимого занятия или увлечения.

Литературы

1. Болотова А.К. Психология времени в межличностных отношениях. М.: Московский психолого-социальный институт, 1997. 120 с.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: 2001. 251 с.
3. Шибко О.Л. Типология стилей саморегуляции произвольной активности у лиц с ургентной аддикцией // Философия и социологические науки. Минск. 2007. № 1. С. 71-75.
4. Шибко О.Л. Ургентная аддикция как форма аддиктивного поведения личности // Психологический журнал (Белоруссия). 2006. № 3.
5. Tassi N. Urgency Addiction. New York: A Signet Book, 1993. 197с.

Особенности эмоционально-оценочного компонента самосознания лиц с алкогольной зависимостью

Щукина Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Девиантное поведение, как нарушение социальных норм, приобретает все более развернутый и массовый характер, что воплощается в очень опасных и

разрушительных тенденциях для общества в частности и в целом. С течением времени количество и виды обстоятельств, влияющих на формирование отклоняющегося поведения, увеличиваются, что приводит к постепенному краху общественно-нормативных структур и самого общества.

На основании статистики Роспотребнадзора, в 2016 году алкоголизмом в стране страдают более 5 миллионов человек (из них 6% детей). Так же в России зарегистрирован факт регулярного употребления наркотиков почти 6 млн. человек. По статистике от общего числа наркоманов в России 20% – это школьники, 60% – молодежь в возрасте 16-30 лет и 20% – люди более старшего возраста. В нетрезвом виде в России совершается около 55% краж, по 70% разбойных нападений, убийств и изнасилований. Под воздействием алкоголя и наркотиков люди начинают терять контроль над своими действиями и поступками. Таким показателям свойственна увеличивающаяся тенденция, несмотря на многочисленные попытки на законодательном уровне исправить сложившуюся ситуацию (Реабилитационный центр... 2017; Центр социальной помощи ... 2016). Иными словами, изучение данного феномена продолжает быть актуальной задачей на протяжении уже нескольких лет и останется актуальной в будущем.

Наличие или отсутствие социальных отклонений в поведении человека во многом зависит от самосознания личности. Оно возникает в структуре сознания личности по мере того, как человек познает себя самостоятельным субъектом в своей практической и теоретической деятельности. Оно является тем, что человек называет своим «Я» (Рубинштейн С.Л., 1976). Это совокупность представлений личности о себе, выражающихся в «Я-концепции», которая играет важнейшую роль в формировании самосознания и, как следствие, целостной личности. Любой из компонентов «Я-концепции» может быть как позитивным, так и негативным, вследствие чего, в основном, и строится отношение человека к себе и стиль его поведения (Бернс Р., 1986).

Гипотеза исследования заключается в предположении, что у лиц с алкогольной зависимостью чаще обнаруживаются аномалии эмоционально-оценочного компонента самосознания.

В исследовании приняли участие 48 испытуемых в возрасте от 20 до 45 лет, длительное время проживающих в одном из городов Подмосковья с численностью населения около 120 тыс. человек. В экспериментальную и контрольную группы вошли по 10 женщин и по 14 мужчин в каждую. Испытуемыми экспериментальной группы стали люди с алкогольной зависимостью, выявленной в процессе беседы с ними, контрольной группы – лица, свободные от алкогольной зависимости.

В работе применялись методы: беседа, тестовый. Были использованы следующие методики: «Тест-опросник самоотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева; «Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн»; тест «Кто Я?» М. Куна (15 утверждений) и проективная методика «Рисунок человека».

В ходе беседы было выявлено, что 63% от общего числа испытуемых экспериментальной группы регулярно употребляют большое количество алкоголя разной крепости. Из них 60% как минимум раз в месяц «уходят в запой» на 1-2 недели. 37% от общего числа испытуемых экспериментальной группы пытаются контролировать свои порывы к употреблению алкоголя в больших количествах.

По результатам методики «Тест-опросник самоотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева процент позитивного самоотношения в экспериментальной группе ниже (29%), чем в контрольной (75%), а процент конфликтного и негативного самоотношения в совокупности выше (в экспериментальной – 71%; в контрольной – 25%).

Результаты «Методики исследования самооценки Дембо-Рубинштейн» свидетельствуют, что показатели адекватной самооценки в контрольной группе выше, чем в экспериментальной (71% и 25% соответственно). Показатели адекватного уровня притязаний в контрольной группе выше, чем в экспериментальной (79% и 37% соответственно).

По результатам методики «Кто Я?» М. Куна процент отсутствия социальных ролей в самоописании в экспериментальной группе выше, чем в контрольной (88% и 38% соответственно). В контрольной группе, в отличие от экспериментальной (54% и 8% соответственно), преобладает тип описания, в котором соотношение социальных ролей и индивидуальных характеристик примерно одинаково, что даёт основания предположить, что человек проявляет свою индивидуальность и вместе с тем в основном придерживается социальных норм. Соотношение по отсутствию в самоописании индивидуальных характеристик практически одинаковое.

По результатам методики «Рисунок человека» в экспериментальной группе наиболее распространенными симптомокомплексами являются: агрессивность, тревожность, импульсивность, негативизм, демонстративность и эмоциональная лабильность. В контрольной группе наиболее распространенными симптомокомплексами являются: хорошо адаптированная личность, тревожность, импульсивность и демонстративность. Основные отличия экспериментальной группы от контрольной состоят в следующем: у испытуемых данной группы уровень адаптированности в основном ниже, выше уровень агрессивности, импульсивности, негативизма и чаще встречается эмоциональная лабильность, сниженное настроение и потребность в опоре.

По результатам исследования самосознания лиц с алкогольной зависимостью можно сделать несколько выводов:

1. Лицам с алкогольной зависимостью чаще свойственен конфликтный или негативный вид самоотношения.

2. Лицам с алкогольной зависимостью чаще свойственна неадекватная, а именно завышенная, заниженная, или неустойчивая самооценка и неадекватный, а именно завышенный или заниженный, уровень притязаний.

3. У лиц с алкогольной зависимостью чаще возникают сложности в выполнении правил, которые исходят от тех или иных социальных ролей. У данных лиц более выражены трудности с саморегуляцией и самоконтролем

поведения, чем у людей, которые могут придерживаться своих социальных ролей и ведут себя в пределах социальной нормы.

4. В основном лица с алкогольной зависимостью чаще обладают негативизмом, плохо или не так хорошо, как люди социальной нормы, адаптированы, более агрессивны, импульсивны, эмоционально неустойчивы. Вероятнее, что они больше нуждаются в опоре и подвержены снижению фону настроения.

Итак, можно констатировать, что существует определенная взаимосвязь между качеством самосознания и предрасположенностью к девиантному поведению, которая находится в прямой зависимости от комплексного личностного образования, коим и является самосознание с учетом его компонентов. В развитие данной темы интересно было бы провести аналогичное исследование самосознания лиц с другими формами девиантного поведения и попытаться найти общие и специфические особенности их самосознания по сравнению с лицами с нормативным поведением.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: «Прогресс», 1986. 422 с.
2. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 241-252.
3. Реабилитационный центр для наркозависимых «Здоровый Новосибирск» [Электронный ресурс]. URL: <http://novosibirsk.czm.su/news/statistika-alkogolnoy-zavisimosti-v-rossii-za-2016-god.html> (дата обращения: 24.01.2017).
4. Центр социальной помощи «Утренняя звезда» [Электронный ресурс]. URL: <http://utrezve.org/?p=3802> (дата обращения: 06.06.2016).

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Особенности этнических стереотипов в группах юристов

Балестина И.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Бовина И.Б.

Этнические стереотипы рассматриваются как разновидность социальных стереотипов и определяют взаимодействие индивида во всем социальном контексте, заполняя особым содержанием большинство сфер общественной жизни, включая, таким образом, и сферу правоохранительной системы. Следовательно, значительный теоретический и практический интерес представляет проблема стереотипизации для юридической психологии. Стереотипы, и в частности этнические стереотипы могут быть причинами когнитивных искажений и способны заставить очевидцев совершать ошибки в восприятии, запоминании и воспроизведении событий.

Необходимость совершенствования подготовки специалистов, психопрофилактика стереотипов и предубеждений, развитие этнической толерантности в условиях современной напряженной социально-экономической обстановки также обусловили выделение темы исследования.

Цель исследования состояла в выявлении психологических особенностей этнических стереотипов юристов, как детерминант ошибок запоминания.

Были поставлены задачи, общий смысл которых заключался в выявлении ошибок запоминания в соответствии с этническими стереотипами и оценке универсальности их для всех изучаемых групп.

Группы юристов были сформированы из специалистов с высшим юридическим образованием – 7 из них на позиции государственного обвинителя, и 7 человек – следователи, мужчины и женщины, средний возраст всех участников 27 лет. Средний стаж работы 3 года.

За основу была взят эксперимент Г. Олпорта и Л. Постмэна 1947 года по распространению слухов. Где один человек, увидев некоторую сцену передавал ее описание другому человеку и т.д. Авторы обнаружили, что описание сцены часто менялось с передачей от человека к человеку, напоминая игру «сломанный телефон». Один важный результат касался слайда, изображающего типичных пассажиров в вагоне метро Нью-Йорка, на котором белый американец, держащий бритву, по-видимому, противостоит чернокожему мужчине в костюме (Treadway M., 1989).

В ходе выполнения нашего экспериментального исследования респондентам была продемонстрирована цветная фотокарточка с изображением сцены в московском метро, размером 26x18, главные персонажи на которой – человек славянской внешности, держащий в руке нож и по-видимому, противостоящий мужчине в рубашке и жилетке – представителю народа Кавказского региона, для изучения стереотипов в непосредственном их проявлении, в ходе некоторого рода взаимодействия субъекта и объекта стереотипизации.

Для всех групп была использована стандартная процедура. Предъявлялась инструкция: «Вам необходимо внимательно слушать то, что будет говорить Вам другой участник, и повторить то, что Вы услышали «как можно точнее» следующему человеку».

Затем, всех участников, кроме одного просили покинуть комнату. Когда участники вышли из комнаты, оставшемуся респонденту на 30 секунд предъявляют фотографию, изображающую детальную ситуацию, и ему дается задача описания (глядя на фото): его просят включить как можно больше подробностей в ее описании.

После первоначального описания сцены фотография убирается. Первый член группы за дверью приглашается обратно в комнату. Первая задача: прислушаться к рассказу «главного очевидца» и потом пересказать как можно точно следующему человеку.

Затем второй человек из группы приглашается в комнату, занимая место рядом с первым. Первый член группы повторяет описание сцены так же точно, как он может. Затем третий субъект занимает свою позицию рядом со вторым и прислушивается к его докладу.

Эта процедура продолжается таким же образом, пока последний субъект не повторит историю, которую он услышал, и в конце сравнивают его окончательную версию с оригиналом.

В процессе исследования регистрировалась вербальные цепочки испытуемых.

В результате проведения качественно-количественного анализа рассказов групп мы обнаружили, что во всех пересказах групп фигурировал нож и человек неславянской внешности, причем обе группы точно идентифицировали этническую принадлежность одного из героев («кавказец»). Только в группе гособвинителей респонденты уделили внимание отношению окружения: все вокруг были равнодушны, кроме одной девушки, которая смотрит на них.

Самый интересный результат касался перемещения ножа, в группе гособвинителей не произошло перемещения оружия, когда как в группе следователей нож переместился от человека славянской внешности к представителю народа Кавказского региона уже на втором человеке в цепочке.

Таким образом, «быстрое» перемещение оружия в группе следователей, а также результаты постэкспериментальной беседы позволили сделать вывод, что в группе следователей существуют предубеждения (негативное явление, вытекающее из стереотипов (Андреева Г.М., 2005)) в отношении представителей Кавказского региона. А вывод о наличии предубежденности выдвигает предположение о том, что в группе следователей имеет место быть профессиональная деформация (изменение качеств личности (стереотипов восприятия, ценностных ориентаций, характера, способов общения и поведения), появляющиеся под влиянием выполнения профессиональной роли (Бандурка А.М, 2002), однако проверка данной гипотезы выходит за рамки данного исследования, но определяет перспективу дальнейшего изучения.

В целом, работа развивает социально-психологическую линию изучения этнических стереотипов, но через призму когнитивного подхода. Дальнейшие исследования также могут осуществляться в русле выявления так называемой «истинности» стереотипов и по уточнению тех атрибутов в образе «другого», которые актуализируют стереотип. Также возможны исследования с учетом стажа службы в профессиональных группах и с учетом гендерного фактора.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. Москва: Аспект Пресс, 2005. 303 с.
2. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология: учебник Харьков: Издательство Национального университета внутренних дел, 2002. 596 с.
3. Treadway M., McCloskey M. Effects of Racial Stereotypes on Eyewitness Performance: Implications of the Real and the Rumoured Allport and Postman Studies // Applied Cognitive Psychology. 1989. Vol. 3. 7 December. P. 53-63.

Информационное воздействие в формировании привлекательности профессии сотрудника ОВД

Дружинина В.Н.

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (г. Москва)

Научный руководитель – Балашова В.А.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время проблема создания необходимого имиджа и поддержания должного престижа полицейской деятельности должна постоянно находиться в фокусе общественного внимания. Значимость роли полиции, ее авторитет в обществе и привлекательность полицейской профессии в сознании граждан создаются в первую очередь признанием статуса полицейских государством и в предоставлении им определенных властных полномочий и социально-правовых

гарантий. На сегодняшний день произошло изменение качественного состава совершаемых преступлений. Например, одним из приоритетных направлений в правоохранительной деятельности является борьба с киберпреступностью. В связи с этим возникла необходимость подготовки сотрудников органов внутренних дел иного уровня. Процесс совершенствования кадровой политики органов внутренних дел предусматривает повышение престижа профессии сотрудника органов внутренних дел в глазах общественности. Общественное мнение, как известно, формируется под влиянием совокупности факторов, одним из которых является информационное воздействие. Отсюда возникает вопрос о значении информационного воздействия в формировании образа сотрудника органов внутренних дел и привлекательности данной профессии.

Объект исследования: информационное воздействие.

Предмет исследования: оценка информационного воздействия в формировании привлекательности профессии сотрудника ОВД.

Цель исследования: оценить информационное воздействие в формировании привлекательности профессии сотрудника ОВД.

Задачи исследования:

1. Определить значение информационного воздействия в профессиональной деятельности сотрудника ОВД.

2. Выявить степень привлекательности профессии сотрудника ОВД на основании транслируемой информации.

Эмпирическая база исследования: курсанты 5-го курса Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Методика исследования: разработанная автором исследования анкета, направленная на оценку характера информационного воздействия на респондентов и их реакцию.

Известно, что средства массовой информации и коммуникации транслируют информацию, которая тем или иным образом влияет на формирование общественного мнения и настроения. Также средства массовой

информации и коммуникации являются активно применяемым способом манипулирования общественным сознанием, ведь недаром на сегодняшний день говорят об информационной войне.

Результаты проведенного исследования выявили следующие особенности привлекательности профессии сотрудника органов внутренних дел с учетом оценки информационного воздействия.

Отвечая на вопрос, под влиянием чего сформировались Ваши представления о профессии сотрудника ОВД, респонденты в одинаковом соотношении (46%) выбрали такие варианты ответа как: информационные программы и современные художественные произведения.

Следующий вопрос был направлен на выявление того, испытывают ли респонденты на себе негативное информационное воздействие, как сотрудники ОВД. В результате 63% мужчин-респондентов испытывают данное негативное воздействие, однако 72% женщин-респондентов это отрицают. Данный факт может объясняться тем, что женщина в форме является привлекательным объектом восприятия и украшением той или иной структуры, при этом на мужчин-сотрудников смотрят только с профессиональной точки зрения.

Следующий вопрос «Как вы относитесь к роле женщины в системе ОВД» выявил, что 46% респондентов мужского пола относятся отрицательно к данному факту. При этом 31% из них положительно относятся, если женщина НЕ проходит службу в оперативно-розыскных или следственных подразделениях. Ответы женщин дали иные результаты: 93% из них относятся к этому положительным образом, и только 7% поддерживают мужскую половину в части, если женщина не работает в оперативном или следственном подразделении. Полученные результаты можно объяснить тем, что многие люди считают службу в ОВД и иных системных подразделениях «чисто» мужской, и женщины не способны или не должны выполнять эту работу, которая могла бы ложиться на их «хрупкие» плечи. Кроме того, наличие социальных стереотипов о роли женщины в качестве хранительницы очага и совмещение этой роли со службой в ОВД представляется невозможным.

В анкете предусматривалось определить, сколько опрошенных респондентов испытывают чувство гордости за выбранную ими профессию. Ответы респондентов показали, что 91% из них относятся к своей будущей профессии с чувством гордости.

Далее выяснялось, какой характер имеет общественное мнение о деятельности и личности сотрудника ОВД на сегодняшний день. Большинство респондентов (54%) ответили, что такое мнение является ошибочным/искаженным, а также, что обществом они не оценены по достоинству.

Следующий вопрос «Какой должна быть информация в СМИ и СМК о деятельности системы ОВД» выявил, что 91% анкетированных считают, что информация подобного рода должна подлежать цензуре, т.е. должна быть избирательно демонстрируемой. Остальные респонденты утверждают, что любая информация должна быть исключительно конфиденциальной. Подобная оценка может быть обусловлена спецификой правоохранительной деятельности, которая сама по себе подразумевает конфиденциальный характер. Излишняя открытость может повредить эффективности деятельности органов внутренних дел.

Далее был поставлен вопрос о том, что можно исправить во взаимодействии системы МВД со СМИ. Анализ ответов респондентов привел к выводу, что необходимо устранить представления о деятельности сотрудников ОВД в искаженной и преувеличенной форме, и больше преподносить положительную информацию для улучшения отношения граждан к правоохранительной системе. Создание положительного имиджа в глазах обычных граждан необходимо структуре для того, чтобы они были союзниками в борьбе с преступностью.

Вышеназванный ответ опередил последующий вопрос анкеты исследования «Как вы считаете, в СМИ и СМК присутствует ли гиперболизация негативной оценки о деятельности сотрудников ОВД». 91% анкетированных дали на него положительный ответ, объяснение которому было рассмотрено ранее.

Следующий вопрос «На основании информации о деятельности системы ОВД, которая транслируется в СМИ, Вы рекомендовали бы своим знакомым пойти служить в ОВД?» получил 87% отрицательных ответов. Именно ответ на данный вопрос непосредственно демонстрирует наличие информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел через средства массовой информации, которое имеет негативный характер.

Заключительным вопросом анкеты являлся: «По Вашему мнению, какую оценку дает общество образу сотрудника ОВД на сегодняшний день». Анализ результатов показал, что 100% респондентов считают, что общество скорее отрицательно относится к системе, нежели положительно.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить, что информационное воздействие в формировании привлекательности сотрудника ОВД активно присутствует и имеет при этом больше критический (негативный) характер, что в свою очередь влияет на формирование общественного мнения о данной профессии как внутри системы, так и за ее пределами.

Исследование темпераментальных особенностей при профессиональном отборе в органы следствия

Лебедева Т.А., Шипшин С.С.

Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

Спецификой работы следственных органов является жесткая правовая регламентация профессиональной деятельности, властный, обязательный характер профессиональных полномочий, разнообразие решаемых задач, творческий характер профессиональной деятельности, независимость деятельности и высокая персональная ответственность за свои действия и принимаемые решения, напряженный характер труда. Ключевыми компонентами данной профессиональной деятельности с точки зрения психологии, выступают познавательная, коммуникативная и организационно-управленческая

деятельность. В совокупности указанные особенности предъявляют высокие требования не только к профессиональным знаниям и навыкам сотрудников, но и к их личности в целом (Романов В.В., Кроз М.В., 1994; Кроз М.В., 2009).

В связи с этим выявление темпераментальных свойств в их проявлении в характерологических особенностях личности, с одной стороны, дает возможность построения более точного «психологического портрета» кандидата; с другой – имеет прогностическое значение, с учетом того что темперамент является базисным (генетически и нейрофизиологически обусловленным) конструктом, притом что характерологические черты, в которых он находит свое проявление, обладают динамичностью, способностью к трансформации, развитию. Таким образом, важное прикладное значение приобретает исследование взаимосвязи свойств личности, обусловленных врожденными особенностями, и тех, что приобретены в течение жизни (прежде всего в процессе социализации).

В рамках данного пилотажного исследования была поставлена задача рассмотреть возможности изучения темпераментальных свойств личности с использованием инструмента TCI-125, разработанного С. Клонинджером и его сотрудниками (Cloninger С. Robert) в русле общей биосоциальной концепции личности. В основе данного подхода лежит биогенетическая ориентация на изучение развития человека как индивида, обладающего определенными антропогенетическими свойствами (задатки, темперамент, биологический возраст, нейродинамические свойства мозга, и др.), которые проходят различные стадии созревания по мере реализации филогенетической программы вида в онтогенезе. Затем фокус исследования смещается на социогенетическую ориентацию, изучающую «процессы социализации человека, освоения им социальных норм и ролей, приобретения социальных установок и ценностных ориентаций, формирование социального и национального характера человека как типичного члена той или иной общности». Согласно полученным данным, выявленные компоненты темперамента является наследуемыми на 50-60%, оставаясь при этом генетически независимым от других. Индивидуальные

различия в показателях по факторам темперамента наблюдаются уже в раннем возрасте и хорошо заметны в юношеском и взрослом поведении.

ТСИ-125 чаще используется при исследовании проблем генетики поведения человека (Голимбет В.Е., Гриценко И.К, Алфимова М.В., Эбштейн Р.П., 2005; Барский В.И., Аксенова М.Г., Козлова О.Б. и колл., 2010), психических и соматических заболеваний (Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г., 2002; Лас Е.А., 2012).

Были исследованы 50 человек (мужчины и женщины, средний возраст 27 лет). Использованы: «Методика исследования темперамента и характера» (опросник ТСИ-125, адаптация А.Г. Ефремова); «Индивидуально-типологический опросник» Л.Н. Собчик; 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла.

В ходе проведенного исследования были выявлены значимые корреляционные связи параметра «поиск новизны» со шкалой агрессивности / стеничности по ИТО ($r=0,392$). Кроме того, респонденты, характеризующиеся высокими показателями по шкале поиска новизны, продемонстрировали импульсивность, невысокий самоконтроль поведения (фактор Q3) ($r=-0,5$), естественность поведения, прямолинейность (фактор N) ($r=-0,463$), невысокое стремление к осознанному соблюдению моральных норм и общепризнанных правил поведения (фактор G) ($r=-0,441$), выраженное стремление к самоутверждению, самостоятельности и независимости (фактор E) ($r=0,381$).

Таким образом, согласно полученным результатам, темпераментальный параметр «поиск новизны» проявляется характерологическими чертами стеничности, независимости, напористости, импульсивности; такая личность живет сообразно своим субъективным представлениям и стремится отстаивать свое право на подобное поведение.

Вторым из рассматриваемых параметров является «избегание вреда», которое определяется как «унаследованное стремление к угнетению или полному прекращению ведущей деятельности». Были выявлены значимые связи данного фактора со шкалами тревожности ($r=0,570$), экстраверсии ($r=-0,400$) и интроверсии ($r=0,389$) (ИТО); также данной черте темперамента соответствуют

низкие показатели эмоциональной устойчивости (фактор С $r=-0,534$), напряженность, фрустрированность (фактор Q4 $r=0,507$), робость, неуверенность в себе (фактор Н $r=-0,475$), гипотимия, склонность к чувству вины (фактор О $r=0,475$), импульсивность (фактор Q3 $r=-0,349$).

Отсюда следует что темпераментальное свойство «избегание вреда» проявляется в характерологических особенностях, обуславливающих собственно избегающее поведение.

«Зависимость от вознаграждения» обнаруживает значимую корреляцию с показателями сензитивности ($r=0,369$), лабильности ($r=0,334$) и тревожности ($r=0,308$) (ИТО), то есть базисное стремление к сохранению и дальнейшему поддержанию избранного стиля поведения на характерологическом уровне проявляется в выраженной чувствительности к средовому воздействию и любым изменениям вообще, легкости изменения эмоционального настроения и активности, в сильной зависимости от референтной группы.

Таким образом, выявленные связи между некоторыми темпераментальными особенностями и их характерологическими и личностными проявлениями свидетельствуют о соответствии метода TCI-125 задачам комплексного психологического исследования при профессиональном отборе кандидатов в органы следствия. Изучение возможностей TCI-125 для целей диагностики профессионально значимых для следственной деятельности качеств в комплексе с другими психодиагностическими методами будет продолжено.

Литература

1. Барский В.И., Аксенова М.Г., Козлова О.Б., Кириллов А.В., Демин А.А., Ильиных Л.И., Рапопорт И.К., Асанов А.Ю. Анализ ассоциаций полиморфных маркеров генов дофаминергической (DRD2/ANKK1) и серотонинергической (HTR2A) систем мозга с личностными характеристиками подростков // Экологическая генетика человека. 2010. Т. 8. №2. С.9-17.
2. Батаршев А.В. Многофакторный личностный опросник Р. Кэттелла: Практическое руководство. М., 2002. 96 с.

3. Голимбет В.Е., Гриценко И.К., Алфимова М.В., Эбштейн Р.П. Полиморфные маркеры промоторного участка гена дофаминового рецептора D4 и черты темперамента у психически здоровых людей из русской популяции // Генетика. 2005. Т. 41. №5. С.1-6.
4. Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Исследование психологических характеристик девиантного поведения с помощью биосоциальной методики – структура характера и темперамента (ТСИ-125) и методики выявления степени выраженности шизотипических черт (SPQ-74) // Ежегодник российского психологического общества. Психология в системе наук (междисциплинарные исследования). 2002. Т.9. № 1. С. 92.
5. Кроз М.В. Психология прокурорской деятельности. М., 2009. 70 с.
6. Лас Е.А. Эмоционально-личностные предикторы отношения к болезни у пациентов с ревматоидным артритом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. Вып. 150. С. 262-270.
7. Романов В.В., Кроз М.В. Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации. Методическое пособие. М., 1994. 116 с.
8. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб, 2008. 624 с.
9. Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М., 2009. 104 с.

Механизм принятия решения профессиональными военными судьями

Попова Т.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Калашникова А.С.

Процесс принятия решения является одной из самых фундаментальных проблем психологии, практическая значимость таких исследований очень высока. Именно такие экспериментальные работы ставят перед собой цель прикладной оптимизации профессиональной деятельности, отбора к ней. Проблема принятия решений судьями актуальна, исходя из того, что от эффективности деятельности судьи напрямую зависит действенность системы права в целом. Механизм принятия судьей решения предполагает выбор наиболее верной альтернативы из всех, что возникают у судьи в момент судебного разбирательства. Этот выбор осложняется различными препятствиями, делая принятие решения сложным и запутанным механизмом. Здесь играет роль неопределенность и сомнения судьи, возможный риск, сопровождающий процесс принятия решения, множество или недостаточность альтернатив. Эффективное функционирование механизма принятия решения судьями возможно только при условии согласованности элементов структуры данного процесса (Червинская К.Р., 2008). Так, по результатам исследования Т.В. Корниловой и А.Л. Кондратчик, «базовое» образование является недостаточным элементом, нерешающим при принятии адекватных решений юристами. При обучении специалистов стоит делать упор также и на умение совмещать профессиональные знания с построением суждений, умозаключений в решении профессиональных задач (Корнилова Т.В., 2003).

Специфика деятельности военного судьи с практической точки зрения не отличается от деятельности обычных, в особенности, если речь идет о когнитивной структуре механизма принятия решения. Военные судьи в их профессиональной деятельности сталкиваются с бóльшим количеством как внешних, так и внутренних факторов, влияющих на принятие решения, что предполагает более отчетливое проявление таковых в исследовании. Исходя из

этого, результаты эмпирического исследования можно будет экстраполировать на процесс принятия решения и обычными судьями.

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена недостаточностью изучения психологического аспекта в проблеме принятия решения судьями, а также отсутствием рекомендаций по оптимизации судебного процесса, в котором большую роль играют психологические факторы.

Целью проведенного исследования явилось изучение психологических особенностей механизма принятия судебных решений военными судьями.

В исследовании приняли участие 35 судей из военных гарнизонных судов г. Москвы, г. Тамбова, г. Наро-Фоминска, г. Гаджиево.

Использовались следующие методы и методики: 1) Опросник интуитивного стиля Эпстайна (апробация Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов), 2) Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (апробация Т.В. Корниловой), 3) Мельбурнский опросник принятия решений (адаптация Т.В. Корниловой), 4) Опросник «Личностные факторы принятия решений» (Т.В. Корниловой), 5) Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (социальный самоконтроль), разработан Г. С. Никифоровым, В. К. Васильевым и С. В. Фирсовой.

Полученные результаты.

По результатам оценки проведенного исследования судьи скорее не склонны прислушиваться к собственным ощущениям при принятии решения, или используют их в меньшей степени, чем это позволяют их субъективные интуитивные способности. Однако можно отметить, что судьям до 30 лет в большей степени свойственно опираться на внутренние ощущения при принятии решения ($p < 0,05$). Группа судей, использующая интуицию на более низком уровне, чем это позволяют их субъективные способности, склонна к проявлениям прокрастинации, т.е. склонны откладывать принятие решения на потом ($p < 0,05$), нуждаются в увеличении количества поступающей информации, доказательств, чтобы минимизировать сомнения, продуцируемые тревогой по отношению к принятию решения. В таких обстоятельствах велика вероятность снижения

контроля деятельности, как до ее начала, так и в текущем периоде ее реализации ($p < 0,05$).

При высоком уровне использования интуитивных способностей увеличивается готовность к актуализации своего интеллектуального и личностного потенциала при принятии решений в условиях неопределенности. ($p < 0,05$). Однако все судьи, чьи результаты обнаруживают готовность к риску, также склонны к высокому уровню рациональности, как и остальная часть выборки, это говорит о готовности судьи контролировать свои действия, рискуя в ситуации неопределенности (например, в случае неполноты информации). В основном такое положение вещей в большей степени встречается у судей со стажем работы меньше десяти лет ($p < 0,05$). Стоит отметить, что все судьи выборки обнаруживают высокие показатели в исследовании социального самоконтроля, однако в том случае, когда показатели снижаются с «высокого» до «выше среднего», прослеживается увеличение уровня готовности к риску ($p < 0,05$).

В межличностных отношениях бóльшая часть выборки склонна к умеренному стремлению контролировать статичность отношений, чтобы избежать дискомфорта и неопределенности в общении. Однако у судей, ранее работавших в юридической сфере, прослеживается бóльшая степень психологической устойчивости при неопределенности во взаимоотношениях ($p < 0,05$).

Если говорить о неопределенности в ситуации принятия решения, то большей части выборки свойственна интолерантность, т.е. рассмотрение верного решения в рамках принятого и привычного механизма рассмотрения альтернатив. Чем более выражены данные особенности, тем более проявляется высокий уровень эмоционального самоконтроля судей ($p < 0,05$). Хотя в основном всем судьям выборки свойственно оценивать информацию без существенного влияния на них эмоционального фактора, здесь также прослеживаются некоторые специфические особенности. Так показатель эмоционального самоконтроля

имеет свойство увеличиваться по мере прохождения судей через рубеж десяти лет в стаже профессиональной деятельности ($p < 0,05$).

При увеличении стремления к новым способам принятия решения в случае неопределенности, готовности выйти за рамки установленного порядка с целью минимизации сомнений, увеличивается и вероятность использования такого непродуктивного копинга, как избегание ($p < 0,05$), который обнаруживается у судей в возрастном периоде от 30 до 35 лет ($p < 0,05$). При этом стоит учесть, что абсолютно все судьи из выборки имеют высокие показатели по продуктивному копингу «бдительность». В основном после пятнадцати лет профессионального стажа толерантность к неопределенности снижается ($p < 0,05$), однако до тех пор явление «избегания» может приводить к рационализации довольно сомнительных альтернатив при принятии решения.

Говоря о рациональности, как о готовности обдумывать свои решения и действовать при возможно более полной ориентировке в ситуации, следует подчеркнуть правомерность предыдущего высказывания: при склонности судей к использованию копинга «избегание», их уровень рациональности несколько ниже, чем у других участников исследования ($p < 0,05$). В основном у судей старше 45 лет уровень рациональности на порядок выше ($p < 0,05$), потому можно сделать вывод и о влиянии возрастного аспекта в данном случае. Следует отметить также, что чем выше рациональность, тем меньше судьи используют интуицию ($p < 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что механизм принятия решения у профессионально эффективных судей отличается их умением продуктивно действовать в условиях неопределенности, однако имеет свои тонкие аспекты (уровень использования интуитивных способностей, уровень самоконтроля и готовности к риску, толерантность/интолерантность к неопределенности, профессиональный стаж и возраст судьи и пр.), при которых возможно снижение профессиональной эффективности. И эти аспекты являются отправной точкой в разработке системы оптимизации профессиональной деятельности судей.

Литература

1. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. Москва: Аспект Пресс, 2003. 286 с.
2. Червинская К.Р. Методика интерперсональных отношений: опыт эксплицирования знаний эксперта-психолога, интерпретационные схемы. Санкт-Петербург: Речь, 2008. 160 с.

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Особенности образа ребенка у матерей, страдающих психическими расстройствами

Андрианова С.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Психологическое понятие «родительство» (parenting) до конца не определено и разными авторами раскрывается по-разному. При этом все авторы рассматривают его как сочетание когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов (Варга А.Я., 2005; Овчарова Р.В., 2006; Эйдемиллер Э.Г. 2005).

В психологической науке наиболее изученным является вопрос отражения человека в человеческом сознании. «Образ» – субъективная представленность предметов внешнего мира, включающая в себя самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий (Головин С.Ю., 1998). На данный момент в психологической науке нет четкого определения понятия «Образ ребенка», но, по нашему мнению, «Образ ребенка» является результатом субъективного опыта человека и является наиболее полным отражением эмоционально-смыслового отношения родителя к ребенку.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей образа ребенка у матерей, страдающих психическими расстройствами. Гипотеза: образ ребенка у матерей, страдающих психическими расстройствами, имеет определенные особенности, связанные со спецификой заболевания.

Исследование проводилось на базе психиатрической клинической больницы № 4 им. П.Б. Ганнушкина (ПКБ 4) с октября 2016 года по март 2017 года. Выборку основной группы составили 21 женщина, страдающая психическими расстройствами, являющаяся пациенткой стационарного отделения

и имеющая детей в возрасте до 18 лет. Средний возраст: 38 лет (ст. откл. = 3). Контрольную группу составили матери несовершеннолетних детей, не обращавшиеся в течение жизни к психиатру. Количество: 21. Средний возраст: 34 лет (ст. откл. = 8).

Методика О.А. Карабановой (Карабанова О.А., 1998) «Родительское сочинение» позволила получить следующие результаты: 1) каких-либо явных различий в сочинениях основной и контрольной групп выявлено не было; 2) у большинства пациенток сочинения адекватно центрированы на проблемах развития ребенка; 3) женщины, страдающие психическими расстройствами, чаще, чем контрольная группа выполняют задание формально. Но, по нашему мнению, это может быть связано с тем, что: 1) контрольной группе иногда сочинения давались домой; 2) у исследователя нет достаточного опыта для установления контакта с пациентками; 3) присутствует дефект эмоциональной сферы; 4) у испытуемых низкий уровень развития вербальных способностей и культуры письменной речи.

«Родительское сочинение в форме незаконченных предложений» А.А. Шведовской (Шведовская А.А., 2005) обрабатывалось с помощью контент-анализа, предлагаемого в описании методики. На основе полученных результатов мы смогли составить обобщенные портреты реального и идеального образа ребенка у основной и контрольной группы. Далее, сравнивая полученные портреты у двух групп, мы выявили следующие особенности.

Отличия по реальному образу ребенка: 1) матери, страдающие психическими расстройствами, не склонны глубоко вникать в нюансы позитивной характеристики ребенка, для них характерны обобщенные ответы по типу: «все нравится», «все»; 2) в негативных влияниях на ребенка отмечена болезнь матери, ее частые госпитализации: «мои суициды», «мое нахождение в больнице», «я болела», «мои госпитализации».

Отличия по идеальному образу: у пациенток присутствует страх, что их детей отберут: «меня лишат родительских прав», «боюсь, что дедушка с бабушкой его заберут от меня»; также страх о разлуке по инициативе самого

ребенка: «мой ребенок уйдет от меня», хочу, чтобы мой ребенок больше уделял мне внимания».

Далее с помощью программы Statistica 6.0 мы провели статистическую обработку результатов двух групп по двум вариантам методики «Семантический дифференциал» (Осгуд Ч., 1957) по направлениям «Оценка», «Сила», «Активность». Проверка результатов выполнялась по непараметрическому U-критерию Манна-Уитни. В итоге мы выявили, что при использовании первого варианта методики каких-либо значимых различий между группами не было. Но при использовании второго варианта мы получили значимые различия по фактору «Оценка», который в стимульном материале представлен следующими противоположными парами прилагательных: «кислый – сладкий», «грубый – нежный», «темный – светлый», «черствый – свежий».

Обобщая все вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что у матерей, страдающих психическими расстройствами, образ ребенка: 1) по эмоциональной составляющей положительный, но не дифференцированный; 2) по когнитивной составляющей не всегда адекватный; 3) также образ ребенка включает болезнь матери и ее страх лишиться ребенка. Также расхождения в результатах между основной и контрольной группами могут быть связаны с тем, что метафорические пары прилагательных, не применимые для характеристики человека, «кислый – сладкий», «грубый – нежный», «темный – светлый», «черствый – свежий», при оценке собственного ребенка для матерей, страдающих психическими расстройствами, имеют иное семантическое значение.

Исходя из всего вышесказанного, мы предполагаем, что психическое расстройство влияет на структуру и содержание образа ребенка в сознании матери.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. Москва, 1999. 350 с.
2. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 1986. 206 с.

3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 800 с.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. Москва: Гардарики, 2005. 320 с.
5. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2006. 496 с.
6. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия / под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. Москва, 1927. С. 278–297.
7. Шведовская А.А. Использование методики «Родительское сочинение» в диагностике детско-родительских отношений в дошкольном возрасте // Психолог в детском саду: ежеквартальный научно-практический журнал: издается с января 1998 года / Ред. В.Г. Колесников, А.Г. Лидерс. Москва-Обнинск, 2006. №4. С. 96-130.
8. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапии: учебное пособие для врачей и психологов. Санкт-Петербург: Речь, 2005. 336 с.

**Проблемы применения методов дистанционной психологической
диагностики при экспертном исследовании видеоматериалов допроса**

Дошимова Б.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Секераж Т.Н.

Совершенствование законодательной базы, возрастающие потребности следственной практики и развитие психологической науки в последнее время

оказали существенное влияние на расширение круга вопросов, по которым применяются психологические знания при раскрытии и расследовании преступлений. Особый интерес у правоохранительных органов вызывают вопросы усовершенствования с помощью психологических знаний приемов, способов и методов выявления правонарушений, применяющихся в оперативно-розыскной и следственной практике.

Необходимость формирования доказательственной базы нашла свое отражение в модификации старых и разработке новых способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. Среди них определенное место занимает производство судебных экспертиз видеоматериалов оперативных и следственных действий с использованием методов дистанционной психологической диагностики. Объект и предмет таких исследований, особенно проводимых частными экспертами, расходится с основными положениями теории судебной экспертизы, теории судебно-психологической экспертизы, а решение задач и критерии экспертной оценки – с принципами судебно-экспертной диагностики. Появилась порочная практика проведения экспертизы достоверности показаний, установления фактов сокрытия информации (Волохова Л.А., Секераж Т.Н., 2015; Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Ваксэ Е.В., Бердников Д.В., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н., Шишков С.Н., Шипшин С.С., 2016; Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., 1992).

В настоящее время наблюдается заметное увеличение числа обращений на проведение судебной психологической экспертизы видеоматериалов допросов и других процессуальных действий со стороны следственных подразделений Следственного Комитета России (90%), судов общей юрисдикции (4%), ФСБ России (4%), УФСКН России (2%). Обусловлено это тем, что проведение данной экспертизы предоставляет правоохранительным органам необходимые сведения о психической деятельности допрашиваемого лица, а также особенностях проведения следственных действий. Возрастающая потребность в проведении исследований видеоматериалов следственных действий связана с возникающими перед следствием вопросами, которые направлены на установление

эмоционального состояния допрашиваемого в период производства следственного действия; его способности давать показания без влияния извне на их содержание; индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого лица, особенно – его склонности к фантазированию; достоверности либо недостоверности показаний (Волохова Л.А., Секераж Т.Н., 2015). В ряде случаев необходимость таких исследований может возникнуть при гибели допрашиваемого лица, являющегося важным фигурантом расследуемого дела, дополнительный допрос которого и проведение иных следственных действий становятся невозможными. Вошла в следственную практику видеофиксация беседы и допроса несовершеннолетнего потерпевшего по сексуальным преступлениям (Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г., 2015). Начинает входить в судебную практику видеофиксация хода судебного заседания.

Несмотря на активное обращение правоохранительных органов к данному виду экспертизы, а также интерес со стороны ученых, сегодня отмечается существенный недостаток в проведении исследований, посвященных вопросам применения дистанционной психологической диагностики допрашиваемого лица при исследовании видеозаписи следственных действий. Наряду с отсутствием необходимой научной и теоретической базы отмечаются проблемы практического, методического характера, а именно, отсутствие строгой разработанности критериев психологической диагностики достоверности/недостоверности при производстве судебно-психологических экспертиз видеоматериалов следственных действий.

Анализ научной литературы показывает, что многие аспекты, связанные с применением методов психологической диагностики допрашиваемого лица при исследовании видеоматериалов следственных действий в оперативно-следственной практике, изучены недостаточно полно. Данная тема подвергалась освещению в работах следующих отечественных авторов: Л.А. Волохова, Е.Г. Дозорцева, В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова, Е.Р., Ф.С. Сафуанов, Т.Н. Секераж, Е.Н. Холопова.

Вместе с тем, имеющуюся на сегодняшний день научную основу нельзя назвать достаточной и исчерпывающей для использования результатов метода дистанционной диагностики в судебно-экспертной практике. Нуждаются в экспериментальной проверке и научном осмыслении подходы, которые нередко противоречат друг другу и не основаны на строгой методологии. Это, в свою очередь, приводит к использованию специалистами необоснованных в должной мере научных методов либо методов, не являющихся судебно-экспертными, а разработанными для решения оперативных задач и направленными на получение ориентирующей информации.

В настоящее время в экспертной практике отсутствуют валидные, надежные, научно-обоснованные методы анализа поведения и эмоциональных проявлений допрашиваемого, единая диагностическая модель, позволяющая дифференцировать ложные и достоверные высказывания, а также не выработаны критерии экспертной оценки.

Целью нашего исследования выступает выявление возможностей применения дистанционной психологической диагностики допрашиваемого лица при изучении видеоматериалов следственных действий.

В ходе исследования было получено 100 отчетов двух групп участников исследования – психологов-экспертов и психологов-практиков, работающих в различных сферах деятельности. Изучению подвергались видеоматериалы оперативных и следственных действий с целью анализа вербальных и невербальных проявлений подэкспертного лица, его психоэмоционального состояния, а также признаков психологической достоверности сообщаемой информации. Анализ количественных показателей и интерпретация данных позволили сделать следующие выводы:

1. Существующие на данном этапе науки методы дистанционной психологической диагностики, направленные на установление достоверности показаний подэкспертного, не позволяют получать объективные, верифицируемые данные.

2. Результаты дистанционной психологической диагностики, направленные на установление достоверности показаний подэкспертного, не могут иметь категорического характера.

3. При дистанционной диагностике возможно установление эмоционального состояния допрашиваемого лица и его влияния на способность давать показания в совокупности с системным анализом материалов дела.

Литература

1. Волохова Л.А., Секераж Т.Н. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативных и следственных действий: по материалам обобщения экспертной практики // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4. С. 88-97.
2. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология 2015. Т. 4. № 3. С. 47-56.
3. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
4. Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы) // Законность. 1992. № 2. С. 13-14.
5. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васьков Е.В., Бердников Д.В., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н., Шишков С.Н., Шипшин С.С. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. 2016. № 3 (43). С. 64-73.

**К вопросу о ситуационной диагностике семейных отношений в рамках
судебной психологической экспертизы по спорам о воспитании и месте
проживания ребенка**

Ефанова М.Г.

Курская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции

Российской Федерации (г. Курск)

Научный руководитель – Бердников Д.В.

Судебно-психологические экспертизы по спорам о воспитании ребенка (детей) по праву считаются одними из наиболее сложных и предполагающими исследование большого количества переменных. Традиционно они включают 3 этапа экспертного исследования: индивидуальную диагностику; ситуационную диагностику семейных отношений; прогностическую клинко-психологическую оценку психического развития ребенка. При этом одной из наиболее актуальных проблем является подбор соответствующего психодиагностического инструментария (Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С., 2013; Горьковая И.А., 2017). Выбор методов индивидуален, обусловлен спектром знаний и личными предпочтениями эксперта. Однако ситуация судебной экспертизы специфична, заставляет придерживаться принципов целесообразности, минимальной достаточности количества и информативности методик, высокой объективности получаемых данных. Обобщение практики производства подобных экспертиз показывает, что в заданных условиях наиболее спорной задачей для эксперта-психолога является ситуационная диагностика семейных отношений, тем более что не существует специализированных судебно-психологических методик диагностики семейных отношений. С другой стороны бытует мнение о том, что при производстве экспертизы «с обоими (родителями) проводится весь комплекс необходимых процедур (...) или с обоими вообще не проводятся эти процедуры» (Горьковая И.А., 2017). Исходя из этого, важно рассмотреть возможности применения существующего психодиагностического инструментария для решения задач судебно-психологической экспертизы.

Высказанное И.А. Горьковой положение о «симметричном» обследовании родителей вполне реализуемо в отношении диагностики индивидуально-психологических особенностей родителей, при применении широкого спектра патопсихологических и проективных методик, опросников и тестов (Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А., 2012). Однако касаясь диагностики системы семейных взаимоотношений все иначе. Во-первых, при судебной экспертизе необходимо получение объективных, защищенных от установочного поведения данных. Во-вторых, требование воспроизводимости при повторном тестировании и одинаковой интерпретации результатов различными экспертами позволяет использовать проективные методы только для подтверждения основных данных. В третьих, методики должны отражать различные аспекты отношений, в том числе родительские установки и стили воспитания.

В настоящее время диагностика системы семейных взаимоотношений традиционно представлена рядом тестов: «Опросник родительских отношений», PARY, «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия», опросник «Сознательное родительство», «Анализ семейных взаимоотношений», «Шкала привязанности ребенка к членам своей семьи» и т.д. Все они создавались в целях последующей психокоррекционной и психотерапевтической работы. Соответственно, не было задачи защиты получаемых данных от установочных искажений, использовались прямые вопросы с возможностью понимания их совокупного значения. Кроме того, даже поверхностный анализ психологических методик показывает их недостатки для использования в судебно-психологической экспертизе.

Так, «Опросник родительских отношений» ориентирован на изучение особенностей родительской позиции в изначально проблемных семейных взаимодействиях с конкретным ребенком. Следовательно, если в семье несколько детей целесообразно заполнять опросник в отношении каждого из них, что предполагает дополнительные затраты времени. К тому же из-за авторских ошибок в стандартизации методики, требуется перерасчет психометрических показателей теста. PARI изначально рассчитан исключительно на матерей. В

адаптации Т.В. Нещерет он известен под названием «Семейная жизнь глазами матери», имеет низкую прогностическую способность и недостаточные психометрические характеристики. Это же касается теста «ОДРЭВ», в котором мать может демонстрировать любую степень своей «эмоциональной привязанности» к ребенку. «Сознательное родительство» хотя и предназначен для обоих родителей, но не защищен от установочного поведения испытуемых, предполагая субъективную оценку собственного отношения. Наиболее информативным для судебно-психологических задач является опросник «Анализ семейных взаимоотношений», раскрывающий особенности отношений к детям разных возрастных групп. Кроме того, низкий уровень образованности наших людей служит определенной защитой получаемых результатов от установочных искажений.

В сложившихся условиях наиболее эффективно себя показывают психосемантические методы. К таковым относится модификация Цветового теста отношений А. Эткинда. Тест позволяет оценить эмоциональное состояние на момент обследования, ассоциативные связи чувств, переживаний с членами семьи, переживания в отношении реальной и желаемой семьи. Данная методика в большей мере ориентирована на имплицитный уровень системы отношений, дает возможность избежать установочного поведения родителей и психотравмирования детей.

Касаемо судебно-психологической диагностики детей, важным является их возраст, согласно которому подбираются методы. Относительно универсальными являются психосемантическая модификация Цветового теста отношений (А. Эткинд), методика определения семейных отношений (Р. Жиль), детский тест тематической апперцепции (САТ), «Рисунок семьи». Однако в связи с тем, что на экспертизу часто попадают дети уже прошедшие консультации у школьных психологов, использовать рисуночные тесты нужно с осторожностью, ставя под сомнение их достоверность.

Открытым вопросом является использование диагностики совместной деятельности (Терехина С.А., 2012). В случае остроконфликтных отношений

между родителями и проживании детей с одним из них в течение длительного времени (при индуцировании отношения одного родителя к другому) совместная деятельность теряет свою эффективность, информативность и может привести к психотравмирующему воздействию на малолетнего. Данный метод не имеет четких критериев оценки и скорее отражает актуальное состояние. Например, в благополучных семьях часто воспитанию ребенка больше внимания уделяет мать, в то время как отец работает. При таких условиях совместная деятельность ребенка с матерью будет более продуктивной, нежели с отцом.

Таким образом, утверждение И.А. Горьковой о необходимости использования одинакового комплекса диагностических процедур для оценки эмоциональных семейных отношений нереализуемо на практике, как минимум из-за отсутствия необходимого числа методик. Более того, традиционный психодиагностический инструментарий не соответствует необходимым для судебно-психологической экспертизы параметрам, что ставит актуальной проблему разработки специализированных методик.

Литература

1. Горьковая И.А. Проблемные поля судебно-психологической экспертизы о праве на воспитание детей // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1. С. 55-61.
2. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе: Учебное пособие для экспертов. Учебное пособие для студентов факультета психологии высших учебных заведений / Редакторы-составители В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 390 с.
3. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. 2 изд., испр. М.: Генезис, 2012. 192 с.

4. Терехина С.А. Практика использования пробы на совместную деятельность в экспертных исследованиях несовершеннолетних в гражданском процессе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53458.shtml (дата обращения: 11.05.2017).

Исследование особенностей родительской позиции у матерей, больных шизофренией и находящихся в стационаре

Журавлева Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

В настоящее время отечественные исследования по проблеме материнства у женщин, страдающих шизофренией, единичны. Зарубежные исследования практически неизвестны широкому кругу специалистов. Существует большое количество психологических исследований, в которых доказывается важная роль родительского, прежде всего материнского отношения, в личностном, когнитивном и социальном развитии ребенка (Варга А.Я., Овчарова Р.В., Смирнова Е.О., Броди С., Бодалев А.А.).

Важным компонентом родительского отношения являются родительские позиции или установки – сложный социально-психологический феномен, включающий когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, обуславливающие специфику воспитательной практики ребенка. Они являются основой реального поведения родителей и, в отличие от родительского отношения, не претерпевают существенных изменений по мере взросления ребенка (Варга А.Я., Смехов В.А., Столин В.В., Бодалев А.А., Спиваковская А.С.). Родительские установки обладают качествами адекватности, динамичности и прогностичности. Нарушение или искажение семейных взаимодействий

сказываются на адекватности родительской позиции, порождая зону риска для психического развития ребенка (Карабанова, О.А, 2005).

Наша работа является логическим продолжением изучения отношения к детям у матерей, страдающих шизофренией. Объектом исследования являлись детско-родительские отношения в семьях, где мать страдает шизофренией. Было обследовано 20 женщин (имеющих детей) с шизофренией и находящихся в стационаре на базе Государственного бюджетного учреждения здравоохранения, департамента здравоохранения города Москвы «Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина». Предмет исследования – отношение матерей, страдающих шизофренией, к ребенку, как качественная характеристика. Мы предположили, что у матерей, страдающих шизофренией и находящихся на лечении в стационаре, отношение к ребенку, выявляемое при помощи экспериментально-психологического исследования, будет отражать социально-желательные установки, и во многом будет обусловлено угрозой ограничения родительских прав.

Диагностический комплекс, включал в себя методики: анамнестический опросник; методика «Родительское сочинение» О.А. Карабановой на свободную тему; модификация методики «Родительское сочинение» в форме незаконченных предложений, разработанная А.А. Шведовской; методика «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда. Для получения дополнительных сведений об испытуемых были применены методы беседы, наблюдения и анализа медицинской документации.

Статистическая обработка проводилась с расчетом средних значений переменных, использованием частотного и корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена) в программе Statistica 6.0.

При анализе родительских сочинений было выделено 3 типа отношения матери к своему ребенку: позитивный «П», нейтральный «Н-Й», амбивалентный «А», негативный «Нег».

Позитивное отношение – доминирование в сочинении, синтаксических конструкций, характеризующих позитивное, доброжелательное отношение в

адрес своего ребенка; перечисление качественных прилагательных с яркой положительной окраской при описании ребенка; присутствие адекватных пожеланий в адрес будущей жизни ребенка; выбор качественных прилагательных сильной и средней степени выраженности, обозначающих положительное качество ребенка; использование определительных местоимений в отношении ребенка.

Негативное отношение – доминирование в сочинении синтаксических конструкций, характеризующих негативное, недоброжелательное отношение в адрес своего ребенка; качественных прилагательных с яркой негативной окраской при описании ребенка; присутствие неадекватных пожеланий в адрес будущей жизни ребенка; выбор качественных прилагательных сильной и средней степени выраженности, обозначающих отрицательное качество ребенка; отсутствие использования определительных местоимений в отношении ребенка.

Нейтральное отношение – описание жизненного события или произошедшей ситуации, в которой присутствовали мать и ребенок. Отсутствие оборотов и речевых конструкций, напрямую указывающих на отношение матери к ребенку, и качественных прилагательных, отражающих восприятие матерью своего ребенка; выбор качественных прилагательных нулевой и слабой степени выраженности, обозначающих качества ребенка.

Амбивалентное отношение – в сочинении присутствуют противоречия в описании своего отношения к ребенку, его поведению и развитию, к факту его рождения; описание сложных взаимоотношений между родителями и детьми. Но при этом в сочинениях присутствует позитивное принятие своего ребёнка, переживания о развитии взаимоотношениях; выбор качественных прилагательных сильной и средней степени выраженности, обозначающих как положительное, так и отрицательное качества ребенка.

По результатам феноменологического анализа было выявлено, что позитивное отношение по трем методикам продемонстрировали 9 (45%) матерей, по двум методикам – 8 (40%) матерей, по одной – 1 (5%) мать. Нейтральное и амбивалентное отношение по всем методикам продемонстрировали 2 (10%)

матери. Далее было выявлено, что 12 матерей (60%) имело диагноз шизофрении до рождения ребенка, остальные матери заболели шизофренией после рождения ребенка.

При анализе результатов по методике «Семантический дифференциал» по трем факторам «оценка (О)-сила (С)-активность (А)» были получены следующие результаты:

1) принимают своего ребенка, признают у него социально одобряемые качества, проявляют адекватное критическое отношение к нему, воспринимают его с позитивной стороны (О);

2) воспринимают своих детей недостаточно самостоятельными и способными настаивать на своем, не способными в достаточной мере контролировать себя (С);

3) воспринимают своего ребенка не слишком общительным, активным, энергичным, эмоционально откликающимся на ситуацию (А).

Таким образом, в результате исследования было выявлено:

1. С возрастом оценка родителями качеств и способностей ребенка становится более дифференцированной, что влияет на отношение к ребенку, на способ их общения с ним, на характер приемов воздействия и т.д.

2. Отношение женщин, больных шизофренией, к своим детям не зависит от возраста начала заболевания и возраста первых родов;

3. Проведенное исследование показало доминирование у испытуемых позитивного отношения к своему ребенку (15 матерей), нейтральное отношение продемонстрировали 3 испытуемые, а амбивалентное 2 испытуемые. Испытуемые, оценивающие своих детей по типу нейтрального и амбивалентного отношения, отличаются наиболее тяжелым дефектом психики, в отличие от других испытуемых.

4. При субъективной оценке качественных характеристик ребенка матери старались демонстрировать позитивное отношение к ребенку. Однако многие комментарии со стороны испытуемых и вопросы об их отношениях с ребенком, вызывали тревогу в отношении их родительских прав.

Литература

1. Бодалев А.А. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования. Москва: Педагогика, 1989. 208 с.
2. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1986. 206 с.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. Москва: Гардарики, 2005. 320 с.
4. Овчарова Р.В. Психология родительства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 368 с.
5. Семья в психологической консультации: опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Педагогика, 1989. 208 с.
6. Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов: комплексная психологическая коррекция. Москва: Издательство Московского университета, 1988. 200 с.

Клинико-психологические аспекты суицидального поведения лиц с шизофренией

Журавлева Т.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Изучены клинико-психологические особенности суицидального поведения 40 больных шизофренией, госпитализированных в отделение кризисных состояний и психосоматических расстройств НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского после совершения попыток самоубийства.

Методическую основу исследования составили 6 психологических тестов: шкала «Безнадежность» А.Т. Веck (1974), шкала «Душевная боль» R.R. Holden et al. (2001), опросник «Причины для жизни» М.М. Linehan, J.L. Goodstein et al.

(1983), опросник «Отношение к смерти» P. Wong, J. Reker, J. Gesser (2001), шкала «Страх личной смерти» V. Florian, S. Kravetz (1983) и опросник «Смыслы попытки суицида» D. Johns, R.R. Holden (1997) (Бек А, Фримен А, 2002; Журавлева Т.В. и др., 2016; Чистопольская К.А. и др., 2012, 2017).

Исследование проводилось в стационарных условиях во время острого постсуицидального периода. Все суициденты были разделены на две группы: суициденты с шизофренией с острым галлюцинаторно-бредовым синдромом (группа 1) и суициденты с шизофренией в стадии медикаментозной ремиссии (группа 2).

В группу 1 включено 12 человек (4 мужчины и 8 женщин). Средний возраст больных составил $29,6 \pm 1,8$ лет. Каждый из пациентов данной группы совершил от одной до четырех попыток самоубийства. На момент последней госпитализации 2 суицидента имели высшее, 1 неоконченное высшее, 5 среднее специальное и 4 среднее образование. У 2 была семья, 2 были разведены, 8 человек никогда не вступали в брак. У 2 человек есть дети. При анкетировании и сборе анамнестических данных 6 пациентов признались в наличии у них суицидальных мыслей и намерений накануне последней попытки. При опросе 7 суицидентов отметили факт наличия психических заболеваний у близких родственников. 5 человек разной степени родства с тестируемыми совершали попытки самоубийства, причиной смерти 3 из них являлся суицид.

Способы суицида у пациентов группы 1 отличались разнообразием и высоким риском летальности. В 42% случаев это были проникающие колото-резаные ранения, в 38% случаев прыжки с высоты, по 8% случаев приходилось на самоповешение, прыжки под поезд и самосожжение.

У суицидентов группы 1 выявлена позитивная связь ($p < 0.01$) баллов шкалы «Душевная боль» с баллами обеих шкал опросника «Смыслы попытки суицида», что отражает ведущую роль психической боли в суицидогенезе у пациентов с шизофренией, совершивших последнюю по времени попытку самоубийства в галлюцинаторно-бредовом состоянии. У данных лиц наблюдалась положительная связь ($p < 0.05$) баллов шкал «Способность к выживанию и

совладанию» и «Принятие-приближение смерти», что может отражать слабость навыков справляться с кризисными ситуациями. Позитивная связь ($p < 0.01$) баллов шкал «Страх смерти» и «Моральные запреты» свидетельствовала о значительной роли религиозных воззрений в защите от суицидальных действий у пациентов группы 1.

В группу 2 включены 28 человек (14 мужчин и 14 женщин). Средний возраст пациентов составил $29,6 \pm 1,5$ лет. Каждый из представителей данной группы совершил от одной до девяти попыток самоубийства. На момент последней госпитализации 8 суицидентов имели высшее, 2 неоконченное высшее, 12 среднее специальное и 6 среднее образование. 7 пациентов состояли в браке, 5 были в разводе, 16 никогда не имели семьи. У 10 человек есть дети. При анкетировании и сборе анамнестических данных 19 пациентов отметили, что последнему по времени акту самоубийства у них предшествовали суицидальные мысли, намерения и планы. 12 суицидентов сообщили о наличии психических заболеваний у близких родственников. У 13 человек разной степени родства с тестируемыми были попытки самоубийства, причиной смерти 9 из них являлся суицид.

Поводами для суицидальных действий у больных шизофренией группы 2 являлись в 57% случаев осознание своей беспомощности в борьбе с болезнью, в 29% случаев невозможность в полной мере осуществлять свои социальные функции, по 7% приходилось на чувство вины перед окружающими и потерю близкого человека.

Способы суицида у лиц группы 2, как и при совершении попыток у лиц группы 1, были разнообразны и отличались высоким риском летального исхода. В 43% случаев это были колото-резаные ранения, 75% из которых носили проникающий характер, в 25% случаев прыжки с высоты, в 14% случаев самоповешение, в 11 % случаев прыжки под поезд и в 7% случаев огнестрельное ранение.

У пациентов группы 2 баллы по шкале «Безнадежность» были положительно связаны ($p < 0.05$) с баллами шкалы «Трансцендентные

последствия», что может отражать ведущую роль негативного восприятия будущего в суицидогенезе у больных шизофренией, совершивших попытку суицида в стадии ремиссии. Выявленная отрицательная связь ($p < 0.05$) между баллами шкал «Душевная боль» и «Забота о детях» свидетельствовала о низком уровне внутрисемейных привязанностей, а связь позитивной направленности ($p < 0.01$) баллов шкал «Душевная боль» и «Принятие смерти как бегства» отражала тот факт, что пациенты группы 2 воспринимали смерть как единственно возможный для себя способ решения жизненных проблем. Отмечено так же, что у суицидентов группы 2 баллы по шкалам «Боязнь суицида» и «Страх смерти» позитивно коррелировали ($p < 0.05$) между собой и с баллами шкалы «Способность к выживанию и совладанию», что свидетельствовало о значительной роли навыков справляться со стрессом в защите от самоубийства. А баллы шкалы «Боязнь суицида» при этом были еще и положительно связаны ($p < 0.05$) с баллами шкал «Боязнь общественного осуждения» и «Моральные запреты», что отражало антисуицидальную роль религиозности и включенности в социум у данной группы пациентов.

Выводы:

1. У суицидентов с шизофренией с острым галлюцинаторно-бредовым синдромом преобладают истинные суицидальные тенденции, у них низкая способность совладания со стрессом, к смерти они относятся как к избавлению от душевных страданий. Риск совершения повторных суицидальных действий у них высок, он определяется интенсивностью психической боли и лимитируется религиозными воззрениями на проблему самоубийства.

2. У суицидентов с шизофренией в стадии медикаментозной ремиссии значительно выражены истинные суицидальные тенденции, у них слабые внутрисемейные привязанности, они обладают низкой способностью справляться с кризисными ситуациями и воспринимают смерть как кардинальный способ решения жизненных проблем. Риск совершения повторных суицидальных действий у них высок, он определяется негативным восприятием событий ближайшего и отдаленного будущего, социальной дезадаптацией и лимитируется

религиозными воззрениями на проблему самоубийства и боязнью общественного осуждения.

Литература

1. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. Практикум по психотерапии. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 544 с.
2. Журавлева Т.В., Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Адаптация методик для исследования суицидальной мотивации // Актуальные вопросы клинической психиатрии и наркологии: сборник трудов Всероссийской конференции психиатров «Психиатрия – любовь моя!», посвященной памяти профессора А.О. Бухановского и 25-летию лечебно-реабилитационного научного центра «ФЕНИКС». Ростов-на-Дону: Изд-во ООО ЛРНЦ «ФЕНИКС», 2016. С. 217-220.
3. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Бадалян А.В., Саркисов С.А. Адаптация методик отношения к смерти у людей в остром постсуициде и в относительном психологическом благополучии // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 2. С. 35-42.
4. Чистопольская К.А., Журавлева Т.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л. Адаптация методик исследования суицидальных аспектов личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 1. С. 61-87.

Влияние особенностей когнитивной и психосексуальной сферы на физиологическую реактивность

Купцова Д.М., Каменсков М.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

На сегодняшний момент проведение психофизиологического обследования с применением полиграфа, как в целях клинической диагностики, так и в области криминалистики, сопряжено с рядом методологических и методических проблем.

В некоторых научных работах, направленных на объективизацию данных, полученных в ходе комплексной сексолого-психиатрической экспертизы, обсуждался феномен возникновения значимых физиологических реакций у здоровой выборки испытуемых, отрицающих ненормативную сексуальную активность в ответ на предъявление девиантных стимулов. С одной стороны это может рассматриваться как ориентировочная реакция на новизну стимула или как неспецифическая реакция на контекст судебно-следственной ситуации (Каменсков М.Ю., 2013). А.Ю. Хавкин (2003) отмечал, что данное явление может объясняться с точки зрения З. Фрейда о латентных перверсных тенденциях, существующих у каждого индивида. Девиантные тенденции среди здоровых мужчин обнаружили Briere и Runtz, исследовав анонимные субъективные самоотчеты (Tenbergen G., Wittforth M., Frieling H., Ponseti J., 2015).

Появление значимых реакций на девиантные стимулы у потенциально здоровых мужчин может быть обусловлено влиянием как внешних, так и внутренних факторов: когнитивных и личностных особенностей, актуальным эмоциональным состоянием (Каменсков М.Ю., 2012). Однако отдельных исследований, посвященных разрешению этой проблемы на сегодняшний момент нет, что и обусловило актуальность представленной работы.

Результаты ранее проведенных экспериментов свидетельствуют о том, что особенности когнитивной сферы испытуемого влияют на функциональное состояние, снижая возможность однозначной интерпретации полученных результатов. Например у лиц с нарушениями внимания непроизвольно расширяется класс значимых стимулов (Козлов И.С., 2010), а у испытуемых с низкой работоспособностью обнаруживается постепенное снижение выраженности физиологических реакций (Иванов Р.С., 2015). Продолжая данные исследования, целесообразным представляется проверить, влияют ли некоторые особенности внимания (переключаемость и наличие ошибок) здоровых испытуемых на результаты психофизиологического обследования. Кроме того представляется интересным исследовать, могут ли нарушения ассоциативной сферы здорового испытуемого оказать влияние на появление реакций на

проверочные стимулы, поскольку ранее были обнаружены корреляции между нарушениями в указанной сфере и спонтанными колебаниями в канале КГР у лиц, страдающих шизофренией (Zahn с соавт. Т.Р., 1968; Perry W. с соавт., 1998; Chong L.L. с соавт., 1999).

В данном исследовании также выдвинуто предположение о том, что возникновение значимых физиологических реакций на аномальные сексуальные стимулы у добровольцев обусловлено, в том числе, и особенностями сексуальной сферы испытуемого. Ранее было показано, что психосексуальная сфера лиц, совершивших сексуальные правонарушения, характеризуется нарушениями половой идентичности в форме искажения эмоционального восприятия полоролевых стереотипов и сексуальных предпочтений в сочетании со сложной дисгармонией пубертата (Хавкин А.Ю., 2003).

Материал и методы исследования. Настоящая работа основана на психологическом (цветовой тест отношений, «Ответные ассоциации», «Таблицы Горбова-Шульте»), сексологическом (опросник) и психофизиологическом исследовании 30 лиц мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет, не имеющих клинических признаков расстройств сексуальных предпочтений. По результатам исследования все добровольцы были разделены на 2 группы в зависимости от наличия или отсутствия значимых физиологических реакций на аномальные стимулы.

Стимульный материал. Использовались два теста визуальной стимуляции, имеющие одинаковую структуру, тематически схожие, но не идентичные, эротические фотографии. Применялись нейтральный стимул (N): изображение природы, контрольные стимулы (С): изображения обнаженных женщин, проверочные стимулы (R): изображения обнаженных детей препубертатного возраста.

Результаты и обсуждение. Дискриминантный анализ особенностей когнитивной сферы 1 подгруппы испытуемых позволил предположить, что возрастание количества ошибок в методике, направленной на исследование особенностей внимания с вероятностью в 69,6% будет определять появление

значимых реакций на проверочные стимулы. Уровень переключаемости внимания при этом не отражается на динамике вегетативных процессов. При этом у данной подгруппы испытуемых наблюдаются нарушения ассоциативной сферы в виде искажения дифференциации значения слов («высокий процент латентных ассоциаций», $\rho=0,003$) или образования паралогичной условно-рефлекторной связи («высокий процент экстрасигнальных ответов» $\rho=0,04$).

Использование метода корреляционных матриц, на базе которых проводилось многомерное шкалирование, позволило выделить два значимых кластера признаков, обнаруженных при использовании сексологического анкетирования и ЦТО. Первая совокупность включала в себя наличие сексуальной фрустрации на момент обследования, негативное отношение к гетеросексуальному образу, сексуализированное восприятие образа ребенка и недифференцированные сексуальные предпочтения, сопряженные с инфантильными тенденциями. Во второй кластер вошли слабая дифференцированность сексуальных предпочтений по полу, амбивалентное восприятие образа мужчины, педофильные тенденции и наличие в зрелом возрасте единичных фантазий о сексуальных контактах с детьми.

Итак, проведенное нами исследование позволяет говорить о том, что нарушения ассоциативной сферы в виде преобладания низших вербальных реакций и нарушения половой идентичности, проявляющиеся в искаженном эмоциональном восприятии образа ребенка, мужчины и женщины, обуславливают появление реакций на девиантные стимулы. Данный феномен следует учитывать в клинической практике при интерпретации результатов обследования сексуальных преступников, поскольку появление этих реакций не всегда связано с наличием патологического сексуального влечения к детям.

Литература

1. Введенский Г.Е., Сафуанов Ф.С., Каменсков М.Ю., Козлов И.С., Николаев А.Ю. Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания // Российский психиатрический журнал. 2011. №5. С. 31-36.

2. Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В., Демидова Л.Ю., Симоненкова М.Б. Особенности полоролевой идентичности у лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №4. URL:<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49306.shtml> (дата обращения: 25.02.2017).
3. Иванов Р.С. Психофизиологические особенности человека в ситуации выявления скрываемой информации с применением полиграфа: автореф. дисс. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 23 с.
3. Каменсков М.Ю. Валидность психофизиологической диагностики парафиий // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2013. №3. С.39-44.
5. Каменсков М.Ю. Фиксированные формы аномального сексуального поведения: дисс. ... канд. мед. наук. М., 2008. 211 с.
6. Козлов И.С. Методологические аспекты применения опроса с использованием полиграфа // Юридическая психология. 2010. №3. С. 2-6.
7. Хавкин А.Ю. Комплексная диагностика нарушений сексуального предпочтения (клинико-психопатологический, психофизиологический и психологический анализ): дисс. ... канд. мед. наук. М., 2003. 236 с.
8. Tenbergen G., Wittforth M., Frieling H., Ponseti J. The neurobiology and psychology of pedophilia: recent advances and challenges // Front. Hum. Neurosci., 24 June 2015.
9. Wahlund K, Sorman K, Gavazzeni J, Fischer H, Kristiansson M. Attenuated subjective ratings and skin conductance responses to neutral and negative pictures in non-psychopathic mentally disordered offenders with various diagnoses // Psychiatry Res. 2010 Nov 30; 180(1): 30-4.

Депрессия и склонность к риску: особенности проявления у подростков

Мозжерина А.А

Башкирский государственный педагогический университет

имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Научный руководитель – Шиляева И.Ф.

Депрессия – тяжелое заболевание, которое ежегодно поражает миллионы людей, вызывая у них сильное эмоциональное расстройство. Эта болезнь способна уменьшить, а то и лишить человека трудоспособности, препятствует нормальной семейной жизни и работе, увеличивает риск физического недомогания и иногда приводит к самоубийству.

Тем не менее, до сих пор в отечественной психологии еще очень мало работ, посвященных изучению характера связи уровня депрессии и склонности к риску у подростков.

О депрессии часто говорят применительно к острой стадии нервного потрясения, вызванного тем, что человек был разочарован, встревожен или отвергнут; тяжело переживает потерю близкого родственника. Такое состояние знакомо всем людям – оно является нормальной реакцией на стресс. Все мы беспокоимся о семье, друзьях, работе.

Традиционно депрессия наиболее полно изучалась и наблюдалась в рамках клинического подхода. Психологическая же сущность различных депрессивных явлений нередко оставалась без должного внимания. Возможно, этим объясняется тот факт, что депрессивные состояния в подростковом возрасте часто не распознаются (Подольский А.И., 2004).

Депрессивные состояния подростков имеют сложную структуру. Это объясняется сочетанием истинной депрессивной симптоматики, преломленной через возрастные особенности, с личностными защитными реакциями, формирующимися в ответ на собственную несостоятельность, невозможность эффективно усваивать школьную программу и адаптироваться в коллективе сверстников. Как ответная защитная реакция часто возникает «школьная фобия»,

которая может продолжаться длительное время даже после исчезновения специфической депрессивной симптоматики (Антропов Ю.Ф., 2004).

Изучение теоретических основ проблемы депрессии, склонности к риску и девиантного поведения в психологии позволило констатировать, что, во-первых, «депрессия» в психологии – это аффективное состояние, характеризующееся отрицательным эмоциональным фоном, изменением мотивационной сферы, когнитивных представлений и общей пассивностью поведения (Иовчук Н.М., 2004). Во-вторых, склонность к риску в данной работе обозначает направленность личности, эмоциональное предпочтение к видам действий и ситуаций, связанных с риском. Склонность к риску означает выбор вариантов альтернатив, сопряженных с большей вероятностью угрозы потери. В-третьих, девиантное поведение является результатом неблагоприятного социального развития, нарушений социализации, возникающих на разных возрастных этапах. Особый пик таких нарушений приходится на подростковый возраст, так называемый маргинальный переходный период от детства к взрослости (Солнцева Г.Н., 1999).

Целью нашего исследования было изучение депрессии как склонность к риску. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что депрессия выступает как склонность к риску у подростков. Чем выше показатель депрессии, тем более высока склонность к риску.

В качестве диагностического инструментария были выбраны Опросник депрессии А.Т. Бека, Опросник А.Г. Шмелева на определение склонности к риску и Диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения «ДАП-П» для учащихся общеобразовательных учреждений. В исследовании принимали участие подростки в возрасте от 15 до 17 лет в количестве 32 человека.

По результатам эмпирического исследования, проведенного с использованием опросника «ДАП-П» было выявлено, что у 50% подростков со средней склонностью к девиантному поведению, признаки аддиктивного поведения отсутствуют. У 34% опрошенных подростков наблюдается значительная предрасположенность к противоправному поведению. Выявлена

высокая склонность к девиантному поведению у 16% опрошенных, а также отдельные признаки суицидальной предрасположенности. Данные молодые люди нуждаются во внимании.

В соответствии с логикой исследования нами изучался уровень депрессии с помощью опросника А.Т. Бека. Полученные данные позволили выделить три группы подростков, склонных к девиантному поведению: подростки с высоким уровнем депрессии, с легким уровнем и подростки, у которых отсутствует депрессия.

Среди подростков, склонных к девиантному поведению, преобладают дети, у которых депрессия отсутствует (62,5 %), в тоже время у 33,3% подростков была выявлена тенденция к депрессии, что свидетельствует о наличии у них ситуативного или невротического генеза.

Также было обнаружено, что у большинства подростков, склонных к девиантному поведению, преобладает высокий уровень склонности к риску (65,63 %), у 25 % подростков выявлен средний уровень, и только 9,37 % испытуемых показали низкий уровень склонности к риску. Это свидетельствует о том, что подростки, склонные к девиантному поведению, склонны к проявлению рискованного поведения независимо от уровня депрессии.

В результате проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, уровень депрессии взаимосвязан со склонностью к риску у подростков с девиантным поведением. Была обнаружена статистически значимая корреляционная связь между уровнем депрессии и уровнем склонности к риску ($r_s=0,353$, при $p \leq 0,047$). Это свидетельствует о том, что подросткам, у которых были выявлены тенденция к депрессии или депрессия, свойственно более выраженная готовность к рискованному поведению. Они в большей мере готовы к риску, менее чувствительны к опасности, в меньшей степени испытывают страх перед рискованными ситуациями. Статистический анализ показал, что уровень депрессии в анализируемой выборке взаимосвязан с уровнем склонности к риску.

Полученные эмпирические результаты могут лечь в основу разработки тренингов и коррекционных программ для подростков, склонных к девиантному

поведению, будут способствовать снижению у них уровня депрессии и склонности к риску.

Литература

1. Антропов Ю.Ф. Невротическая депрессия у детей и подростков. М.: Медпрактика, 2000. 224 с.
2. Иовчук Н.М., Северный А.Н. Депрессия у детей и подростков. М.: Школа-пресс, 2004. 80 с.
3. Подольский А.И., Идобаева О., Хейманс П. Диагностика подростковой депрессивности: теория и практика. СПб.: Питер, 2004. 201 с.
4. Солнцева Г.Н. Психологическое содержание понятия риск // Вестник МГУ. Серия 14. 1999. № 2. С. 14–23.

Исследование клинико-психологических особенностей женщин с психическими расстройствами, имеющих детей

Ныркова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Лица, страдающие психическими расстройствами, тоже становятся родителями. Согласно данным английских и норвежских ученых, они имеют детей практически так же часто, как психически здоровые люди. Семьи, в которых мать или отец страдают психическим расстройством, представляют особую и недостаточно изученную психосоциальную ситуацию. В исследованиях психологии развития, семейного воспитания, родительства (parenting), психическое расстройство матери или отца, как правило, является критерием исключения. Те же исследования, которые изучают такие семьи, сфокусированы, как правило, на недостатках такого родительства. В связи с этим в настоящее время мы не знаем, ни сколько детей воспитывается родителями, страдающими психическими расстройствами, ни каковы особенности такого родительства, что определяет актуальность настоящего исследования.

В исследовании приняло участие 20 женщин, находящихся на лечении в психиатрическом стационаре (ГБУЗ ДЗ г. Москвы «ПКБ №4 им. П.Б. Ганнушкина») и имеющих детей в возрасте до 18 лет. Все женщины были осведомлены о целях исследования и дали добровольное согласие на участие в нем.

Нами были получены следующие результаты. 19 женщин находились на лечении в связи с шизофренией. Из них у 1 течение заболевания было непрерывным, у 4 – эпизодическим. При оценке динамики психического расстройства нами оценивались такие показатели, как возраст первичного установления диагноза и частота госпитализаций за последние 3 года. Заболевание у 5 человек (29,4%) было диагностировано до 20 лет. У 4 из них течение шизофрении было эпизодическим, у 1 – непрерывным. У 8 человек диагноз психического расстройства (3 случая – шизофрения параноидная с эпизодическим типом течения, 1 – шизофрения параноидная с непрерывным типом течения, 4 – другие психические заболевания) был впервые установлен в возрасте от 20 до 30 лет. Четырем пациенткам диагноз устанавливался впервые после 30 лет (1 – параноидная шизофрения с эпизодическим типом течения, 3 – другие психические заболевания). За последние 3 года 6 женщин (28,6%) были госпитализированы 1 раз, одна из них поступила в стационар впервые. 14 (66,7%) поступили второй раз за прошедшие три года. Одна из испытуемых в течение последних 3 лет была стационарирована 6-ой раз, при этом во всех случаях госпитализации были недобровольные, а их необходимость определялась параноидной симптоматикой, неправильным поведением, агрессией в отношении своих родителей.

При оценке психопатологических синдромов, определявших клиническую картину заболевания, параноидный имел место в 18 случаях (85,7%), психопатоподобный – в 16 случаях (76,2%). При этом агрессивное поведение отмечалось в анамнезе у 14 испытуемых (66,7%). В 8 случаях (38,1%) у женщин в медицинской документации была отмечена склонность к употреблению спиртных напитков, ПАВ – в 3 случаях (14,3%).

Социально-правовой статус женщин определялся следующим. Две испытуемые (9,52%) были ранее признаны недееспособными. Обе они имели 2 группу инвалидности в связи с психическим расстройством и были ограничены в родительских правах в отношении своих детей. Из остальных 19 женщин 8 (38,1%) имели 2 группу инвалидности по психическому заболеванию, одна (4,76%) – 1 группу инвалидности по психическому заболеванию. В родительских правах была ограничена еще одна женщина, которая была дееспособна и не имела инвалидности в связи с психическим заболеванием. Во всех случаях инициаторами заведения дела об ограничении родительских прав по причине психического расстройства матери были родители больных женщин. Следует отметить, что пациентка, которая за последние 3 года была 6 раз госпитализирована в психиатрическую больницу в связи с острым психотическим состоянием, в родительских правах ограничена не была. Вопрос об ограничении ее родительских прав был поставлен лишь в период этой госпитализации.

В качестве критерия наличия критики к заболеванию и готовности принимать помощь мы оценивали такой показатель, как наблюдение в ПНД. Из 19 человек, которым диагноз был установлен ранее, 10 ПНД посещали и, в целом, выполняли рекомендации врачей-психиатров. В то же время ни одна из женщин никакой психолого-педагогической помощи в связи с наличием у нее детей не получала. При этом, по нашему мнению, те женщины, которые посещают ПНД в период ремиссии, на такую помощь откликнулись бы.

Особенности тревожных реакций у детей старшего дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра

Точилкина П.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Расстройства аутистического спектра относятся к общим расстройствам развития и часто сопровождаются отставанием в психическом и речевом развитии

(Никольская О.С., Веденина М.Ю., 2014). В связи с этим у детей с расстройствами аутистического спектра очень сложно дифференцировать тревожные и фобические реакции, что делает изучение особенностей тревоги крайне сложным. Возможно именно в связи с этим каких-либо клинико-психологических исследований, изучающих особенности реакций тревоги у данных детей не проводилось, что делает актуальным настоящее исследование. По мнению различных авторов, тревога и страх обладают как количественными, так и качественными различиями, такими как продолжительность, интенсивность, обусловленность и т.д. (Гусова А.Б., 1969; Карвасарский Б.Д., 1990; Свядош А.М., 1997). Помимо этого, тревога может быть вызвана как внешними, так и внутренними причинами.

Для правильной и точной диагностики тревожного расстройства выделены составные части тревоги – вегетативные, психологические и поведенческие симптомы (Захаров А.И., 1988, 2006).

Целью настоящего исследования было изучение особенностей тревожных реакций у детей старшего дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра. Выборку составили 10 детей старшего дошкольного возраста, наблюдающиеся у психиатра с диагнозом «Детский аутизм» (F 84.0) и «Атипичный аутизм» (F 84.1). У всех детей нарушения развития были ярко выражены, наблюдалось отсутствие речи и интеллектуальное недоразвитие. Использовались методы: наблюдение, направленная беседа с родителями, анкетирование. При беседе с родителями и анкетировании, родителям предлагалось описать ситуации, в которых его ребенок испытывает наибольшее беспокойство/страх/тревогу, а также поведенческие реакции, который проявляет ребенок. Полученные данные сопоставлялись с результатами собственного наблюдения за ребенком.

Результаты.

Наиболее частой причиной страха у детей (20,9%) являлся социально-опосредованный страх (страх одиночества, потери родителя, большого количества людей и т.п.). При этом ведущим компонентом тревоги, в отличие от ее

нормативных проявлений, был поведенческий. В ситуации тревожного состояния или страха дети проявляли либо стереотипное поведение (69,5%), либо яркую эмоциональную реакцию (21,7%). Первое объясняется желанием каким-либо образом сделать тревожную ситуацию максимально комфортной для себя, второе – желанием снять аффективное напряжение. Реакции страха у детей вызывались любыми, даже, казалось бы, абсолютно безопасными для здорового ребенка, факторами. По нашему предположению, это может быть связано как с повышенной сензитивностью, так и нарушенными возможностями анализа ситуации и прогноза. В целом, результаты исследования показали, что для детей с ДА характерен высокий уровень тревожности, который, с нашей точки зрения, может рассматриваться как один из симптомов заболевания. Однако в связи с недостаточностью выборки, последнее нуждается в дополнительной проверке.

Литература

1. Гусова А.Б. Некоторые клинико-физиологические особенности тревожных состояний // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1969. Т. 69. Вып. 3. С. 390-396.
2. Захаров А.И. Неврозы у детей и подростков: анамнез, этиология и патогенез. Л.: Медицина, 1988. 246 с.
3. Захаров А.И. Происхождение и психотерапия детских неврозов. СПб.: КАРО, 2006. 672 с.
4. Карвасарский Б.Д. Неврозы: руководство. М.: Медицина, 1990. 241 с.
5. Никольская О.С., Веденина М.Ю. Особенности психического развития детей с аутизмом [Электронный ресурс] // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. 2014. Вып. №18.
6. Свядош А.М. Неврозы. Руководство для врачей. СПб.: Питер, 1997. 448 с.

Психологические факторы и особенности принятия решений лицами с различными формами психической патологии, совершившими общественно опасные действия

Шеховцова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Булыгина В.Г.

Наличие у лица любого психического расстройства оказывает то или иное влияние на процесс принятия решений. Вследствие того, что процесс принятия решений тесно связан со способностью к саморегуляции поведения и деятельности, проблема особенностей осуществления выбора человеком актуальна при решении экспертного вопроса о степени контроля своего поведения человеком с психической патологией, в том числе в уголовно значимой ситуации, а также при оценке степени его общественной опасности.

Принятие решения определяется как процесс, основными составляющими которого являются цель, способы ее достижения, критерии выбора, результат, к которому привел выбор, неопределенность, которая может возникать в ситуации недостатка или избытка информации. В рамках общепсихологических исследований выделяют четыре группы факторов, оказывающих влияние на принятие решений человеком: ситуация, характер задачи, личностные особенности и влияние группы (Корнилова Т.В., 1999).

Для успешного принятия решений должны быть задействованы когнитивные и мотивационные структуры личности. Психическая патология той или иной нозологии может оказывать влияние на данные структуры и, следовательно, придавать своеобразие процессу принятия решений и изменять качество самого выбора (Pujara M.S., 2016).

Одним из основных нарушений при различных формах психической патологии, оказывающих влияние на принятие решения, является дефицитарность способности к самокоррекции и саморегуляции. Основу указанных дефицитов составляет нарушение процессов нейробиологической и психической

самоорганизации, следствием чего является нарушение способности регулировать внутренние импульсы, возникающие как отклик на поведение других людей (Ткаченко А.А., 2016).

Специфические особенности выбора у лиц с психической патологией могут возникать на любом из этапов процесса принятия решения: во время проведения анализа информации о ситуации выбора, во время непосредственного принятия решения и на этапе его реализации. Данные особенности могут также затрагивать и изменять соотношение представленности различных видов решений (волевое, интеллектуальное, эмоциональное, рискованное, осторожное, импульсивное) у конкретного индивида.

Для исследования особенностей принятия решений и организации деятельности был разработан методический комплекс, включавший в себя методики, направленные на исследование личностных черт и познавательных особенностей личности («Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана, «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа, опросник «Личностные факторы принятия решений», Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности, «Шкала базисных убеждений»), мотивационной сферы (методика А.В. Ермолина и Б.П. Ильина, методика В. Смекала и М. Кучера, метод мотивационной индукции Нюттена), эмоционально-волевой сферы (опросник интуитивного стиля Эпстайна, Торонтская шкала алекситимии (TAS-20) Полупроективный тест на эмоциональный словарь, Мельбурнский опросник принятия решений, «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика и Г. Келлермана), структуры и организации деятельности («Цель-Средство-Результат» А.А. Карманова, Комплексные фигуры Рея-Остерица и Тейлора). В качестве дополнительных методик использовались Толкование сюжетных картин и Тематический апперцептивный тест. Для оценки патопсихологических особенностей личности были использованы данные экспериментально-психологических исследований.

Выборку составили 40 мужчин в возрасте от 18 до 66 (средний возраст – 33,6 лет), проходящих стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в уголовном-процессе. Обследованные были разделены на две группы на основании

степени регуляции поведения: группу лиц, не способных к произвольной регуляции, составили 22 человека; группу лиц, не имеющих существенных нарушений регуляции – 18 человек.

Анализ эмпирических данных выявил, что для лиц с психической патологией характерны следующие психологические особенности принятия решений. При выраженной дисрегуляции поведения на фоне проявлений социальной желательности характерно фрагментарное восприятие ситуации выбора, предпочтение рискованных и импульсивных стратегий принятия решений, при которых реализуются привычные поведенческие стереотипы. При отсутствии выраженной дисрегуляции поведения на фоне субъективной оценки себя как способного ставить перед собой адекватные ситуации цели, действовать гибко и независимо от внешних обстоятельств, выявляется способность в достаточной степени целенаправленно выстраивать свою деятельность и целостно воспринимать ситуацию выбора. Мотивационно-смысловые особенности принятия решений не имеют значимых различий у исследуемых групп и выражены на уровне тенденции (оценка окружающего мира и людей как справедливых и доброжелательных, низкая оценка собственной личности).

Наибольшее влияние на нарушение способности к осознанной регуляции своего поведения оказывают такие особенности принятия решений как фрагментарность восприятия ситуации выбора, высокий уровень интолерантности к неопределенности, связанный со стремлением упорядочивать окружающий мир, на фоне выраженной мотивации социальной желательности.

В рамках проведенного исследования были установлены взаимосвязи психологических особенностей принятия решений и патопсихологических особенностей в зависимости от степени регуляции своего поведения. Для лиц, имеющих существенные нарушения сознательной регуляции поведения, при выраженном сочетании симптомов, характерных для шизофренического симптомокомплекса (своеобразие суждений, неравномерный уровень обобщения, соскальзывания, не критичность к своему состоянию и ситуациям выбора) отмечается использование импульсивных стратегий принятия решений. Для лиц,

не имеющих существенных нарушений сознательной регуляции поведения, характерна связь нарушений мотивационного компонента мышления (разноплановость и соскальзывания) с использованием стратегий принятия решений, исключающих сознательный контроль, и фрагментарность восприятия.

Литература

1. Корнилова Т.В. Психологическая регуляция принятия интеллектуальных решений: дисс. ... доктора психол. наук. Москва, 1999. 466 с.
2. Ткаченко А.А. Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина // Психическое здоровье. 2016. №11. С. 3-14.
3. Pujara M.S. Mechanisms of reward circuit function: novel insights from neurological lesion patients and psychopathic criminals: dissertation ... Doctor of Philosophy. Madison, 2016. 117 p.

Методика «How I think» для изучения когнитивных искажений подростков с девиантным поведением

Алмаева Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Актуальность изучения особенностей когнитивных искажений у подростков обусловлена тем, что понимание специфических черт детей подросткового возраста позволяет проводить более целенаправленную психологическую работу. Имеющиеся когнитивные искажения оказывают влияние на формирование убеждений, на выбор действий индивида, его оценку социальных явлений и норм. В подростковом возрасте происходит поиск себя, собственной уникальности, перестраивание прежних отношений к миру, формирование жизненной позиции. Однако данные представления еще недостаточно интериоризованы, вследствие этого на этапе становления личности в подростковом возрасте коррекция когнитивных искажений происходит более эффективно.

Большинство авторов определяют «когнитивные искажения» как допущение систематических ошибок в мышлении индивида вследствие наличия дисфункциональных убеждений (Беляева Е.Р., Кунафина Г.А., 2016)

Одной из задач нашего исследования была перевод и апробация американской методики «How I think», разработанной Т. Гиббсом, Барригой. Цель данной методики состоит в изучении следующих корыстных когнитивных искажений, свойственных для подростков с девиантным поведением:

- 1) Эгоцентрические искажения – центрация на собственных потребностях, игнорирование мнения окружающих людей;
- 2) Склонность к обвинению других – ошибочное перенесение вины за собственное поведение на других;

3) Тенденция к минимизации наносимого ущерба – принижение человеческого достоинства других людей, ухудшение манеры обращения с ними;

4) Склонность к ожиданию негативных последствий развития событий – предположение о враждебных намерениях окружающих.

С точки зрения авторов данные искажения являются факторами, способствующими развитию девиантного поведения у подростков (Barriga A., Gibbs J., Fernández M., Rodríguez J., 2013).

Методика «How I think» состоит из 54 утверждений, из которых 39 пунктов направлено на определение корыстных когнитивных искажений, 8 пунктов показывают уровень социальной желательности, 7 – положительных убеждений. Испытуемому необходимо на каждое из утверждений дать ответ от 1 до 6 в зависимости от степени своего согласия с ним (Ara E., 2015).

В нашем исследовании данная методика предъявлялась группам подростков с девиантным и просоциальным поведением. В результате было обнаружено, что корыстные когнитивные искажения, представленные в методике «How I think», в большей степени свойственны подросткам с девиантным поведением, наиболее из них выражена склонность к ожиданию негативных последствий. В отличие от них, в просоциальной группе преобладающие ответы были получены по шкале «Позитивные убеждения», в которой акцент ставился на положительном отношении к окружающим людям.

В целом, методика «How I think» позволяет выявить наличие корыстных когнитивных искажений у подростков и проводить психологическую работу по снижению их проявлений с целью профилактики девиантного поведения.

Литература

1. Беляева Е.Р., Кунафина Г.А. Роль когнитивных искажений в приобщении индивида к социально-культурной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. С. 224.
2. Ara E. Measuring Self-Serving Cognitive Distortions: An analysis of the Psychometric Properties of the How I think Questionnaire (HIT-16-Q) // The International Journal of Indian Psychology. 2015. Vol. 3. N.7. P. 49-56.

3. Barriga A., Gibbs J., Fernández M., Rodríguez J. Psychometrical properties of the “How I Think” Questionnaire (HIT-Q) in adolescents // *Psicothema*. 2013. Vol. 25, N. 4, P. 542-548.

Тактики получения информации от несовершеннолетних, пострадавших от жестокого обращения

Васильева Е.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В настоящее время в России происходит формирование полноценной системы защиты несовершеннолетних от жестокого обращения, которая предусматривает не только обеспечение их безопасности, создание инфраструктуры профилактической работы и эффективного профессионального взаимодействия специалистов разных ведомств, но и своевременное выявление семейного неблагополучия. На данный момент не существует единого алгоритма действий, придерживаясь которого специалисты, непосредственно взаимодействующие с детьми, могли бы своевременно выявлять случаи жестокого обращения, получая достоверную информацию без излишней травматизации несовершеннолетнего. Большинство случаев жестокого обращения с несовершеннолетними остаются не выявленными, причем насилие в семьях может продолжаться долгие годы, нанося непоправимый ущерб психическому и физическому здоровью ребенка.

Основным способом получения информации о случае жестокого обращения с ребенком является опрос несовершеннолетнего. Однако проблема тактических аспектов получения информации о жестоком обращении до сих пор не исследовалась, в связи с чем можно говорить о ее актуальности как в методологическом, так и в практическом плане.

Определению эффективных тактик получения информации о жестоком обращении с несовершеннолетними было посвящено специальное исследование.

В нем проверялась гипотеза о том, что различные формы проведения интервью (тип вопросов, структурированный или неструктурированный характер интервью) дают различную по объему и качеству информацию о жестоком обращении с несовершеннолетним. Исходя из сведений о том, что существенными факторами развития делинквентного поведения у подростков являются дисфункциональные семьи и неправильные тактики родительского воспитания, мы провели исследование в группах законопослушных подростков и несовершеннолетних правонарушителей, предположив, что эти две категории подростков отличаются по характеру и степени выраженности пережитого жестокого обращения.

В исследовании приняли участие 97 несовершеннолетних, средний возраст опрашиваемых $16,8 \pm 0,65$, в том числе:

– юноши и девушки с условно нормативным поведением, когда-либо становившиеся объектами жестокого обращения. Группа состоит из 67 человек, из них 18 юношей и 49 девушек.

– юноши-правонарушители, находящиеся в Федеральном казенном учреждении Алексинской воспитательной колонии, когда-либо становившиеся объектами жестокого обращения. Группа состоит из 30 человек.

Подготовительный этап исследования представлял собой предварительный сбор данных о несовершеннолетних с условно нормативным поведением и позволил выявить несовершеннолетних, пострадавших от жестокого обращения, которые могут дать ретроспективный отчет о произошедшем травматичном событии.

В первой части исследования был использован метод полуструктурированного авторского интервью, с помощью которого выяснялись факты и обстоятельства жестокого обращения, пережитого испытуемыми и в котором использовались различные техники опроса.

Во второй части исследования для оценки посттравматического и актуального состояния испытуемым предлагались полуструктурированное интервью (Н.В. Тарабриной) и стандартизированные опросники (шкала депрессии

А. Бека, методика Ч.Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности (адаптирована на русский язык Ю.Л. Ханиным),

Для проверки первой гипотезы проводился подсчет слов и содержательных деталей в ответах при использовании различных типов вопросов (открытых, закрытых, альтернативных). У всех категорий опрошенных, были выявлены статистически значимые различия в количестве слов при ответах на вопросы разного типа. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что открытые вопросы с побуждением к рассказу дают максимальное количество информации и важных деталей произошедшего. Следовательно, использование открытых вопросов при проведении интервью с несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, наиболее оправдано.

Самым распространенным видом насилия по частоте во всех категориях опрашиваемых является физическое насилие. Девушки становились жертвами сексуального насилия чаще, чем юноши с условно нормативным поведением и юноши-правонарушители. С пренебрежением нуждами чаще других несовершеннолетних сталкивались юноши-правонарушители, находящиеся в колонии. Реже всего с пренебрежением нуждами сталкивались девушки.

Чаще всего насилие по отношению к юношам с условно нормативным поведением совершали родители или знакомые. В группе девушек чаще встречалось насилие со стороны знакомых, а в группе юношей-правонарушителей - со стороны родственников, в основном со стороны отчима или сожителя матери. В группе юношей-правонарушителей не встречались несовершеннолетние, подвергавшиеся насилию со стороны знакомых.

В результате проведенного исследования получены результаты, которые позволяют сделать вывод о том, что юноши-правонарушители, находящиеся в воспитательной колонии, испытывали одновременно или в разное время несколько видов насилия и имеют более высокий уровень травматизации, чем несовершеннолетние с условно нормативным поведением.

Самые высокие показатели по шкале депрессии Бека выявлены у юношей, находящихся в воспитательной колонии, средние показатели у этой категории

опрашиваемых относятся к умеренному уровню депрессии. У девушек более высокие средние показатели по шкале депрессии Бека, чем у юношей с условно нормативным поведением.

Средние показатели ситуативной тревожности у опрашиваемых всех категорий относятся к умеренному уровню тревожности. Высокий уровень личностной тревожности выявлен у юношей с противоправным поведением и у девушек с нормативным поведением, тогда как у юношей с условно нормативным поведением уровень личностной тревожности относится к умеренному.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что для выявления жестокого обращения с несовершеннолетними необходим комплексный подход, включающий в себя интервью с использованием эффективных тактик получения информации о жестоком обращении с несовершеннолетним, которое позволяет получить достоверную информацию, и методики, позволяющие определить степень психологических и психопатологических последствий травматичного события для несовершеннолетнего и определить мишени психологической работы. При выборе методик для оценки психологических последствий жестокого обращения следует учитывать возраст ребенка, уровень его развития и характер насилия.

Необходима комплексная помощь и психологическая коррекция последствий, перенесенного насилия, которые могут сохраняться долгие годы и становиться одной из причин преступности и воспроизводства жестокого обращения с несовершеннолетними в семьях и в обществе.

Школьная дезадаптация и характеристики психического здоровья у подростков

Волков Н.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В период перехода из младшей школы в среднюю (пятый класс) школьник также встречается с новыми трудностями, что может привести к дезадаптации. К этому же возрасту (11-12 лет) относится и начало кризисного подросткового периода, пубертата, что еще больше осложняет процессы школьной и социальной адаптации. Кроме того, именно в подростковом периоде усиливаются проявления отклонений в психическом развитии и психическом здоровье. Однако проблемам школьной адаптации данной категории школьников посвящено мало внимания. Не изучались и связи школьной дезадаптации с характеристиками психического здоровья младших подростков.

В случае нарушения процессов адаптации снижение интереса подростка к учебе, конфликты во взаимодействии со сверстниками и взрослыми, различные формы асоциального поведения, пониженная успеваемость – все это говорит о трудностях в приспособлении младшего подростка к школьной среде и может стать препятствием для развития его личности. В школе ребенок занимается не только обучением, но и развивает систему межличностных отношений. Нарушение этих процессов формирует особую совокупность признаков, указывающих на несоответствие социально-психологического и психофизиологического статуса младшего подростка требованиям ситуации школьного обучения, получившую название школьной дезадаптации (Абульханова К.А., 1986; Александровская Э.М., 1978; Алмазов Б.Н., 1986; Асмолов А.Г., 1986; Братусь Б.С., 1988).

Аутоагрессивное или самоповреждающее поведение является некоторым способом взаимодействия с окружающими, а также с самим собой, но при таком взаимодействии действия субъекта направлены на нанесение повреждений своему

здоровью как соматическому, так и психическому (Короленко Ц.П., Донских Т.А., 1990, Берно-Беллекур И.В., 2003, Змановская Е.В., 2004, Руженков А.А., Лобов Г.А., Боева А.В., 2008, Андроникова О.О., 2010).

Целью исследования было выявление соотношения школьной дезадаптации и характеристик психического здоровья у младших подростков.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Методика «Карта оценки степени выраженности проявлений школьной дезадаптации»

2. Методика «Метод оценки психосоциального статуса детей, опросник PedsQL 4.0»

3. Методика «Опросники Бека для детей и подростков (Beck Youth Inventories for children and adolescents). (Beck, J.S., Beck, A.T., Jolly, J.B., & Steer, R.A. (2005). Beck Youth Inventories Second Edition for Children and Adolescents manual. San Antonio, TX: PsychCorp)»

По итогам проведенного эмпирического исследования и корреляционного анализа были получены данные психического здоровья и школьной дезадаптации среди подростков пятого класса:

1. Анализ корреляционных связей между шкалами методики «Метод оценки психосоциального статуса детей, опросник PedsQL 4.0» и методики «Шкалы Бека» показал: Общий интегрированный показатель психосоциального статуса детей имеет значимые корреляционные связи со всеми показателями психического здоровья. Значимая отрицательная корреляционная связь интегрированного результата с шкалой «Я-концепция» означает, чем ниже представление испытуемого о самом себе, тем более выражена школьная дезадаптация. На ряду с этим если остальные критерии психического здоровья (тревога, депрессия, гнев, деструктивное поведение) имеют более выраженный характер, то и выраженность школьной дезадаптации более высокая.

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что показатели психического здоровья имеют значимую связь с показателями психосоциального статуса детей и школьной дезадаптацией.

2. Анализ корреляционных связей между шкалами методики «Карта оценки степени выраженности школьной дезадаптации» и методики «Шкалы Бека» показал: Общий интегрированный показатель школьной дезадаптации имеет значимую отрицательную связь с критерием психического здоровья как я-концепция и значимые положительные корреляционные связи с шкалами психического здоровья «Гнев» и «Деструктивное поведение». Так же, отдельные шкалы психического здоровья имеют значимые связи с шкалами степени выраженности школьной дезадаптации.

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод, что показатели психического здоровья имеют значимую связь со степенью выраженности школьной дезадаптации.

По итогам проведенного эмпирического исследования следует сделать вывод о том, что основная гипотеза «показатели школьной дезадаптации у младших подростков имеют прямую связь с характеристиками их психического здоровья» – подтвердилась.

Эмпатия, моральное развитие и правосознание подростков с девиантным поведением

Галкина Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

В современном мире подростковый период признается одним из наиболее сложных в психологическом и социальном смысле. Именно в этом возрасте существует особая опасность формирования отклоняющегося поведения, что обуславливает важность изучения факторов и психологических феноменов, детерминирующих девиантное поведение.

В современных научных трудах остается малоизученным вопрос об особенностях эмоционального развития подростков как с нормативным, так и девиантным поведением, а именно об их способности проявлять эмпатию. Эмпатия представляет собой некое духовное единство двух людей, когда один

человек временно отождествляется с другим, проникаясь его переживаниями. Это особенность человека, которая облегчает проявление альтруизма (помогающего поведения) и препятствует межличностной агрессии (Ильин Е.П., 2011). В отечественной психологии исследованием эмпатии подростков занимались Т.Р. Каштанова, А.А. Бодалев, Т.П. Гаврилова, И.М. Юсупов. В зарубежной психологии данной проблемой интересовался Е. Стотлэнд. Работы этих авторов свидетельствуют о том, что способность к сопереживанию положительно коррелирует с широким кругом общения подростка со сверстниками, при этом существует две формы эмпатийного поведения – сочувствие и сопереживание, которые по-разному проявляются у детей разного пола и возраста. Так, для младших школьников более характерно сопереживание, а для подростков – сочувствие (Эльконин Д.Б., 2007).

Поскольку в подростковом возрасте происходят активное личностное и социальное самоопределение, важные изменения в мировоззрении, системе убеждений, направленности личности, этот возрастной период является сенситивным этапом нравственного развития. Работы Ж. Пиаже показали, что в период 12-13 лет нравственное развитие ребенка обретает новый смысл, поскольку идеалы и ценности, которые выходят за рамки его конкретной жизни, становятся лично значимыми, эмоционально окрашенными. К таким ценностям можно отнести свободу, любовь, дружбу, социальную справедливость, искренность. Их формирование связано с возрастанием интереса подростка к поступкам людей, их нравственным качествам, взаимоотношениям друг с другом. В этом возрасте происходит возникновение и оформление нравственных убеждений, которые представляют собой специфические мотивы деятельности и поведения подростка (Обухова Л.Ф., 2010). Важнейшими факторами, влияющими на уровень морального развития, исследователи называют уровень образования (чем он выше, тем выше уровень морального развития), стиль родительского воспитания, место жительства, травматический опыт (Гулевич О.А., 2003).

В подростковом возрасте также происходит процесс систематизации первичной правовой социализации, обогащение теоретических правовых знаний,

начинают вырабатываться правовые аттитюды, приобретается первичный опыт, который связан с нормативной системой общества. В связи с неустойчивым характером личности подростка, его правовые установки также еще неустойчивы, что является одной из причин формирования противоправного поведения. Подростки с девиантными формами поведения склонны соблюдать правила и законы только в угоду собственным интересам, в отличие от их сверстников с нормативным поведением, которые соблюдают правовые нормы в меру собственных возможностей и желаний (Дворянчиков Н.В., 2011). Склонность к девиантному поведению в подростковом возрасте зависит от низкой степени доверия подростка к социальному миру, которая свидетельствует о деформации характеристик правосознания (Достовалов С.Г., 2013).

В исследовании приняли участие 100 подростков в возрасте 13-16 лет: 43 подростка, со склонностью к девиантному поведению, состоящих на учете в КДН, а также 57 подростков с нормативным поведением. Оценивались уровни эмпатии, морального развития и правосознания по методикам: «Диагностика уровня эмпатии» (А. Меграбян, Н. Эпштейн); «Моральные дилеммы» Л. Колберга в модификации Е.В. Костюшиной; «Диагностика правосознания» (Л. Ясюкова). В результате сравнительного анализа удалось выявить, что уровни эмпатии, морального развития и правосознания девиантных подростков значительно ниже, чем у их сверстников с нормативным поведением.

У 9% подростков со склонностью к девиантному поведению, выявлена неразвитость эмпатийных тенденций, этим подросткам свойственны затруднения в установлении контактов и межличностном взаимодействии с окружающими. Низким уровнем эмпатии обладают 16% подростков с нормативным поведением и 54% подростков с девиантным поведением, это может говорить об их затруднениях в установлении межличностных контактов, дискомфорте в больших компаниях людей, непонимании эмоциональных проявлений окружающих.

Уровень правового нигилизма был отмечен у 29% учащихся группы с нормативным поведением и 63% группы со склонностью к девиантному поведению. Эти подростки не признают правового регулирования, негативно

относятся к самому принципу законодательного формального регулирования отношений. Средний уровень развития правового сознания, отмеченный у 52% подростков группы с нормативным поведением и у 30% группы с девиантным поведением, свидетельствует о неполноценном, противоречивом правовом сознании. Это значит, что основы правосознания заложены, но полностью оно не сформировано и регулирует поведение только в какой-то одной или двух сферах. Это может быть связано, прежде всего, с определенными возрастными закономерностями в развитии правового сознания, которые зависят от личностной и интеллектуальной самостоятельности подростков. Полностью сформированное правосознание (высокий уровень) был выявлен лишь у 3% группы нормы.

Важно отметить, что низкий уровень правовых знаний имеют 12% подростков с нормативным поведением и 21% подростков с девиантным поведением, это означает, что осведомленность, информированность данных подростков о правовом регулировании не достигает минимума, который необходим для самостоятельной жизни в современном обществе.

По результатам исследования морального развития, можно заключить, что для большинства подростков обеих исследуемых групп свойственен конвенциональный уровень, однако подростки с нормативным поведением имеют ярко выраженную тенденцию к постконвенциональному уровню, что слабее наблюдается в группе девиантных подростков.

Рассмотренные и выделенные особенности, могут стать мишенями воздействия в профилактических и коррекционных работах. Также результаты исследования указывают на необходимость пересмотра воспитательных и образовательных программ, в которых особое внимание должно быть уделено развитию эмпатических способностей, повышению уровня правового сознания и правовых знаний, а также развитию морально-нравственного сознания у подрастающих поколений.

Литература

1. Гулевич О.А. Правосознание и правовая социализация (аналитический обзор). Москва: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003. С.36–57.
2. Дворянчиков Н.В., Савкина И.А. Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39933.shtml (дата обращения: 10.02.2017).
3. Достовалов С.Г. Доверие к социальному миру как фактор формирования правосознания у подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58316.shtml> (дата обращения: 28.02.2017).
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Питер, 2011. 783 с.
5. Обухова Л.Ф., Корепанова И.А. Современный ребенок: шаги к пониманию // Психологическая наука и образование. 2010. №2. С. 5-19.
6. Эльконин Д.Б. Некоторые аспекты психического развития в подростковом возрасте // Психология подростка: хрестоматия / сост. Ю.И. Фролов. Москва: Российское педагогическое Агенство, 2007. 525 с.

Психологические особенности у несовершеннолетних с интернет аддикцией

Григорьева К.А

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Одним из видов аддикций, получившим широкое распространение во всем мире в связи с компьютеризацией общества, стала компьютерная зависимость, которая, по мнению ряда исследователей, обуславливает развитие психопатологических изменений личности и ведет к нарушениям социальных норм поведения и к правонарушениям. В классификацию нехимических аддикций вошла также Интернет-зависимость.

Актуальность исследования психологических причин и последствий интернет аддикции в подростковом возрасте определяется, во-первых, постоянным увеличением численности подростков – пользователей Интернета (более 60% процентов), во-вторых, тем, что чрезмерное пристрастие к Интернету разрушающе действует на психику подростка, в-третьих, немногочисленностью научных исследований именно в этой области, т.к. этот феномен, относительно новый, который в настоящее время в русскоязычной литературе представлен недостаточно.

Целью настоящей работы является изучение психологических особенностей у подростков с интернет зависимостью.

Объектом исследования выступают подростки с интернет-зависимостью.

Предмет исследования выступают особенности межличностного взаимодействия подростков с Интернет-зависимостью.

Гипотеза исследования: подростки с интернет-зависимостью, имеют трудности в установлении межличностных контактов со сверстниками, подвержены депрессивным состояниям, в реальной жизни замкнуты, мало общительны, имеют низкую самооценку и высокий уровень тревожности и раздражительности.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Методика измерения уровня Интернет – аддикции К. Янг,
2. Тест «Самооценка психических состояний» (по Айзенку),
3. Многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В),
4. Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири.

База исследования:

Исследование проводилось на выборке из 40 подростков, 20 мальчиков и 20 девочек. Возраст испытуемых от 13 до 16 лет. Выборка формировалась из учащихся школьников МБОУ «СОШ № 7» г. Ивантеевки. Испытуемые были поделены на 2 группы: контрольную и экспериментальную.

Контрольная группа: подростки, не имеющие Интернет – аддикцию (25 человек).

Экспериментальная группа: подростки, имеющие Интернет – аддикцию (15 человека).

Экспериментальную группу можно охарактеризовать как подростков, которым в большей степени свойственны следующие характеристики: очень тревожные, с низкой самооценкой, избегающие трудностей, боятся неудач, фрустрированы, имеют средний уровень агрессивности, необходимо особо обратить внимание на сильно выраженную ригидность: неизменность поведения, убеждений и взглядов, даже в том случае, если они расходятся или не соответствуют реальным жизненным обстоятельствам.

В контрольной группе можно отметить следующие характеристики присущие подросткам: средний уровень тревожности, устойчивость к неудачам, они не боятся трудностей, спокойны и выдержаны, ригидности нет, легко переключаемы.

Так, полученные данные корреляционного анализа позволили нам зафиксировать, что Интернет-зависимость значимо коррелирует с раздражительностью, общительностью и открытостью, тем самым подтвердив нашу гипотезу о том, что Интернет-зависимые менее общительны и замкнуты и

тревожны, что отрицательно сказывается на межличностном взаимодействии подростков.

Эмпирическое исследование показало, что Интернет-зависимым личностям свойственны высокий уровень тревожности и депрессивности.

Таким образом, полученные нами результаты исследования, позволяют сделать следующие выводы:

1. Наличие Интернет-аддикции негативно влияет на межличностные отношения подростков с окружением. У них имеются проблемы в установлении межличностных контактов из-за их высокой тревожности, неуверенность в себе, их раздражительности, малообщительности и замкнутости;

2. Подростки с Интернет-зависимостью очень тревожные, с повышенным чувством ответственности, неудовлетворенные собой, склонные к тому, чтобы винить себя во всем при неудачах, легко впадающих в состояние грусти, пессимистически оценивающие свои перспективы, депрессивны, аккуратные и исполнительные в работе, избегающие широких контактов, малообщительны, замкнуты, ранимы и впечатлительные, болезненно сосредоточенные на своих недостатках и проблемах.

Литература

1. Аршинова В.В., Барцалкина В.В., Дуденкова Т.В. Профилактика гемблинга в Интернет-зависимости в образовательной среде. М., 2010.
2. Асмолов А.Г., Цветкова Н.А., Цветков А.В. Психологическая модель Интернет-зависимости личности // Мир психологии. 2004. № 1.
3. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1.

Роль гендерного фактора взрослого в восприятии ребенком дошкольного возраста игровой деятельности

Громогласов Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Моисеева Л.П.

В дошкольном возрасте у ребенка с формированием самосознания и автобиографической памяти появляются первые представления о самом себе. На этом этапе развития и происходит полоролевая идентификация, подразумевающая тесную эмоциональную связь с представителями своего пола. В игре это отражается, прежде всего, в выборе ролей. Но, чтобы принять на себя роль, ребенку необходим опыт общения с представителями как своего, так и противоположного пола. И чем больше будет такого опыта, тем более разнообразной и развернутой будет игровая деятельность.

Актуальность исследования состоит в необходимости изучения гендерных особенностей дошкольников в рамках игровой деятельности в связи с увеличением количества неполных семей в обществе, где дети менее информированы о жизнедеятельности взрослых своего, либо противоположного пола. Через игровую деятельность ребенок отражает свои представления обо всем происходящем вокруг, в том числе и о гендерных особенностях.

В дошкольном возрасте в сюжетно-ролевой игре дети копируют поведение взрослых людей. Проигрывая роль, ребёнок выполняет определённую социальную функцию, зачастую, дифференцированную по полу. Однако, в рамках ДООУ (дошкольного образовательного учреждения) содержание игровой и развивающей деятельности недостаточно дифференцировано с учётом полоролевых особенностей развития девочек и мальчиков.

Данное исследование рассчитано на детей дошкольного возраста. Считается, что для полноценного и всестороннего развития ребенок должен общаться с представителями обоих полов. На данный момент в России более 30% детей воспитываются в неполных семьях, где есть только один родитель, причем

в 90% случаях это представитель женского пола (мать) (Антонова Н.А., Бобков В.Н., Заварина Е.С., Зайнуллина З.Ж., 2015).

Однако, чтобы получить полноценный опыт, связанный с отношениями на полоролевом уровне развития, ребенок должен иметь возможность общения с представителями разных полов и возрастов.

Так как основным инструментом развития на этом этапе выступает игровая деятельность, в которой ребенок проигрывает значимые для него ситуации, то целесообразно использовать ее в качестве индикатора полоролевой идентификации (осознания себя). По утверждению ряда авторов «в дошкольном возрасте (3-6 лет) начинается активное усвоение детьми половых ролей, осознание ими необратимости пола, принятие норм полоролевого поведения» (Алексеева М.Н., 2011).

В ДОУ (дошкольном образовательном учреждении) подавляющее большинство педагогов и воспитателей – представители женского пола. Это вовсе не говорит о том, что дети ограничены в общении с представителями мужского пола, ведь у большинства из них есть братья, отцы, дяди, дедушки и другие взрослые. Но в рамках обучающей и игровой деятельности ребенок чаще всего общается именно с женщиной.

Данное эмпирическое исследование состоит из трёх этапов: первичная диагностика, развивающая программа и повторная диагностика. Оно рассчитано на использование в дошкольных образовательных учреждениях и, главным образом, отражает многообразие подходов в игре с ребенком представителей разных полов.

В предложенном эмпирическом исследовании приняли двадцать детей старшего дошкольного возраста (6-7 лет) и два взрослых противоположного пола. Дети были разделены на две группы по десять человек. В каждой группе находилось пять мальчиков и пять девочек.

Базой для проведения исследования послужило ГБОУ СОШ «Курчатовская школа» №2077, структурные подразделения №10, 11.

Целью исследования было выявить взаимосвязь гендерного фактора взрослого и особенностей восприятия ребенка в познавательной и игровой деятельности.

Игровая развивающая программа состояла из 4 занятий, предназначенных для детей дошкольного возраста.

Занятия проводились два раза в неделю, продолжительностью 20-30 минут. Разница была лишь в том, что в одной группе все занятия проводил представитель мужского пола, а в другой – женского. Первая половина занятия отводилась развивающим играм по заданной тематике, а вторая – сюжетно – ролевой на аналогичную тему.

Методом эмпирического исследования выступал констатирующий эксперимент, а математическая статистика проводилась в программах MS Excel и SPSS.

В результате проведенных занятий в обеих группах был достигнут положительный результат в развитии познавательных навыков и сюжетно – ролевой игры у старших дошкольников. В сюжетно – ролевой игре наблюдалось преобладание выбора женских ролей в той группе, где взрослым был представитель женского пола, а мужских, – где занятия проводил мужчина. Таким образом, теоретически и эмпирически было установлено, что пол взрослого оказывает воздействие на выбор ролей ребенком дошкольного возраста и является значимым показателем в формировании его гендерной идентичности.

Практическое применение данной работы возможно, как в некоторых областях семейной психологии и возрастной психологии, так и при работе в дошкольных образовательных учреждениях. Полученный материал может быть использован педагогами – психологами ДОУ (дошкольных образовательных учреждений) в работе с детьми дошкольного возраста и включен в программу ежедневной работы с детским коллективом.

Подводя итоги, хочется отметить, что, с помощью игровой и развивающей деятельности, взрослый не только учит ребенка поведенческим и социальным

нормам, но и формирует его полоролевые качества и восприятие представителей разных полов.

Литература

1. Алексеева М.Н. Психологические аспекты половой идентификации детей младшего школьного возраста // Психология телесности: теоретические и практические исследования. 2011. № 1. С. 234-240.
2. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74-81.
3. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 2001. №2. С. 47-57.
4. Смирнова Е.О. Игра в современном дошкольном образовании [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62459.shtml (дата обращения: 07.03.2017).
5. Смирнова Е.О., Гударёва О.В. Игра и произвольность современных дошкольников // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 12–20
6. Социальное положение и уровень жизни населения России / Антонова Н.А., Бобков В.Н., Заварина Е.С., Зайнуллина З.Ж. Москва: Росстат, 2015. 311 с.
7. Теоретические основы базисной программы развития ребенка-дошкольника / Новоселова С.Л., Обухова Л.Ф., Парамонова Л.А., Тарасова К.В. Москва: Психологическая наука и образование, 1996. 664 с.

Проблема интернет-зависимости подростков

Губайдуллина А.И.

Башкирский государственный педагогический университет

им. Акмуллы (г. Уфа)

Научный руководитель – Шилева И.Ф.

Исследование проблем интернет-зависимости подростков приобретает особую значимость в связи с широким развитием компьютерных технологий. Компьютер стал неотъемлемой частью современной жизни, захватывая своим влиянием все большее количество современных детей и подростков (Трафимчик Ж.И., 2009). Вместе с несомненным положительным значением компьютеризации следует отметить и негативное последствие данного процесса, влияющего на социально-психологическое здоровье молодого поколения. Это интернет-зависимость.

Исследователи приводят различные причины возникновения интернет-зависимости. По мнению К. Янг (Янг К., 2000), зависимость от Интернета – это явление, свойственное для людей с низкой самооценкой, тревожностью, склонностью к депрессии, одиноких и непонятых.

Именно в подростковом периоде представлены все формы и типы зависимого поведения, которые в ином, более старшем возрасте, исчезают или уменьшаются. Основным в поведении зависимой личности является стремление к уходу от реальности, страх перед наполненной обязанностями однообразной жизнью, склонность к эмоциональным переживаниям и неспособность быть ответственным за что-либо.

Подростки, в отличие от детей младшего школьного возраста, сильнее поддаются зависимости, так как они обладают большей возможностью самостоятельного распределения своего времени и менее нуждаются в опеке со стороны родителей. С другой стороны, подростковый возраст отличается большей требовательностью со стороны взрослых к успеваемости подростков, к их

поведению. В межличностном общении подростки реализуют не только групповые интересы, но и пытаются самоутвердиться. Реальная жизнь для многих детей подросткового возраста становится чередой сложных испытаний, выход из которых они могут попытаться найти, окунувшись в виртуальный мир компьютерных игр (Снежневская Р.Д., 1989). Поэтому все подростки-пользователи Интернета находятся в группе риска.

Изучение индивидуально-психологических особенностей подростков, склонных к интернет-зависимости, является актуальной и важной задачей, так как причины склонности к зависимости и возможной интернет-аддикции кроются не столько в Интернете, сколько в самой личности.

В связи с этим нами было предпринято психологическое исследование подростков 14-15 лет в количестве 40 человек на наличие у них интернет-зависимости, а также выявление взаимосвязи между такими личностными особенностями, как самооценка и уверенность в себе, и интернет-зависимостью.

Тест, разработанный профессором психологии Кимберли Янг на определение интернет-зависимости, показал, что среди 40 респондентов нет ни одного ученика, у которого использование Интернета вызывало бы серьезные проблемы в их жизни. 10% тестируемых показали низкий уровень интернет-зависимости. Они могут практически обходиться и без Интернета, для них он является лишь еще одним источником информации. 42,5% учащихся - обычные интернет-пользователи. Такие подростки используют Интернет в разумных рамках, оставляя место для других занятий, например спортом. Они временами могут находиться в сети чуть дольше нужного, но контролируют ситуацию. Среди исследуемых выявились учащиеся, у которых есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением Интернетом (47,5%). Эта группа тестируемых находится на начальном этапе появления интернет-зависимости. Им стоит учитывать серьёзное влияние сети на их жизнь и стараться сокращать время, проводимое за компьютером.

Именно в подростковом возрасте ребенок открывает для себя свой внутренний мир, хочет понять, какой он есть на самом деле. Очень важно, чтобы у ребенка сформировалась адекватная самооценка.

Полученные в ходе опроса результаты по определению уровня самооценки (тест-опросник «Определение уровня самооценки» С.В. Ковалева) свидетельствуют о том, что подростки с низкой самооценкой больше подвержены интернет-зависимости (84,2%). Для обычных интернет-пользователей характерна средняя самооценка, т.е. подростки уверены в том, что успех зависит от их собственных качеств, от способности самостоятельно решать трудные задачи, а не «прятаться» в виртуальном мире от накопившихся проблем.

В своем исследовании мы попытались установить, существует ли связь между интернет-зависимостью и низкой самооценкой подростков. В качестве статистического критерия использовали метод линейной корреляции Пирсона. Значимые показатели коэффициента корреляции наблюдаются между шкалами «Интернет-зависимости» и «Уровнем самооценки» ($r = 0,632$).

Таким образом, можно сделать вывод, что уровни самооценки и компьютерной зависимости прямо коррелируют друг с другом: чем сильнее выражено отклонение от адекватной самооценки, тем выше уровень компьютерной зависимости подростков.

Чрезвычайно важный компонент самосознания – уверенность в себе, самоуважение. Подросток учится принимать себя и нести ответственность за свой выбор и решения.

Чтобы ответить на вопрос: «Существует ли взаимосвязь между уверенностью в себе и интернет-зависимостью?» – был проведен корреляционный анализ между шкалой интернет-зависимости и уровнем уверенности в себе (Тест Рейзаса «Уверенность в себе»). Как и в предыдущем случае, использовался метод линейной корреляции Пирсона, а статистическая обработка данных проводилась при помощи статпакета «SPSS».

Полученная обратная пропорциональная зависимость ($r = -0,608$) показала, что чем меньше подросток уверен в себе, тем выше уровень его интернет-

зависимости. Значит, неуверенность в себе и в своих возможностях может спровоцировать у подростка зависимость от Интернета, и, проводя большую часть своего времени в сети, он уже не сможет правильно определиться со своим местом в реальной действительности.

Зачастую интернет-зависимость – это следствие внутриличностных проблем пользователя. Формирование зависимости от Интернета наиболее вероятно у подростков с заниженной самооценкой и неуверенностью в себе. Эти особенности личности подростков, по всей видимости, способствуют как вовлечению в интернет-аддикцию, так и одновременно являются факторами риска социальной дезадаптации (конфликтное поведение, хронические депрессии, уход в виртуальный мир от реальной жизни, трудности адаптации в социуме, иллюзия вседозволенности и безнаказанности, девальвация нравственности).

Таким образом, подростки во взаимодействии с Интернетом находятся в большей опасности, нежели другие возрастные группы. Это связано со спецификой данного возраста. И насколько удачно могут быть разрешены эти проблемы, во многом зависит от эмоциональных связей с близкими людьми, на основе которых вырастает чувство привязанности, безопасности и доверия к окружающему миру.

Литература

1. Войскунский А.Е. Исследования Интернета в психологии // Интернет и российское общество / Семенов М.И. М., 2002. 573 с.
2. Снежневская Р.Д. Мир подростка. М.: Педагогика, 1989. 345 с.
3. Трафимчик Ж.И. Игровая компьютерная зависимость: особенности влияния на личность // Психология. 2009. № 4. С.36–40.
4. Янг К. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2.

Отношение к кибербуллингу у подростков

Кирюхина Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Деятельность в сети Интернет несет в себе не только новые возможности, но и новые риски (Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В., 2015). Новой проблемой и актуальной темой для обсуждения и исследования стало возникновение такого явления, как кибербуллинг. Понятие буллинга (травли) как преднамеренного систематически повторяющегося агрессивного поведения, включающего неравенство социальной власти или физической силы (Olweus D., 1993), приобрело новое выражение в Интернет-пространстве. Актуальность исследования кибербуллинга определяется тем, что тяжелые последствия травли в сети Интернет участились и усилились, доходя порой до крайней формы – суицида жертвы. Кибербуллинг привлекает молодых людей, склонных к агрессии, тем, что личность кибербуллера остается анонимной. Агрессия по отношению к кому-либо, выраженная в дистанционной форме, не позволяет увидеть реакции жертвы и влияние своего поступка, что не вызывает таких чувств, как сопереживание и жалость. Электронные средства коммуникации легко доступны, поэтому обидчик без труда может выбрать жертву и нанести ей вред в любой момент. После появления в сети информации агрессивного характера невозможно контролировать, поэтому все оскорбления и унижения циркулируют в ней долго. Если в реальной жизни, подростковые издевательства достаточно открыты и доступны контролю со стороны педагогов и психологов, то в Интернет-пространстве сделать это не так легко. В настоящее время кибербуллинг все больше становится проблемой в качестве вида девиантного поведения, нуждающегося в профилактике.

Зарубежные исследования травли в Интернете показали, что кибербуллинг приобретает особую популярность именно среди подростков, которые, с одной стороны, очень хотят добиться общественного признания, с другой стороны, у

них не хватает ресурсов, сил и терпения, чтобы утвердиться за счет самостоятельных реальных действий (Bastiaensens S. et al, 2014; Camacho S., et al., 2014; Howlett-Brandon M., 2014; Vandebosch H., Van Cleemput K., 2009; Wegge D. et al., 2014). Однако отечественных работ в этой области еще очень мало. Так, например, не становились предметом исследования психологические характеристики подростков-кибербуллеров и их жертв.

Предпринятое нами исследование было направлено на выявление связи между отношениями к кибербуллингу у подростков и их индивидуально-психологическими особенностями.

В исследовании принимали участие 45 учеников 8 классов в возрасте 13-15 лет ($M=14,0\pm 0,36$), из них 18 мальчиков и 27 девочек. Вначале проводился опрос с помощью специально сконструированной анкеты с использованием метода шкалирования для определения отношения школьников к кибербуллингу, а затем определялись их индивидуально-психологические особенности с помощью Индивидуально-типологического детского опросника (Собчик Л.Н., 2007). В дальнейшем устанавливалось связь определенных типов отношения к кибербуллингу с индивидуально-психологическими особенностями подростков.

В результате опроса было выявлено, что среди подростков, вовлеченных в кибербуллинг, преобладают жертвы и те, кто прибегал к реактивной агрессии, т.е. предпринял кибератаку в ответ на агрессию в свой адрес. Основным видом кибербуллинга со стороны подростков было издевательство в соцсетях, преобладающим мотивом, который называли сами подростки, – развлечение.

Результаты исследования с высокой степенью статистической значимости показали, что подростки, которые считают кибербуллинг допустимым и сами выступали в нем как нападавшие, обладают такой индивидуально-психологической особенностью, как агрессивность. В то же время, жертвами кибербуллинга становятся и склонны к интенсивным переживаниям совершенной против них агрессии тревожные, эмоционально неустойчивые, ранимые подростки. Выявленная связь между отношением к кибербуллингу, оценкой его допустимости и уже совершенными подростками, согласно их отчетам,

действиями агрессивного характера в сети Интернет, свидетельствует, что такое отношение способствует реализации кибербуллинга и может в определенной степени его прогнозировать.

Обобщая всё сказанное выше, можно сделать вывод, что отношение школьников к Интернет-травле связано с их индивидуально-психологическими характеристиками. Подобные исследования важны для понимания особенностей поведения современной молодежи в ситуации виртуального взаимодействия с другими людьми, а также тех факторов, которые непосредственно с этим связаны.

Чтобы уберечь подростка от агрессивного поведения в сети, нужно научить его осторожности при нахождении в виртуальном пространстве. Следует сделать предметом обсуждения с подростками, к каким последствиям может привести подобное поведение, а также предостеречь их от размещения личных данных в открытом доступе. С теми подростками, которые уже пострадали от кибербуллинга, возможно проведение психотерапии, направленной на уменьшение напряжения и снятие тревоги.

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных действий в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). №4. С. 80-93.
2. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully. *Computers in Human Behavior*, 2014. 31(1). Pp. 259–271.
3. Camacho S., Hassanein K., Head M. Understanding the factors that influence the perceived severity of cyber-bullying. *Lecture Notes in Computer Science*, 2014. Vol. 8527. Pp. 133–144.
4. Howlett-Brandon M. Cyberbullying: an examination of gender, race, ethnicity, and environmental factors from the national crime supplement. PhD dissertation, 2014. URL: <http://scholarscompass.vcu.edu/etd/3470> (дата обращения 20.04.2017).

5. Vandebosch H., Van Cleemput K. Cyberbullying among youngsters: profiles of bullies and victims. *New Media and Society*, 2009. 11(8). Pp.1349–1371.
6. Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S. Who bullies whom online: A social network analysis of cyberbullying in a school context. *Communications*, 2014. 39(4). Pp. 415–433.

Особенности моральных суждений у кадетов

Корчагина О.В., Ошевский Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

В России действует Федеральная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 годы». Ее основной задачей является формирование у подростков ответственности за судьбу своей страны. Среди образовательных учреждений, наиболее эффективно осуществляющих нравственное и патриотическое воспитания, выступают кадетские школы и корпуса. Поэтому проведенное в них исследование может стать моделью для дальнейшей оценки успешности реализации Федеральной программы.

Особенностью воспитания в кадетских корпусах всегда являлась ориентированность на нравственный идеал. Содержание духовно-нравственного воспитания выразилось в морально-нравственном кодексе поведения офицеров и воинском этикете.

Анализ литературы показывает, что, как это ни парадоксально, эмпирических работ по изучению морального сознания, проведенных в русле военной психологии крайне мало.

Методологическая основа отечественной и зарубежной военной психологии прослеживается в структуре обучения и воспитания подростков, в контексте кадетских корпусов. Для эффективной деятельности в рамках таких учебных заведений большое значение имеет процесс взаимодействия всего коллектива. В связи с этим немаловажным является усвоение и принятие норм и

ценностей, которые существуют в коллективе, что в свою очередь предполагает определенный уровень развития моральных суждений и морального сознания.

В проведенном исследовании изучались особенности моральных суждений и морального сознания кадетов, особенности эмоционально-смысловой сферы, а также некоторые социально-психологические аспекты.

Мы предположили, что существуют различия в уровне развития моральных суждений в зависимости от срока обучения в кадетском корпусе.

Исследование проведено на базе Областного государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Смоленский Фельдмаршала Кутузова кадетский корпус». Материалом послужили результаты обследования двух групп подростков, обучающихся в кадетском корпусе, представляющих младший подростковый и старший подростковый возраста. В выборки вошли следующие испытуемые:

- кадеты, только поступившие в кадетский корпус – ученики 5 классов (n=30) – гр. №1;
- кадеты, завершающие свое обучение в кадетском корпусе – ученики 10-11 классов (n=30) – гр. №2.

Средний возраст испытуемых: гр. №1 = $11,2 \pm 0,5$ лет, гр. №2 = $16,3 \pm 0,7$ лет.

На первом этапе проводилось сравнение двух групп в зависимости от срока обучения.

Благодаря предшествующим исследованиям морального развития на контингенте военнослужащих была адаптирована анкета, в которую были включены основные социально-психологические параметры кадет и их отношение к обучению в кадетском корпусе. Субъективное мнение кадетов проверялось объективными оценками офицеров, исходя из выявления значимых различий между ответами в анкете, которую подростки заполняли самостоятельно и интегративными показателями, выставляемые их воспитателями.

Для оценки уровня развития моральных суждений у кадетов было разработано полуструктурированное интервью. Методологической основой

послужила концепции Л. Колберга и Б.С. Братуся, описывающие стадии формирования морального сознания.

Для изучения эмоционального компонента был использован цветовой тест отношений, включающий в себя понятия, описывающие такие категории как наиболее значимое окружение; представление о себе; а также основные морально-нравственные понятия, представляющие как общее содержание, так и характерные для данного учебного заведения категории.

Для более полного изучения особенностей морально-нравственного развития кадетов по всем методикам проводился количественный и качественный анализ.

На заключительном этапе общая группа испытуемых была разделена на две подгруппы для сравнительного исследования анкетных данных и их семейного положения. В первую группу вошли кадеты, воспитывающиеся в полных семьях – 28 человек, во второй группе подростки, проживающие в неполных семьях или находящиеся под опекой – 32 человека.

В результате исследования были выявлены качественные и значимые количественные различия морально-нравственного развития у кадетов, в зависимости от срока обучения.

Исходя из полученных результатов, у кадетов в процессе обучения обнаруживается положительная динамика в развитии моральных суждений. Для старшей группы характерным является более зрелое восприятие, большая дифференцированность и наполняемость смысловых конструктов. Другой особенностью является тенденция к формированию более высокого – просоциального уровня развития моральных суждений.

Для группы младших подростков преобладающим является эгоцентрический уровень развития моральных суждений, исходя из качественного анализа, было выявлено, что их морально-нравственное развитие характеризуется ориентацией на личную выгоду и потребности.

Особенностью формирования группоцентрического уровня развития моральных суждений у испытуемых первой группы является ориентация на

семью и близких родственников, а не на группу сверстников. Данные положения могут быть объяснены не только возрастными особенностями, но адаптационными трудностями, которые заключаются в нахождении в непривычных социальных условиях, смене места проживания, отделения от семьи, а также недостаточной групповой сплоченностью, в связи с начальным сроком обучения.

Имеются и групповые отличия эмоционально-смысловой сферы подростков, в зависимости от срока обучения. Наблюдается различная дифференцированность и наполненность смысловых конструктов. Для младших подростков характерными также являются категоричность и полярность в оценках. Помимо этого наблюдается ориентация на избежание наказания, необходимость внешней регуляции поведения.

Для группы старших подростков характерна более четкая полоролевая идентификация собственной психосоциальной роли с фигурой отца, что положительно влияет на формирование определенных маскулинных качеств, необходимых при овладении воинским делом. Также среди испытуемых второй группы наблюдается большая дифференцированность и смысловая наполненность понятий, непосредственно относящихся категории воинских качеств, можно отметить, что выявлена тенденция к их интериоризации.

При сравнении двух групп испытуемых, исходя из их семейного контекста, были получены следующие результаты: подростки, воспитывающихся в полных семьях, менее агрессивны, на уровне тенденций имеют положительное отношение к воспитанию воинских качеств, а, по мнению офицеров-воспитателей, более эффективно справляются со своими обязанностями. У подростков, воспитывающихся в неполных семьях или находящихся под опекой, наблюдается обратная ситуация. Испытуемые этой группы более склонны к проявлениям агрессии, на уровне тенденций чаще вступают в специфические неформальные группы, а офицерами-воспитателями оцениваются как кадеты, недостаточно хорошо справляющиеся с общеобразовательной и воинской подготовкой.

Исходя из полученных эмпирических данных, можно сделать вывод, что выявленные особенности морального развития и эмоционально-смысловой сферы необходимо учитывать при проведении учебно-воспитательной работы по повышению эффективности обучения в кадетском корпусе. Наиболее важными аспектами являются помощь в адаптации к новым социальным условиям младших подростков, их интеграция в кадетский коллектив, а также установление регулярной связи с семьей и родственниками.

При проведении учебно-воспитательной работы необходимо также учитывать выявленные факторы риска, к которым можно отнести трудности в адаптации, слабая групповая сплоченность, боязнь получения наказания, конфликты в коллективе и воспитание в неполной семье. К ресурсам можно отнести такие особенности, как интериоризация воинских ценностей, принятие ответственности, положительные семейные отношения.

Дальнейшие исследования данной темы позволят более глубоко изучить описываемые феномены и выработать более содержательные рекомендации по психологическому сопровождению и воспитательной работе среди кадетов в период их обучения.

Исследование социально-психологической готовности родителей к приему ребенка в замещающую семью

Куликовская М.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Краева М.Ю.

Воспитание в условиях приемной семьи является в настоящее время наиболее благоприятным вариантом жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей (Ослон В.Н., 2001). Однако для полноценной адаптации приемного ребенка в новой семье родителям необходимо быть готовым к преодолению возможных трудностей, связанных с тем, что опыт родительской депривации в прошлом оказывает негативное воздействие на развитие ребенка

(Киселева Н.А., 2014; Конева О.Б., 2009). С этим связана значительная проблема - неготовность потенциальных приемных родителей к воспитанию ребенка. О ее важности свидетельствуют многочисленные случаи повторного возврата ребенка в детские учреждения, когда новые родители оказываются не готовыми справиться со всеми задачами, которые ставит перед ними воспитание приемного ребенка.

Поэтому необходимо рассмотрение такого понятия как социально-психологическая готовность родителей к воспитанию ребенка в замещающей семье. В качестве теоретических источников были использованы работы таких ученых как Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис (2009), А.М. Прихожан (2001), В.Н. Ослон (2001), Г.В. Семья (2005), И.Г. Малкина-Пых (2006), Н.А. Киселева (2014), Н.А. Палиева (2011) и других.

Основной проблемой детей, оставшихся без попечения родителей, является депривация потребности в материнской и родительской заботе. Это приводит к таким трудностям, как задержка интеллектуального развития, недостаточная сформированность эмоционально-волевой сферы либо ее деформации, коммуникативные нарушения и трудности в социальной адаптации (Киселева Н.А., 2014). Все это предъявляет повышенные требования к личности родителей и ставит вопрос о социально-психологической готовности к воспитанию приемного ребенка.

Готовность представляет собой свойство личности, которое развивается по мере накопления жизненного опыта, в результате чего складывается положительное отношение к определенной деятельности, формируются мотивы и потребность в ней, понимание ее предмета и способов взаимодействия с ним. Эмоциональные, волевые и интеллектуальные характеристики поведения человека в этом случае являются ее непосредственным проявлением.

При воспитании приемного ребенка большое значение имеет конструктивная мотивация, основанная на желании помочь ребенку. Также важно позитивное отношение к детям, умение понять ребенка и поставить себя на его место при принятии ответственных решений. Для замещающих родителей важен

реалистичный взгляд на возможные трудности в воспитании приемного ребенка, стремление понять причины успехов и неудач, готовность к сотрудничеству со специалистами. Большое значение имеет высокий уровень педагогической культуры, знания об особенностях приемных детей. Также важным компонентом, определяющим успешную адаптацию ребенка в новой семье, является гибкость и сплоченность семейной системы и особенности межличностных отношений внутри нее (Ослон В.Н., 2001).

В данной статье представлены результаты исследования социально-психологической готовности родителей к приему ребенка в замещающую семью. Исследование проводилось в контексте занятий школы приемных родителей и имело своей целью изучение социально-психологической готовности родителей к приему ребенка в замещающую семью.

Общее количество испытуемых 41 человек, в том числе 29 женщин в возрасте от 25 до 76 лет и 12 мужчин в возрасте от 33 до 64 лет. Средний супружеский стаж в изучаемой выборке – 12 лет: минимальный 2 года, максимальный 45 лет. Исследование проводилось в течение февраля и марта 2017 года.

В качестве теоретической модели готовности была выбрана структура из трех основных компонентов:

1. Мотивационно-личностный: включает особенности мотивации к приему ребенка в замещающую семью, а также индивидуально – типологические особенности.

2. Когнитивный: отражает уровень знаний и познавательные аспекты готовности к приему ребенка.

3. Деятельностный: включает особенности семейной системы, гибкость и адаптивность, а также готовность к решению проблемных ситуаций.

По результатам занятий было выявлено снижение некоторых мотивов приема ребенка, таких как «отсутствие детей», «желание быть не хуже чем другие», «продолжатель традиций», «помощь в старости», а также желания «воздействовать на отношения с членами семьи». Основной чертой,

объединяющей большинство этих мотивов, является то, что они по своему содержанию не связаны напрямую с воспитанием приемного ребенка. При встрече с новой информацией о реальных особенностях и трудностях воспитания данные мотивы становятся менее значимыми. Среди индивидуально-типологических особенностей несколько увеличивается выраженность экстраверсии и лабильности, вероятно, как показателей, отвечающих за выраженность коммуникативных склонностей личности.

В результате занятий произошло достоверное увеличение таких показателей коммуникативного компонента готовности как внутрисемейная согласованность относительно принятия ребенка, знания об особенностях развития ребенка, понимание системы родительских обязанностей, а также готовность к взаимодействию со специалистами. Эти результаты объясняются тем, что в процессе занятий предусмотрен достаточно большой объем информации для родителей, что значительно повышает их компетентность в вопросах воспитания ребенка и дает им необходимые ресурсы в виде знаний.

В деятельностном компоненте готовности были зафиксированы более высокие результаты по решению проблемных ситуаций. Родители становятся более осведомленными относительно того, как закономерности развития ребенка проявляются в обычной жизни, каков смысл поведения ребенка и к каким педагогическим приемам и принципам они могут обращаться для наиболее правильного разрешения тех или иных сложных ситуаций. При этом значительных изменений семейной сплоченности и адаптации выявлено не было.

Это позволяет сделать вывод о том, что по мере развития социально-психологической готовности происходит формирование более глубоких представлений об особенностях психического развития ребенка, наряду с усвоением педагогических приемов и способов решения возможных проблемных ситуаций. При этом особенности семейных отношений, вероятно, являются более стабильными и устойчивыми характеристиками, и меняются в значительно меньшей степени.

Таким образом, полноценное развитие всех компонентов готовности является необходимым условием успешной адаптации ребенка в новой семье. Материалы исследования могут быть использованы в процессе психологического сопровождения замещающих семей, профилактики и коррекции трудностей, связанных с воспитанием приемных детей.

Литература

1. Киселева Н.А. Проблема адаптации приемных детей и родителей в замещающих семьях // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. №4. С. 134-138.
2. Конева О.Б. Психологические особенности социально-эмоциональных нарушений личности детей-сирот // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2009. №30 (163). С.59-65.
3. Малкина-Пых И.Г. Семейная терапия. М.: Эксмо, 2006. 982 с.
4. Ослон В.Н., Холмогорова А.Б. Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи // Вопросы психологии. 2001. №4. С. 39-53.
5. Палиева Н.А., Савченко В.В., Соломатина Г.Н. Мотивация принятия приемного ребенка в замещающую семью // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. №1. С.132-137.
6. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Развитие личности в условиях психической депривации // Формирование личности в онтогенезе. М.: Эксмо, 2001. С. 78–79, 99–104.
7. Семья Г.В. Политика деинституционализации учреждений интернатного типа // Детский дом. 2005. № 4(17). С.2-7.
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб: Речь, 2009. 245 с.

Сравнительный анализ психологических особенностей эмоционального интеллекта у курсантов психологического факультета и психологов исправительных учреждений

Лапицкая Д. С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
(г. Рязань)

Научный руководитель – Калашникова М.М.

В настоящее время исследование проблемы психологических особенностей эмоционального интеллекта является актуальной. Изучению эмоционального интеллекта посвящены работы отечественных и зарубежных психологов: Р. Бар-Он, Дж. Мейера, П. Саловой, Д. Голмена, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Д.В. Люсина, В.Д. Шадрикова и др. Ученые описали его основные компоненты и определили, что эмоциональный интеллект влияет на успех деятельности. Однако анализ литературных источников указывает на недостаточность проведения исследований по данной проблеме (Люсин Д.В., 2004).

Под эмоциональным интеллектом принято понимать «способность осознавать свои эмоции и эмоции других, чтобы мотивировать себя и других, и чтобы хорошо управлять эмоциями наедине с собой и при взаимодействии с другими». (Гарскова Г.Г., 2001)

Целью проведения нашего исследования было сравнение психологических особенностей эмоционального интеллекта у курсантов, обучающихся на психологическом факультете и психологов исправительных учреждений (далее – ИУ). Выборка исследования составила 60 испытуемых: 30 курсантов и 30 психологов. Для проведения исследования использовались следующие методики: «Боязнь неудач и мотивация успехов» А.А. Реана, «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана, «Эмоциональная эмпатия» А. Мехрабиана и Н. Эпштейна, «Эмоциональный интеллект» Н. Холла, направленные на выявление уровня эмоционального

интеллекта и его отдельных компонентов.

Изучив и проанализировав полученные результаты по опроснику «Боязнь неудач и мотивация успехов» А.А. Реана можно сделать вывод, что у курсантов слабо выражена мотивация на успех (27,3) и отсутствует мотивация неудачи. Психологи ИУ более мотивированы (30,5), чем курсанты, они уверены в своих возможностях и стремятся достигнуть положительных результатов в своей профессиональной деятельности.

Полученные результаты по методике «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана позволили выявить высокие показатели у всех респондентов по общей шкале волевой саморегуляции, субшкалам настойчивость и самообладание, но показатели у психологов ИУ оказались чуть выше. Сравнительный анализ данных, между курсантами и психологами ИУ, выявил значимые различия ($p \leq 0,01$) по субшкалам методики.

По полученным данным можно отметить, что по общей шкале волевой регуляции у психологов ИУ (36,8) в большей степени выражена сила воли, выдержка, решительность, гибкость в переключении с одного дела на другое, когда как показатели у курсантов (31,6) свидетельствуют о том, что они только развивают в себе такие качества, присущие психологам ИУ, проявляя инициативность, самостоятельность, уверенность в процессе обучения.

По субшкале настойчивости можно сделать вывод, что психологи ИУ (24,6) более спокойные, уверенные в себе, устойчивые намерениях и реалистичные в своих взглядах. Полученный результат у курсантов (21,85) говорит о том, что у них тоже присутствует уверенность в себе, стремление доводить дело до конца, они трудолюбивые, но их отвлекают альтернативы и соблазны.

Результаты по субшкале саморегуляции указывает на более развитый у психологов ИУ уровень произвольного контроля эмоциональных реакций и состояний (19,4), чем у курсантов (16,5). В свою очередь курсанты не меньше, чем психологи, эмоционально устойчивы и хорошо владеющие собой в различных жизненных ситуациях.

По методике «Исследование волевой регуляции» для психологов ИУ характерны такие качества как настойчивость и самообладание, которые связаны с самоконтролем, выдержкой, пониманием эмоционального поведения, что говорит об их способности лучше курсантов контролировать свои эмоции и сдерживать спонтанные реакции. Курсантам в свою очередь недостаточно необходимых знаний, умений, навыков и опыта в различных жизненных ситуациях.

Результаты методики «Эмоциональная эмпатия» А. Мехрабиана и Н. Эпштейна показали, что уровень эмпатических тенденций у психологов ИУ выше (21,6), чем у курсантов (19,25). Показатели, полученные по данной методике, помогли выявить, что психологи ИУ в большей степени чутки в общении, способны к сопереживанию, что говорит об их социально-профессиональной компетенции. Низкие показатели эмпатии у курсантов свидетельствуют о том, что они проходят период адаптации и вливаются в коллектив, стремятся заявить о себе с «сильной» стороны, занять определенное место в коллективе, при этом присутствуют мотивы отрицательного порядка (утомление, тоска по дому, отсутствие комфорта).

Проанализировав показатели, которые мы получили по методике «Эмоциональный интеллект» Н. Холла можем говорить о том, что уровень эмоционального интеллекта у курсантов (43,2) и психологов ИУ (57,5) находится на среднем уровне, но у психологов ИУ показатели по эмоциональному интеллекту выше на 14,3, чем у курсантов. Таким образом, анализ данных показал значимые различия ($p \leq 0,01$) показателей по шкалам методики между курсантами и психологами ИУ.

Из проведенной методики Н. Холла следует, что эмоциональная осведомленность у курсантов (9,7) ниже, чем у психологов ИУ (12,6). Это связано с тем, что психологи ИУ лучше курсантов осведомлены и понимают свои эмоции. Также у психологов ИУ (9,4) лучше получается контролировать свои эмоции, чем у курсантов (7,3). Это объясняется тем, что у психологов ИУ в большей степени развиты такие качества как: эмоциональная отходчивость, эмоциональная

гибкость, в отличие от курсантов, которые пока только развивают в себе выдержку, самостоятельность и коммуникативные качества.

Психологи ИУ в большей степени настроены на мотивацию успеха (13,3), а не на негативную мотивацию избегания неудачи, чем курсанты (10,9). Сравнивая показатели, полученные по данной методике и тесту – опроснику А.А. Реана «Боязнь неудач и мотивация успехов» мы можем сделать вывод, что результаты совпали. В то время как психологи ИУ эмоционально устойчивее к трудным ситуациям, у курсантов ещё слабо выражены выдержка и упорство.

Результат, полученный в тесте – опроснике А. Мехрабиана и Н. Эпштейна, направленный на изучение эмпатических тенденций аналогичен показателям, полученным по методике Н. Холла. Чувство сопереживания более развито у психологов ИУ (9,7). Они в большей степени, чем курсанты (7,5) проявляют чуткость и отзывчивость в общении. Высокий уровень эмпатии у психологов ИУ говорит об их естественном профессиональном качестве, которое помогает сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, оказывать людям различного рода психологическую помощь в трудных ситуациях. Благодаря опыту, полученному в своей профессиональной деятельности, психологи ИУ могут эффективнее распознавать и воздействовать на эмоциональное состояние других людей (12,5), чем курсанты (7,8).

Таким образом, психологические особенности эмоционального интеллекта у психологов ИУ более развиты, чем у курсантов. Выявленный средний уровень эмоционального интеллекта говорит о том, что курсанты и психологи ИУ не всегда могут контролировать свои эмоции, сдерживать себя в общении, уметь вовремя успокоиться в сложной ситуации. Для того, чтобы повысить уровень эмоционального интеллекта им необходимо контролировать свои чувства и эмоции, тренировать волю, распознавать эмоциональное состояние других людей, а также развивать эмпатию.

Литература

1. Гарскова Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // Тезисы научн–практ. конф. Ананьевские чтения. СПб.: Изд–во СПб ун–та, 2001. С. 25.
2. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Ушакова, Д.В. Люсина. М., 2004, С. 7.

Особенности совладающего поведения в зависимости от способностей младшего школьника

Медведева М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Вуколова О.В.

Младший школьный возраст – это важный период в жизни человека. Это возраст интенсивного развития эмоциональной сферы, на основе которой развиваются все остальные функции, происходит интеллектуализация всех психических процессов, их осознание и произвольность (Дубровина И.В., 2012).

Именно в этот период жизни ребенок впервые сталкивается с новыми и пока не понятными для него ситуациями. Задача учителей, родителей, психологов познакомить детей с возможными способами выхода из стрессовых ситуаций, т.е. вооружить их методами целенаправленного воздействия, которые создадут фундамент стойкости и адаптивности в конкретной жизненной ситуации, через стратегии действия. На протяжении младшего школьного возраста, способы совладающего поведения становятся более устойчивыми, а поведение более целенаправленным. Следовательно, возрастает уровень осмысленности и конструктивности совладающего поведения (Кожевникова Е. Ю., 2001).

В младшем школьном возрасте ребенок помимо учебы много времени посвящает творческой деятельности: занятиям музыкой, рисование, спорту и т.п. Родители стремятся развить в ребенке его способности во время посещения ими

кружков, секций и дополнительных занятий. В связи с этим представляется возможным в будущем создать такую тренинговую программу, которая позволит нам обучать детей стратегиям совладающего поведения основанных на их способностях.

Целью нашего нынешнего экспериментального исследования было выявить взаимосвязь стратегий совладающего поведения со способностями детей младшего школьного возраста.

В исследовании принимали участие 26 учащихся 2«А» класса ГБОУ № 51 г. Москвы. Из них 13 девочек и 13 мальчиков. Возраст испытуемых от 8 до 10 лет.

В ходе исследования были использованы следующие методики: методика «Моя школа» (контент – анализ по рассказам детей), «Анкета способностей вашего ребёнка» разработчики де Хаан и Коф (экспертная оценка); методика «Определение способов преодоления детьми эмоционального дискомфорта».

Опираясь на классификацию специальных способностей В.Д. Шадрикова, по результатам методики «Анкеты способностей вашего ребенка» все учащиеся класса были разделены на 2 группы:

1. Учащиеся, у которых преобладают учебные способности
2. Учащиеся, у которых преобладают творческие способности

Таким образом, творческие способности продемонстрировали 12 человек (46%) и учебные способности – 14 человек (54%).

В дальнейшем проводился сравнительный анализ двух групп детей, у которых преобладают творческие способности и учебные способности.

1. Полученные результаты по методике «Определение способов преодоления детьми эмоционального дискомфорта» свидетельствуют о том, что дети с преобладающими творческими способностями чаще просят помощи у взрослых. Ребенок сам еще не способен обдумывать различные ситуации, поэтому пытается отреагировать напряжение без всяких слов, через прямой телесный контакт (Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 1990).

Либо используется общение с другими людьми: «говорю с кем-нибудь», «прошу помощи у других» (Фоминова А.Н., 2003).

2. Дети с преобладающими учебными способностями, как в школе, так и вне школы чаще всего используют стратегию, связанную с двигательной активностью (Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 1990). Дети пытаются сменить сложную ситуацию на привычное действие: прогулка, бег, прослушивание музыки (Фоминова А.Н., 2003).

На основе бесед с детьми (Методика «Моя школа»), был проведен контент и получены следующие результаты:

1. Дети, с наиболее высоким уровнем развития творческих способностей, чаще используют стратегию, связанную с созданием аффективных образов, т.е. ребенок включается в деятельность, одобряемую взрослыми в младшем школьном возрасте (Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 1990). Это может быть взаимодействие ребенка с различными продуктами творчества (рисование, пение, танцы) (Нартова-Бочавер С.К., 2007; Фоминова А.Н., 2003).

2. Показатели детей, которым присуще учебные способности указывают на то, что они используют стратегию пассивной разрядки и самовнушения. Для нынешних детей самый элементарный способ отвлечься от различных проблем это просмотр телевизора (Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 1990). Персонажи фильмов являются моделями, на которых дети стараются быть похожими или не похожими. В процессе просмотра телевизора ребенок может научиться сопереживанию, пережив при этом свои собственные трудные ситуации (Нартова-Бочавер С.К., 2007).

Результаты по данной методике резко отличаются от методики «Определение способов преодоления детьми эмоционального дискомфорта». Это может быть вызвано тем, что:

1. При делении выборки на две подгруппы использовалось мнение всего одного эксперта (классного руководителя), что, конечно, не достаточно для получения достоверного результата.

2. Малое количество детей, участвующих в исследовании.

Таким образом, гипотеза о выборе стратегий совладающего поведения в зависимости от способностей детей в данном исследовании не подтвердилась, но вопрос о зависимости остается открытым.

В дальнейшем исследовании мы предполагаем, увеличить выборку и увеличить количество экспертов для получения более объективной информации.

Литература

1. Дубровина И.В. и др. Психология. М.: Издательский центр «Академия», 2012.
2. Кожевникова Е.Ю. О ресурсах совладающего поведения // Человек. Сообщество. Управление: научно-информационный журнал. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001. №2. С.107-117.
3. Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Эмоциональные нарушения в детском возрасте. М.: Изд-во МГУ, 1990. 197 с.
4. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 2007. Т. 18. № 5. С.20-30.
5. Фомина А.Н. Проблема саморегуляции эмоционального состояния ребенка в учебном процессе / Диагностическая программа по изучению эмоционального состояния и особенностей индивидуальной саморегуляции учащихся младших классов. М., 2003.

Психологические аспекты деятельности следователя, работающего с несовершеннолетними

Минаева Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Следственная работа с участием несовершеннолетних имеет два основных аспекта: получение максимально полной и достоверной информации, имеющей

значение для расследования уголовного дела, и соблюдение законных интересов ребенка, сохранение его психологического благополучия. Для решения обеих задач следователь должен обладать достаточными психологическими компетенциями. Сегодня появились новые юридические нормы, регламентирующие проведение допроса несовершеннолетних, предписывающие участие в допросе психолога. Вместе с тем психологические аспекты работы следователя с несовершеннолетними и взаимодействие с психологом при производстве следственных действий разработаны недостаточно.

Вопрос участия психолога в следственных действиях поднимался и ранее в отечественной юридической психологии. В.Л. Васильев (2009) предлагал его участие как специалиста, обладающего специальными познаниями в психологии, или в качестве консультанта, таким образом, предлагая использовать психологические знания для решения задач раскрытия и расследования преступлений. М.М. Коченов (1987) в своих методических пособиях предлагает следователям для полного и всестороннего расследования использовать психологические характеристики обвиняемого, а также рассматривает возможное участие психолога в качестве специалиста.

Сегодня психология расширяет свои границы и оказывает всё более существенное влияние на процесс предварительного следствия, позволяя более детально установить обстоятельства, совершенного противоправного деяния, минимизировать негативное воздействие на детей и подростков, выявить другие значимые обстоятельства, в том числе способствовавшие совершению преступления.

Для выяснения особенностей психологической составляющей в работе следователей с детьми было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие сотрудники различных регионов Следственного комитета Российской Федерации, деятельность которых непосредственно связана с расследованием уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних, независимо от наличия такой специализации в их подразделении.

В первой части исследования, проведенной методом анкетирования, приняли участие 100 человек, из них 81% мужчин и 19 % женщин в возрасте от 22 лет до 51 года (средний возраст – $28,7 \pm 5,5$ года). По возрастному признаку 72% опрошенных следователей – молодые люди в возрасте до 30 лет, 89% – до 35 лет.

Во второй части исследования было проведено четыре интервью с сотрудниками Главного следственного управления г. Москвы Следственного комитета Российской Федерации. Респондентами стали два следователя-женщины, специализирующиеся на работе с несовершеннолетними, следователь-мужчина без такой специализации и руководитель структурного подразделения, осуществляющая непосредственное руководство и процессуальный контроль.

На основе проведенного исследования получены результаты, позволяющие сделать вывод, что деятельность следователя с детьми и подростками, требует обязательной специализации и дополнительной профессиональной подготовки в области возрастной психологии, а также разработки, актуализации и внедрения методик проведения опроса и допроса несовершеннолетних с учетом необходимости ограничения во времени допроса и обязательного участия психолога при производстве некоторых следственных действий. Показатель «необходимости специализации» возрастает в тех регионах, где распределяется нагрузка по делам в общем порядке.

Структура следственных действий, проводимых с несовершеннолетними, делится на два блока, в первый входят допросы (опросы) несовершеннолетних, во второй – опознание и очная ставка. Основная часть работы приходится на первый структурный блок, связанный с получением информации путем допроса (опроса). Среди опроса и допроса несовершеннолетних чаще всего следователи выделяют сложность работы с малолетними потерпевшими от сексуального насилия.

Основной трудностью во всех возрастных группах для следователей является коммуникация с несовершеннолетними, причем установление контакта тем сложнее, чем младше ребенок. Структурно наибольшую сложность и особую специфику представляет собой работа следователя с дошкольниками, качественным своеобразием и структурной близостью отличается взаимодействие

с детьми младшего школьного возраста (8-10 лет) и младшими подростками (12-14 лет). Общение со старшими подростками и юношами (15-17 лет) представляет собой самостоятельную структурно-содержательную категорию.

Работа с детьми и подростками следователями строится на основе личного опыта и самостоятельно приобретенных знаний в области психологии детей и подростков. Большая часть следователей готова пройти дополнительную подготовку.

Допрос несовершеннолетнего должен преследовать две цели: заботы об эмоциональном благополучии ребенка и получение полной и достаточной информации по делу. Этим целям в полной мере должно соответствовать обязательное участие психолога в допросах малолетних. Компетенцию психологов, участвующих в следственных действиях, круг их задач и функций большинство следователей описывают относительно узко, но признают достаточными и не требующими расширения. Функции психолога при проведении следственных действий воспринимаются ими как необходимые, однако возможность наделяния психолога самостоятельным процессуальным статусом рассматривается преимущественно как угроза собственному статусу. При этом следователи склонны критически оценивать профессиональную компетентность работающих с ними психологов при относительно высокой оценке собственной психологической компетентности.

Оптимизация следственных действий с участием несовершеннолетних требует совершенствования психологических аспектов работы следователей за счет введения специализации по такого рода делам, повышения квалификации следователей в соответствующих областях психологии, принятия мер по периодической профилактике их профессионального выгорания.

Исходя полученных результатов, представляется необходимым:

- в рамках закона определить статус психолога в уголовном процессе, где конкретизировать цели и задачи участия психолога, его права и обязанности;
- рекомендовать в обязательном порядке привлекать психолога к опросу малолетних на стадии доследственной проверки в целях получения более точной

и полной информации и минимизации повторного травмирования детей, подвергшихся сексуальному насилию, вести видеофиксацию;

– разработать и актуализировать существующие методические рекомендации и методики проведения допроса несовершеннолетних, выделяя отдельной категорией малолетних потерпевших, подвергшихся сексуальному насилию;

– разработать методологические основы образовательной программы повышения квалификации следователей, специализирующихся на работе с детьми и подростками, психологов, осуществляющих сопровождение следственных действий.

Литература

1. Васильев В.Л. Юридическая психология: Учебник для вузов 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с.: ил. (Серия «Учебник для вузов»). С. 378-407.
2. Васькэ Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml> (дата обращения: 28.03.2017).
4. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с делинквентным и криминальным поведением: автореферат дисс. ... докт. психол. наук. СПб: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2005. 48 с.
5. Дозорцева Е.Г., Жбанкова О.В., Гаврилова Т.В. Комплексная методика допроса несовершеннолетних (малолетних) потерпевших от преступлений сексуального характера. Москва, 2013. 132 с. (рукопись).
6. Кадничанская Э.Ф. Особенности тактики допроса несовершеннолетних // Вестник факультета юриспруденции и ювенальной юстиции. Щелково: Издательство Мархотин П.Ю. 2010. Вып. 4. С. 197-201.

7. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей: методическое пособие. Москва, 1984. 35 с.
8. Сафуанов Ф.С., Васкэ Е.В. Методологические принципы психологического взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними при допросе // Юридическая психология. 2011. № 2. С. 10-13.
9. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы».
10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ.
11. Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

Образ материнства в группах девушек, имеющих детей и не имеющих детей

Никитина А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Бовина И.Б.

Материнство является значимой сферой как для матери и ребенка, так и для общества. Одна из актуальных проблем – девиантное поведение матери. Как российские, так и зарубежные психологи предлагают ряд исследований этого феномена в ключе различных подходов (Г.Г. Филиппова, В.И. Брутман, А.Я. Варга, С.Н. Ениколопов, М.Ю. Колпакова, М.С. Радионова, И.Ю. Хамитова, С.Ю. Мещерякова, О.А. Копыл, Л.Л. Баз, И.В. Пузь, Г. Ричардс, М. Папворт, С. Корбет, Дж. Гуд). При определении факторов девиантного поведения, ученые выделяют онтогенетическое развитие матери (Филиппова, Г.Г., 2002). В процессе социальной коммуникации и опыта у женщины формируется образ, который определяет отношение к ребенку и обращение с ним.

Формирование образа подробно раскрывает теория социальных представлений (Московиси С., 1961). На основе данной теории, возможно

проанализировать материнство как объект социального мышления. Неоспоримо, что появление ребенка нарушает привычную жизнь матери, и для женщины является волнующим происходящее, начиная с момента беременности. Образ материнства формируется еще до появления своих детей, и помогает девушке адаптироваться к реальности – готовиться к рождению ребенка либо избегать материнской роли. Согласно теории, опыт взаимодействия с объектом (опыт материнства) – определяющий момент в изменении представления. В нашем исследовании, мы проследим трансформацию в структурах представлений девушек без опыта материнства и с опытом.

В науке определение не нормативного поведения вызывает множество дискуссий. В особенности, девиантное поведения матери, которое еще не является достаточно устойчивым. В течении исторических событий норма меняется. Только обратившись к опыту социума, посредством изучения представлений, возможно сформулировать наиболее полное определение отклоняющегося поведения матери на настоящий момент времени.

В результате исследования, мы предполагаем увидеть различия в образах материнства у девушек, не имеющих детей, и девушек, имеющих детей (матерей). Различия будут выражаться в преобладании функционального компонента группы девушек – матерей, а у девушек, не имеющих детей, в преобладании аффективного компонента. Сравнивая научное определение девиантного поведения матери с представлениями о не нормативном поведении матери исследуемых групп девушек, предположим их сходство.

В ходе теоретического исследования проблем материнства и девиантного поведения, выделяются следующие проявления девиантного материнства (Пузь И.В., 2013) – отказ матери от ребенка; жестокое обращение с ребенком; аборт; беременность и роды в раннем репродуктивном возрасте; сознательная отсрочка беременности и родов до позднего репродуктивного возраста. Названные варианты поведения будем считать составляющими определения девиантного материнства. Они же подлежат сравнению с представлениями групп девушек.

Для исследования был выбран метод опроса. В анкете представлены методика свободных ассоциаций (Galand C., Salès-Wuillemin E) и методика «незаконченные предложения». Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием анализа (по П. Вержесу), частотного и контент-анализа.

Выборку составили девушки, имеющие детей и не имеющие детей. Всего 44 человека в возрасте от 20 до 35 лет. Контрольную выборку составили 22 девушки (ср. знач. – 26 лет, ст. отклон. – 2,9). Экспериментальную группу составили девушки, имеющие одного или двоих детей (ср. знач. – 29 лет, ст. отклон. – 3,64). Исследование проводилось онлайн.

В результате обработки полученных данных методики свободных ассоциаций, сформированы две структуры представления о материнстве в каждой из групп. Ответы респондентов методики «незаконченные предложения» приведены в процентное соотношение по следующим категориям: А. Содержание понятия «материнство»; Б. Содержание понимания ДП матери; В. Идеальный возраст для материнства.

Структура представления о материнстве отражена в составляющих: зоне ядра и зоне периферии. Согласно Ж.-К. Абрику, элементы ядра задают организацию всего представления. Элементы периферической системы не столь устоявшиеся как ядро. Они представляют собой связь между ситуациями реальной жизни человека и коллективным опытом его группы. В зоне ядра представления о материнстве группы матерей, мы наблюдаем элементы – любовь и заботу. У девушек, не имеющих детей, явление материнства связано с ассоциациями - ответственность и забота. Ядро образа дополняется элементами на периферии. Здесь мы видим сходные элементы в обеих группах – «добро», «счастье», «дети». В структуре представления матерей появляется «ответственность», которая находится в корне представления девушек – не матерей. Аналогично, мы видим «любовь» в зоне периферии представления девушек, не имеющих детей. С точки зрения трансформации образа через опыт материнства, наблюдается наполнение эмоциональных элементов. Это и ощущения – «нежность», «привязанность», и переживания, тревожность.

Изменяется само ядро. Чувство любви переходит в ядро, а ответственность смещается к периферии.

Дополняя анализ структур представлений, обратимся к результатам методики «незаконченные предложения». Количество аффективных компонентов составляют большинство вариантов ответов в обеих группах. Девушки, имеющие детей, представили больше эмоционально окрашенных ответов по сравнению с девушками, не имеющими детей.

В содержании понятия ДМ с научной точки зрения это такое поведение матери, как отказ от ребенка; жестокое обращение с ребенком; аборт; беременность и роды в раннем репродуктивном возрасте; сознательная отсрочка беременности и родов до позднего репродуктивного возраста. По результатам нашего исследования, девушки выразили все виды ДП матери, кроме аборта. Обе группы девушек указали жестокое обращение (в большинстве ответов психологическое). Отказ от ребенка – только группа матерей. Ни один из респондентов не отметили в качестве идеального возраста – до 18 лет, что соответствует раннему репродуктивному возрасту в научном определении, а значит, не является нормой. Меньшинство девушек выразили идеальный возраст для материнства – «от 30 и старше». Если сравнивать между группами, то девушки, не имеющие детей, предложили в большем количестве данный вариант ответа. Ответы, вошедшие в категорию «любой возраст», также предложили обе группы (группа матерей в большей степени).

Таким образом, группа девушек, имеющих детей, представили большее количество аффективных компонентов с понятием материнство, по сравнению с группой девушек, не имеющих детей. Предположение по преобладанию функционального компонента в представлении о материнстве девушек, имеющих детей не подтверждается. Функциональные компоненты в представлениях о материнстве присутствуют в обеих группах и уступают по количеству аффективным. По сравнению с научным определением ДМ, в представлениях о материнстве девушек, включены все составляющие проявления отклоняющегося поведения, кроме аборта.

Литература

1. Пузь И.В. Проблемы современного материнства: психологический аспект [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. №2. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n2/62051.shtml> (дата обращения: 04.05.2016).
2. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учебное пособие. Москва: Издательство Института Психотерапии. 2002. С. 240.

Гендерные особенности переживания одиночества и безнадежности в подростковом возрасте

Самойлова А.А.

Башкирский государственный педагогический университет

имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Научный руководитель – Шиляева И.Ф.

Актуальность данной проблемы связана с тем, что переживание одиночества и безнадежности у подростков, в особенности у девушек, может вылиться в различные негативные психические состояния, которые могут отразиться на личности уже в следующие возрастные этапы. Трудно протекающий пубертат и такие явления, как дисморфия (неудовлетворенность своим внешним видом в связи с очень интенсивным развитием в период подросткового возраста), непропорциональный рост конечностей провоцирует эмоциональные перепады у подростков. Помимо этого, наблюдаются гормональные перепады и взрывы у подростка (Туревская Е.И., 2002). Субъективное переживание одиночества как необходимый признак становления самосознания важно рассматривать, учитывая пол подростка. В гендерной психологии выраженность потребности в уединении, познании своего уникального внутреннего мира мальчиками и девочками трактуется так же неоднозначно, как и в общей психологии (Гончарова Т.Н, Долобаева А.Е., 2012).

По результатам исследования В.В. Николаевой и З.К. Онайбаевой одиночество является фактором формирования суицидального поведения подростков (Николаева В.В., Онайбаева З.К., 2013).

Понятие одиночества связано с переживанием ситуаций, субъективно воспринимаемых как дефицит общения и положительных интимных отношений с окружающими людьми. Одинокие чувствуют себя психологически изолированными от остальных людей, неспособными к нормальному межличностному общению, к установлению с окружающими интимных межличностных отношений типа дружбы или любви. Одинокая личность – это депрессивная или подавленная личность, испытывающая дефицит умений и навыков общения (Немов Р.С., 2003).

Безнадежность выражается потерей перспективы, неверием в будущее, переживанием бесполезности усилий, ожиданием худшего. Все это и определило необходимость нашего исследования, целью которого является выявление гендерных особенностей переживания безнадежности и одиночества в подростковом возрасте.

В качестве гипотезы исследования нами выдвинуто предположение о том, что девочки-подростки более подвержены чувствам одиночества и безнадежности, нежели мальчики.

Для проверки гипотезы исследования были использованы такие методики, как «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела, разработанная в 1978 году и методика «Шкала безнадежности» А. Бека (Алимова М.А., 2014). Для выявления существенности различий был использован U-критерий Манна-Уитни (Нестерова И.Н., 2010).

Эмпирическую базу исследования составили 94 испытуемых, возраст которых составляет 15-16 лет, из них 47 девочек и 47 мальчиков.

По результатам методики Д. Рассела на выявление уровня субъективного ощущения одиночества было выявлено, что уровень одиночества у девочек находится на более высоком уровне, чем у мальчиков: у девочек низкий уровень составляет 62%, средний – 32%, высокий – 6%. У мальчиков низкий уровень

субъективного ощущения одиночества составляет 94%, средний – 4% и высокий составляет 2%.

Средний уровень характеризуется автором методики как адекватный, так как раскрывает особенности переживания субъективного ощущения одиночества как естественное нормальное состояние. Такие юноши и девочки могут лишь временами испытывать чувство одиночества из-за недостатка внимания со стороны ближнего социального окружения.

По результатам методики «Шкала безнадежности» А. Бека было выявлено, что девочек с тяжелой степенью безнадежности очень мало (2 %), у мальчиков и вовсе отсутствует данный показатель. Не выявлено безнадежности у 72% девочек и у 86% мальчиков. Легкий уровень безнадежности определен у 16% девочек и 12% мальчиков. Средний уровень безнадежности выявлен у 10% девочек и у 2% мальчиков.

Для проверки гипотезы о наличии гендерных различий в переживании одиночества и безнадежности нами был использован U- критерий Манна-Уитни. Полученный результат показал, что, действительно, в переживании одиночества наблюдаются значимые различия: девочки в большей степени склонны к переживанию одиночества (U-критическое значение критерия = 886, U-эмпир. = 774). Девочки более эмоциональны, экспрессивны и поэтому нуждаются в потребности к установлению более доверительных и тесных взаимоотношений, чем мальчики.

Статистический анализ результатов по шкале безнадежности показал незначимость различий (U-критическое значение критерия = 886, Uэмпир. = 889). Т.е. в данном случае значимых гендерных различий в проявлении безнадежности не обнаружено.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично: гендерные различия обнаружены только по показателю одиночества. Проведенное нами эмпирическое исследование позволило выявить гендерные особенности субъективного одиночества. Полученные данные в ходе эмпирического исследования могут быть использованы педагогами-психологами

образовательных учреждений для организации психологического сопровождения подростков, а также при изучении психологических особенностей гендерных отличий.

Литература

1. Алимova М.А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/429003-Suicidalnoe-povedenie-podrostkov.html> (дата обращения: 28.04.2017).
2. Гончарова Т.Н., Долобаева А.Е. Исследование гендерных особенностей субъективного одиночества у старших подростков [Электронный ресурс] //Электронный научно-практический журнал «Психология, социология и педагогика». 2012. №6. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/06/800> (дата обращения: 28.04.2017).
3. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. 4-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. Кн. 1: Общие основы психологии. 613 с.
4. Нестерова И.Н. Математические методы обработки данных в психологии. Уфа.: Изд-во БГПУ, 2010. 131 с.
5. Николаева В.В., Онайбаева З.К. Причины подростковых самоубийств [Электронный ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. 2013. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-podrostkovyih-samoubiystv> (дата обращения: 28.04.2017).
6. Туревская Е.И. Возрастная психология. Тула: Издательский центр «Академия», 2002. 39 с.

Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в сети Интернет

Соколова М.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В последние годы особую значимость приобретает проблема аутоагрессивного поведения подростков и, в частности, подросткового суицида. При этом анализ случаев суицида подростков показывает, что в период, предшествовавший самоубийству многие подростки обращались к определенной информации в сети Интернет, которая способствовала принятию ими решения о совершении самоубийства. Этот факт поставил новые вопросы перед обществом и исследователями аутоагрессивного поведения. Актуальным становится вопрос о выявлении индивидуально-психологических особенностей тех подростков, которые имеют склонность к потреблению потенциально опасной информации в сети Интернет. Нами были выдвинуты две гипотезы, о связи потребления подростками информации такого рода и аутоагрессивных тенденций, а также определенных индивидуально-психологических особенностей, которые могут способствовать как выбору такой информации, так реализации склонности к аутоагрессии.

Проведенный анализ отечественных и зарубежных психологических литературных источников (Пузыревич Н.Л., 2012, McKenzie K.C., 2014) показал, что в настоящее время существует большое количество подходов к определению аутоагрессивного поведения и форм его проявления. Большинство авторов приходят к выводу о том, что возросшая популярность любых деструктивных способов времяпрепровождения стала развиваться активнее с распространением сети Интернет. Тем не менее, если экстремальные подростковые увлечения достаточно явны и для них уже разработан ряд профилактических программ, существует также неявный, но, как показала практика, вредоносный и опасный досуг-чтение и общение в деструктивных группах и сайтах сети Интернет.

Проведенное эмпирическое исследование было направлено на выявление, описание и анализ связей между склонностью к аутоагрессивному поведению, информацией, потребляемой подростками в сети Интернет и их индивидуально-психологическими особенностями. В исследовании приняли участие 62 подростка, кадеты КОУ «Кадетская школа-интернат» г. Ханты-Мансийск, в том числе 30 девочек и 32 мальчика. Возраст участников – 14-16 лет (средний возраст $15,0 \pm 1,0$ год).

Для проверки гипотезы о связи склонности к аутоагрессивному поведению у подростков с определенными видами информации, содержащейся в сети Интернет, была разработана анкета, направленная на выявление различных аспектов использования сети Интернет. Ее основной целью было определение характера информации, которую подросток потребляет в сети Интернет. Для этого в анкету были включены названия различных групп в социальной сети «ВКонтакте». В этом перечне были как информационные, музыкальные и развлекательные сайты, так и названия групп, которые предположительно можно было отнести к деструктивным. Для подтверждения характера этих групп как деструктивных был проведен специальный выборочный анализ их содержания на основе критериев, содержащихся в ФЗ Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и описывающих информацию, которая должна быть ограничена для доступа несовершеннолетних.

Для выявления склонности к аутоагрессивному поведению использовались следующие методики:

Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел. С помощью данной методики выявлялась предрасположенность подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения, одной из форм которого является аутодеструктивное поведение.

Массачусетский скрининговый инструмент для подростков (MAYSI-2), содержащий шкалу «Суицидальные мысли», разработан в США в 2000 г. и переведен в России Е.Г. Дозорцевой (2012).

Опросник суицидального риска Т.Н. Разуваевой.

Индивидуально-психологические особенности подростков выявлялись с помощью Индивидуально-типологического детского опросника (ИТДО) Л.Н. Собчик.

На основе полученных с помощью анкеты данных подростки были разделены на две группы: редко или никогда не посещающих группы с деструктивным контентом (в дальнейшем – «не посещающих») и часто посещающих (в дальнейшем – «посещающих»). К первой категории («не посещающие») были отнесены 36 подростков, ко второй («посещающие») – 26 подростков.

С помощью методов непараметрической статистики устанавливались взаимосвязи между показателями склонности к аутодеструктивному поведению в использованных нами методиках (СОП, MAISY-2, опросник суицидального риска) и частотой посещения подростками деструктивных групп. На втором этапе исследования выявлялись индивидуально-психологические особенности подростков, посещающих сайты с деструктивной информацией.

Полученные результаты подтвердили выдвинутые гипотезы. Статистически значимые связи были обнаружены для всех исследуемых параметров. Это позволило сделать вывод о том, что для подростков, потребляющих деструктивную информацию в сети Интернет, свойственна повышенная склонность к аутоагрессивному поведению. Они характеризуются такими индивидуально-психологическими особенностями, как агрессивность и тревожность.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке профилактических программ, направленных на коррекцию аутодеструктивного поведения подростков.

Литература

1. Дозорцева Е.Г. Проблемы психического здоровья у подростков-правонарушителей: возможности скрининга // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов

участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2012. 290 с.

2. Пузыревич Н.Л. Социальные представления о рискованном поведении у современных подростков: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Минск: Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, 2012. 27 с.
3. ФЗ Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».
4. McKenzie K.C., Gross J.J. Non suicidal Self-Injury: an emotion regulation perspective // *Psychopathology*. Vol. 47. №4. 2014. Pp. 207-219.

Связь особенностей привязанности к родителям и «я – концепция» у несовершеннолетних с отклоняющимся поведением

Сочнева В.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дегтярёв А.В.

Подростковый возраст охватывает период с 12-13 до 18 лет. Однако хронологические границы подросткового возраста точно не определены. Данный период является переходным, переломным, это возраст полового созревания, возраст, в котором происходят глубокие изменения в развитии личности ребенка. Новообразованиями личности являются самосознание и чувство взрослости (Выготский Л.С., 1984; Эльконин Д.Б., 1997).

Отклоняющимся называется устойчивое поведение личности, отклоняющееся от значимых в обществе социальных норм, которое причиняет реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождается ее социальной дезадаптацией. Выделяют три группы видов отклоняющегося поведения: антисоциальное (делинквентное), асоциальное (аморальное) и аутодеструктивное (саморазрушительное) поведение (Змановская Е.В., 2004).

«Я-концепция» – это динамическая совокупность всех представлений о себе, установок, направленных на себя, сопряженных с их оценкой, а также связанных с ними переживаний, которая включает три структурных компонента: когнитивный компонент (образ-Я), оценочный компонент (самооценка) и поведенческий компонент (поведенческая реакция). Именно подростковый возраст является сензитивным для развития «Я-концепции», т.к. основным регулятором поведения и деятельности в данном возрасте является самооценка (Бернс Р., 1986).

Привязанность определяется как устойчивая психологическая форма эмоциональной связи между младенцем и значимым взрослым, основанная на удовлетворении матерью потребностей ребенка в безопасности и любви. Сензитивным периодом для образования привязанности у ребенка является период с трех до шести месяцев. После ее образования она остаётся особенно уязвимой в течение нескольких лет после первого года жизни (Боулби Дж., 2003).

Целью исследования является выявление связей между особенностями привязанности к родителям и «Я-концепцией» у несовершеннолетних.

Объект исследования: Привязанность к родителям у несовершеннолетних с отклоняющимся поведением.

Предмет исследования: Связь особенностей психологической привязанности к родителям и «Я-концепцией» у несовершеннолетних с отклоняющимся поведением.

Гипотезы исследования:

1. Существует связь между типом привязанности к родителям и особенностями Я-концепции у несовершеннолетних.

2. Несовершеннолетние с надежным типом привязанности к родителям имеют более высокий уровень самоотношения и самооценки, чем несовершеннолетние с тревожно-амбивалентным и избегающим типом привязанностью к родителям.

3. Большая часть несовершеннолетних со склонностью к отклоняющемуся поведению имеют ненадежную привязанность к родителям, а также более низкий

уровень самооотношения и самооценки, чем несовершеннолетние без склонности к отклоняющемуся поведению.

В исследовании были использованы следующие методики: Личностный опросник «Изучение особенностей Я-концепции» (Е. Пирс, Д. Харрис) в мод. А.М. Прихожан, Методика измерения самооценки по Дембо-Рубинштейн в мод. А.М. Прихожан, «Опросник на определение типа привязанности к родителям в подростковом возрасте» (М.В. Яремчук), «Опросник ASQ» на определение качества безопасной привязанности у подростков (Feeney, J.A. Attachment Style Questionnaire (валидизация – Уланов М.А.)), «Опросник СОП» на Определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел), в качестве дополнительной методики – авторская анкета «Представления о семье» для подростков.

Базы исследования: ОЧУ «Пироговская школа» г. Москвы; МБОУ СОШ № 28 г. Мытищи; ГБОУ Школа № 629 г. Москвы.

Выборка: учащиеся 6–8-х классов Пироговской школы (28 девочек и 21 мальчик); учащиеся 7–8-х классов МБОУ СОШ № 28 г. Мытищи (6 девочек и 6 мальчиков); учащиеся 6–8-х классов ГБОУ Школа № 629 г. Москвы (3 девочки и 9 мальчиков). Общая выборка – 73 человека в возрасте от 12 до 15 лет.

Для статистической обработки данных в исследовании был использован программный пакет SPSS ver.22.0. Для определения значимости различий между группами был применен U Критерий Манна-Уитни. Корреляционный анализ проводился с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена.

На основе результатов исследования можно сделать следующие выводы:

1. Установлена связь между типом привязанности подростков к родителям и их самооотношением.

- 1.1. Подростки с надежным типом привязанности к каждому из родителей или надежным к обоим родителям имеют самый высокий результат по общему уровню самооотношения и самый высокий уровень самооценки по изучаемым группам.

1.2. Подростки с надежным типом привязанности к матери характеризуются более высоким уровнем самоотношения, особенно в сравнении с подростками с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери. Данная связь с привязанностью к матери выявлена как для общей выборки подростков, так и для подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению. В группе нормы данная связь не выявлена.

1.3. У всей выборки подростков с надежным типом привязанности к отцу наблюдается более высокий уровень самоотношения, особенно в сравнении с подростками с тревожно-амбивалентным типом привязанности к отцу.

1.4. Подростки со склонностью к отклоняющемуся поведению с надежной привязанностью к отцу характеризуются самым высоким уровнем самооценки, особенно в сравнении с подростками с тревожно-амбивалентным типом привязанности к отцу.

1.5. При наличии надежной привязанности хотя бы к матери при ненадежной к отцу, у подростков наблюдается более высокий уровень самооценки и самоотношения по сравнению с подростками с ненадежной привязанностью к обоим родителям. Данная связь выявлена как для общей выборки подростков, так и для подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению. В группе нормы данная связь не выявлена.

1.6. При наличии надежной привязанности к обоим родителям, у подростков наблюдается самый высокий уровень самоотношения и самооценки по сравнению с подростками с ненадежной привязанностью к обоим родителям. Данная связь выявлена как для общей выборки подростков, так и для подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению. В группе нормы данная связь не выявлена.

2. У подростков с надежной привязанностью к матери и к отцу самый высокий уровень самооценки, а самый низкий уровень самооценки у подростков с тревожно-амбивалентной привязанностью к матери и к отцу.

3. В случае несовпадения типов привязанности к матери и отцу, определяющим для уровня самоотношения и самооценки является тип

привязанности к матери. Данная связь выявлена как для общей выборки подростков, так и для подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению. В группе нормы данная связь не выявлена.

4. Большинство испытуемых подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению имеют надежную привязанность к матери и к отцу. Значимых различий между группами подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению и без склонности к отклоняющемуся поведению по уровням самоотношения и самооценки выявлено не было.

Таким образом, были подтверждены только первые две гипотезы, третья гипотеза не подтвердилась.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: «Прогресс», 1986. 421 с.
2. Боулби Джон. Привязанность / Общ. ред. и вступ. статья Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 480 с.
3. Выготский Л.С. Собр. Соч.: В 6т. Т. 4: Детская психология / Под. ред. Д.Б. Эльконина, 1984. 433 с.
4. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. Пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр Академия, 2004. 288 с.
5. Эльконин Д.Б. Некоторые аспекты психического развития в подростковом возрасте // Психология подростка: хрестоматия / сост. Ю.И. Фролов. М.: Российское педагогическое агентство, 1997. С. 313-320.

Черты асоциальной личности у несовершеннолетних правонарушителей

Старикова В.О., Ошевский Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

На данный момент в России, проблема преступного поведения среди несовершеннолетних, является одной из наиболее острых. По статистике, представленной на сайте МВД, за последние 5 лет уровень преступности среди несовершеннолетних остается на высоком уровне.

Отечественные и зарубежные исследования показывают, что одним из факторов риска противоправного поведения, является наличие у несовершеннолетних различных аномалий личности. Помимо различных психопатий и акцентуаций, ряд исследований выявляет заострение определенных черт характера, таких как асоциальная направленность личности, лживость, импульсивность, агрессивность, рискованность, безответственность, отсутствие чувства вины. При их совокупности можно говорить о дисгармоническом развитии личности, которое часто приводит к социальной дезадаптации.

Исследования индивидуально-психологических факторов риска противоправного поведения, также показывают взаимосвязь определенных личностных черт и девиантного поведения. И данные черты, как фактор риска отклоняющегося поведения, во многом совпадают с чертами, описанными отечественными и зарубежными исследователями в контексте проблемы аномалий личности.

В данном исследовании внимание уделяется чертам асоциальной личности, выделенным в «Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам» (далее DSM-V), разделе, посвященном антисоциальному расстройству личности. Стоит отметить, что данные черты, рассматриваются в социальном контексте, а не со стороны клинического подхода.

По DSM-V, антисоциальное расстройство личности, характеризуется следующими чертами: неспособность соответствовать социальным нормам;

лицемерие; импульсивность; агрессивность; рискованность; безответственность; отсутствие сожалений.

Мы предположили, что у несовершеннолетних правонарушителей, данные черты, имеют более выраженный характер по сравнению с подростками с условно нормативным поведением.

В исследовании приняли участие 45 несовершеннолетних. Основную группу составили 28 несовершеннолетних, осужденных, отбывающие наказание в воспитательной колонии ФКУ Алексинская ВК УФСИН России по Тульской области. Средний возраст испытуемых $17,1 \pm 0,45$. Группу сравнения составили 17 подростков, учащиеся Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Финансового колледжа №35. Средний возраст испытуемых $16,6 \pm 0,71$.

На первом этапе сравнению подверглась группа несовершеннолетних правонарушителей и группа подростков с условно нормативным поведением. На данном этапе сравнивались средние показатели по результатам методик, при этом каждой из черт асоциальной личности соответствовали определённые методики или соответствующие шкалы из методик.

Так, неспособность соответствовать социальным нормам исследовалась с помощью Опросника «Склонность к отклоняющемуся поведению», Орел А.Н.

Для выявления склонности к лицемерию, Шкала «Макевиализм», Кристи Р., Гейс Ф. и шкала «Ложь» из Индивидуально-типологического опросника (детский вариант – «ИТДО»), Собчик Л.Н.

Склонность к импульсивности проверялась Опросником «Стиль саморегуляции поведения», Моросанова В.И., Опросником «СОП» (шкала – волевого контроля эмоциональных реакций) и «ИТДО» (шкала – лабильность).

Склонность к агрессии измерялись с помощью Опросника «СОП» (шкала – склонность к агрессии и насилию) и «ИТДО» (шкала – агрессивность).

Использование Теста «Готовность к риску», Шмелев А.Г. и Опросника «СОП» (шкала – склонность к аддиктивному поведению; шкала – склонность к

самоповреждающему и саморазрушающему поведению), позволили выявить склонность к рискованному поведению.

Для оценки безответственности, применялась Методика «Ответственность как системное качество личности», Прядеин В.П. и «УСК» (уровень субъективного контроля), Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд Л. М.

Отсутствие сожалений выявлялось Методикой «Измерение чувства вины и стыда», Тангней Дж. П. и при помощи «ИТДО» (шкала «Сензитивность»).

На втором этапе группы составили только правонарушители. Сравнивались группа несовершеннолетних осужденных с одной судимостью и группа осужденных с двумя и более судимостями.

На третьем этапе выборку также составили только осужденные. Сравнивалась группа, совершивших правонарушение в одиночку и группа, совершивших правонарушение в группе.

По результатам исследования, выявились значимые различия между группой несовершеннолетних правонарушителей и группой подростков с нормативным поведением, по таким чертам асоциальной личности, как неспособность соответствовать социальным нормам, импульсивность (частично), агрессивность, рискованность и отсутствие сожалений.

Осужденные подростки показали более высокие показатели склонности к отклоняющемуся поведению, при этом был выявлен повышенный уровень склонности к аддиктивному и самоповреждающему поведению, что говорит о готовности данной группы к проявлению различных форм аутоагрессивного поведения, таких как различные зависимости.

Такая черта как импульсивность и неспособность планировать заранее, заострена частично, присутствует высокий уровень эмоциональной нестабильности, недостаточный самоконтроль чувственных влечений и эмоциональных реакций, но при этом показатели регуляции деятельности не отличаются от показателей подростков с нормативным поведением, что может быть связано со спецификой места их пребывания, где внутренняя регуляция поведения заменяется внешней.

Несовершеннолетние осужденные показали высокий уровень внутреннего раздражения, гнева, агрессии и аутоагрессии, при этом уровень поведенческой агрессии находится на том же уровне, что и у группы с нормативным поведением. Мы предполагаем, что данный факт также может быть связан со специфическими условиями содержания, где нет возможности проявлять физическую агрессию.

Осужденные подростки показали наличие тенденций к рискованному поведению, чаще по отношению к себе, проявляющееся в склонности к зависимому и самоповреждающему поведению, и занижении ценности собственной жизни.

Также у данной группы были выявлены тенденции к меньшему эмоциональному дискомфорту при нарушении собственных интернализованных нравственных норм, а также тенденции к позитивной оценке свои действий по отношению к другим и своему поведению, что говорит о заостренности такой черты как отсутствие сожалений.

Результаты второго этапа исследования, где выборку составили только осужденные, показали, что подростки с одной судимостью более склонны к риску. Более ответственные, в делах, касающихся их собственного благополучия и склонны считать все свои достижения и успехи, личной заслугой. Несовершеннолетние правонарушители с двумя и более судимостями, имеют тенденцию к проявлениям социальной желательности.

По результатам третьего этапа несовершеннолетние правонарушители, совершившие преступления в одиночку в сравнении с теми, кто совершил деликт в группе, более склонны к нарушению социальных норм, к зависимому и аутоагрессивному поведению. Также, данный контингент склонен к агрессивному поведению и низкому самоконтролю эмоциональных и поведенческих реакций. Подростки, совершившие деликт в группе, обладают эмоциональной неустойчивостью, склонны ставить общественные интересы выше личных, а также склонны к нерешительности.

Полученные результаты говорят о наличии у осужденных подростков комплекса заострённых черт, присущих асоциальной личности. Каждая из них в

отдельности уже является фактором риска противоправного поведения. Их совокупность и выраженность может являться причиной дезадаптации и служить фактором риска повторных правонарушений, что говорит о необходимости коррекционных мер, которые смогут уменьшить данный риск.

Комплексный подход в исследовании черт асоциальной личности у несовершеннолетних правонарушителей, помогает выявить четкие мишени коррекции для дальнейшей работы с данной группой.

Идентификация с компьютерным персонажем мальчиков-подростков из неполных семей

Степанова М.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Актуальность изучения идентификации с компьютерным персонажем подростков из неполных семей обусловлена тем, что с каждым годом все большее количество детей остаются на попечении одного родителя. Все изменения внутри семьи, сопровождающие развод, влекут за собой и перемены во внутреннем мире самого ребенка, потому важно понять, как ребенок восполняет отсутствие отца. Понимание особенностей и потребностей, характерных для изучаемой категории, поможет создать некий ресурс, направленный именно на помощь детям и подросткам.

Целью работы является выявление особенностей идентификации с компьютерным персонажем у мальчиков-подростков из неполных семей.

Гипотеза: Подростки из неполных семей выбирают компьютерных персонажей схожих со своими представлениями об отце.

Для исследования было набрано 45 мальчиков из общеобразовательных школ №2000 и №158, где 23 воспитываются в неполной семье, а 22 в полной семье. В данной выборке представлены подростки в возрасте 11-12 лет.

Для проведения эмпирического исследования был использован следующий диагностический материал: анкета для сбора общих сведений; методика «Поведение родителей и отношение подростков к ним»; мини-сочинение о любимом компьютерном персонаже и его рисунок.

На основании проведенного эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

Подростки из неполных семей в силу дефицита образа маскулинности и отсутствия реальной модели отношений между мужчиной и женщиной, могут испытывать трудности освоения поло-ролевого поведения. От отношений подростка к родителям будет зависеть и формирование его отношений к другим людям, и модели поведения в межличностных отношениях. Уход одного из родителей создает определенный личностный фон, включающий определённые чувства и переживания, отражающиеся в отношениях к родителям и к себе, этот личностный фон оказывает влияние на формирование характера, на ценностно-смысловую систему, на выработку моделей поведения, способствующих или препятствующих эффективному взаимодействию с другими людьми. Подросткам из неполных семей свойственно испытывать чувство отличия от сверстников, заниженную самооценку с потребностью в её повышении, неадекватную требовательность к матери и активный поиск так называемого «значимого взрослого».

Специфика популярного у подростков игрового контента заключается в том, что игра происходит с реальными людьми «здесь и сейчас», возможность примерить иную идентичность, как правило, близкую к идеальному образу себя, а также реалистичные спецэффекты, ощущение свободы и наличие обратной связи стирают грань между реальным и виртуальным миром. Возможность трансформировать персонажа и многие модули в игре создает впечатление причастности к созданию игровой реальности. Значимым компонентом является возможность повышать свой статус, игровой уровень, что формирует иллюзию личностной реализации, создает условия достижения успеха, который может быть недоступен в реальной жизни субъекта. Специфичность сленга обеспечивает

недоступность понимания смысла разговора другими людьми, что создает определенную субкультуру.

Подростки из неполных семей больше обращают внимание на роль персонажа в игре и выражают желание быть на них похожими, т.е. они создают некоего идеала, к которому стремятся. Подростки из полных семей такой потребности не испытывают и создают персонажей похожих на себя, но с акцентом на физических способностях и внешнем виде, а примером для подражания для них являются другие более значимые фигуры, чем компьютерные персонажи, которой в полных семьях традиционно выступает отец.

В заключении важно сказать о том, что нами был взят младший подростковый возраст, где мальчик уже подросток, но он еще следует правилам, пусть и принимая их за собственное решение. Предполагается дальнейшее исследование продолжить со старшими подростками.

Литература

1. Иванов М.С., Авилов Г.М. Рольевая компьютерная игра как особый вид деятельности // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 41-55.
2. Кабанов К.В. Лебедев И.В. Особенности идентичности подростков в зависимости от наличия видеоигровой аддикции // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых ученых: сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции. Калуга, 2016. С. 222-229.
3. Светлакова В.П. Мезенцева Н.И. Гендерные особенности отношения подростков из неполной семьи к себе и родителям // Сборник статей молодых исследователей. Москва: Перо, 2014. С. 143–149.
4. Старостина Л.Д. Роль отца в психическом развитии ребенка // Вестник ЯГУ. 2008. №3. С. 74-80.

**Эмоциональный фон и показатели эмоциональных нарушений в
межличностных отношениях дома у детей младшего школьного возраста,
переживших развод родителей**

Чернов В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Ремеева А.Ф.

Происходящие в обществе социальные и экономические изменения обуславливают перемены в различных институтах общества, и, в первую очередь, в институтах, связанных с воспитанием детей.

Сильные изменения происходят в институте семьи. На протяжении всего развития общества крепкая, дружная семья была основой и залогом уверенности, стабильности и благополучия. Но все чаще в семьях происходят кризисы, ведущие к ее мощному искажению или разрушению (Олифинович Н.И., 2005)

Сейчас распад семьи стал одной из острейших проблем социума. По данным, которые приводит Федеральная служба государственной статистики, в нашей стране распадается от 50% до 60% браков ежегодно. И в дальнейшем процесс выполнения семьей ее функций искажается, или вовсе прерывается. Под наибольшей угрозой оказываются следующие функции семьи: воспитательная, обучающая, коммуникативная, эмоциональная, духовно-психотерапевтическая, статусная, первичного социального контроля, социализации, защитная.

Таким образом, под угрозой оказываются функции, обуславливающие развитие и становление индивидуально-психологических особенностей детей, в том числе и младшего школьного возраста. (Анзорг Л.С., 2007)

Мы провели исследование эмоционального и психологического состояния детей младшего школьного возраста, переживших развод родителей, которое дает актуальное представление о серьезности степени тяжести проблемы и необходимости проведения дальнейших исследований в этой области и применения их результатов на практике.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей эмоционального фона и показателей эмоциональных нарушений в межличностных отношениях дома у детей младшего школьного возраста, переживших развод родителей, в сравнении со сверстниками из полных семей.

В качестве гипотезы исследования мы предположили, что развод родителей приводит к ухудшению устойчивого эмоционального фона у детей младшего школьного возраста и влечет за собой рост эмоциональных нарушений в межличностных отношениях дома.

В пилотном исследовании приняли участие 207 школьников 2-4 классов, из которых нами были отобраны 80. Отбор производился по данным, полученным от классных руководителей. В экспериментальную группу вошли дети 2-4 классов, не имеющие сиблингов, пережившие развод родителей и проживающие с матерями. После развода прошло от 1-го до 3-х лет, развод длился от полугода до полутора лет. Контрольную группу составили дети, проживающие в полных семьях и не имеющие сиблингов.

Также критериями «отсеивания» при отборе в обе группы было наличие близких родственников с аддикциями; наличие родственников с психиатрическими заболеваниями; подозрение или точная информация о жестоком обращении в семье; постоянные или регулярные конфликты между супругами или между родителями и ребенком; смерть кого-либо из значимых людей в течение последнего года.

В результате мы отобрали учеников начальных классов, из которых 40 пережили развод родителей и проживают с мамой и 40 живут в полных семьях.

В работе мы использовали следующие методики: проективный тест личностных отношений, социальных эмоций и ценностных ориентаций, «Домики» О.А. Ореховой, анкета - опросник для учителей.

Полученные нами результаты сравнения количественных показателей по различным позициям в разных группах детей показывают статистически значимые различия:

– у детей, переживших развод родителей, среднее значение показателя эмоционального фона ($M=23,6$) в 2 раза выше, чем у детей их полных семей. Коэффициент корреляции между групповой переменной и этим показателем равен 0,761;

– сравнение показателей проявления отрицательных эмоций в отношениях с семьей у детей из неполных семей и детей из полных семей обнаружило значительные отличия наблюдаемых и ожидаемых частот. При этом значение Хи-квадрат, равное 24,2, оказалось достаточным для отклонения гипотезы о независимости рассматриваемых переменных.

Проведенный теоретический обзор и экспериментальное исследование позволили сделать следующие выводы.

1. Дети, пережившие развод родителей, имеют значительно более низкие показатели устойчивого эмоционального фона, нежели их ровесники из полных семей. Это говорит о том, что устойчивому эмоциональному фону детей из неполных семей свойственны, в первую очередь, негативные эмоции.

2. Развод родителей способствует многократному увеличению частоты проявления негативных эмоций у детей младшего школьного возраста в отношениях с членами семьи.

Результаты исследования позволили нам сформулировать рекомендации, для профилактики негативного влияния развода на эмоциональные особенности детей младшего школьного возраста.

В связи с тем, что в настоящее время школьные психологи не имеют юридического права работать с эмоциональными нарушениями детей, связанными с семейной ситуацией, зачастую единственным, и, по нашему мнению, самым эффективным способом оказания психологической помощи как ребенку, так и всей его семье является психологическое консультирование или психотерапия.

В большинстве случаев развод родителей воспринимается ребенком как потеря. Следовательно, в работе с ребенком важно показать, что уход одного из

родителей не является потерей. В ходе работы важно обратить внимание на следующие этапы:

1. Проработка негативных эмоций, которые испытывает ребенок (обида, отчаяние, злость, вина, гнев, страх).

2. Поиск способов удовлетворения фрустрированных потребностей с учетом изменившейся ситуации и поиск внутренних и внешних ресурсов.

При оказании психологической помощи ребенку, пережившему развод родителей, поддержка со стороны психолога может оказаться очень важной, так как в такой семейной ситуации у ребенка часто может возникать чувство одиночества, ребенок может чувствовать себя брошенным, неинтересным, скучным и т.п. (Кульчицкая Е.И., 2003).

Также для снижения возможной травматизации ребенка из-за развода родителей и снижения негативных последствий различного характера очень важно информировать родителей о необходимости поддерживать у ребенка уверенность в том, что его по-прежнему любят и мама, и папа. Несмотря на то, что папа/мама будет теперь жить отдельно, он/она все равно остается папой\мамой и не бросает ребенка, с повышенным вниманием относится к его эмоциональным проявлениям и переживаниям. Для этого важно, чтобы родители, несмотря на свои разногласия, совместно выстраивали свои отношения с ребенком (Фидгор Г., 2007).

В результате, мы можем сделать вывод о том, что развод родителей оказывает негативное влияние на эмоциональные особенности детей, мешает строить им межличностные отношения в семье, что в дальнейшем может привести к осложнениям в личной жизни. В свою очередь, у детей, живущих в полных семьях, возникает меньше проблем в построении отношений и стабильнее идет развитие.

Результаты проведенного исследования подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что развод приводит к ухудшению устойчивого эмоционального фона у детей младшего школьного возраста и влечет за собой рост эмоциональных нарушений в межличностных отношениях дома.

Литература

1. Анзорг Л.С. Дети и семейный конфликт. Москва: Просвещение, 2007. 490 с.
2. Кульчицкая Е.И. Воспитание чувств детей в семье. Санкт-Петербург: Пресс, 2003. 202 с.
3. Ребенок в карусели развода / С.К. Нартова-Бочавер, М.И. Несмеянова, Н.В. Малярова, Е.А. Мухортова. Москва: Аронс, 2001.
4. Олифинович Н.И. Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь / Н.И. Олифинович, Т.А. Зинкеевич-Кузёмкина, Т.Ф. Валента. Москва – Обнинск: Исследовательская группа «Социальные науки», 2005. 355 с.
5. Фигдор Г. Беды развода и пути их преодоления. В помощь родителям и консультантам по вопросам воспитания. Москва: Наука, 2007. 372 с.

Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением

Шарипова О.В.

Академия права и управления ФСИН России (г. Рязань)

Научный руководитель – Николаева Е.Г.

В современном обществе проблема изучения ценностных ориентаций человека является актуальным вопросом для активного рассмотрения, так как имеет важнейшее значение в формировании личности. В психологической и педагогической литературе все чаще ставится вопрос об изучении ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением.

Подростковый возраст – это возраст интенсивного формирования мировоззрения, системы оценочных суждений. Личность подростка становится носителем нравственных ценностей, существующих в культуре на определенном этапе развития общества (Эльконин Д.Б., 1947). Это важный период развития

личности подростка, в котором происходит формирование его ценностных ориентаций.

«Ценность – это ведущий мотив – цель возвышается до истинно человеческого и не обособливает человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом... такие жизненные мотивы способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл жизни» (Леонтьев А.Н., 1953).

Б.В. Зейгарник и Б.С. Братусь считают, что ценности играют ведущую роль в формировании личности. Ценность закрепляет единство и самоощущение личности, определяет главные характеристики личности, ее стержень, мораль нравственность (Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., 1980).

В качестве одной из основных составляющих личности выделяют мотивационно-потребностную сферу. Теория деятельности, разработанная А.Н. Леонтьевым, включая в себя учение о мотивационно-потребностной сфере человека, выстраивает триаду «потребность-мотив-деятельность». А.Н. Леонтьев доказывает, что источником побудительной силы мотива и соответствующего побуждения к деятельности выступают актуальные потребности. Термины «мотивация» и «потребность» достаточно давно используются учеными для объяснения причин поведения человека. Значение мотивационно-потребностной сферы изучали многие видные деятели (Е.П. Ильин, К. Левин, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу и др.). Рассматривая данный предмет изучения с разных методологических оснований, исследователи сходятся во мнении, что мотивация связана с активностью человека, что она детерминирует и регулирует его поведение.

Исходя из того, что внутренними причинами девиантного поведения является неудовлетворение просоциальных потребностей и наличие асоциальных личностных диспозиций, мы предположили, что жизненные и ценностные ориентации подростков с просоциальным и девиантным поведением должны иметь качественные различия в содержании и структуре иерархии. В нашем исследовании принимали участие 30 подростков

(17 девочек и 13 мальчиков) в возрасте 13-15 лет. Из них 15 подростков с девиантным поведением, которые стоят на учёте в «детской комнате полиции» и 15 подростков с социально-приемлемым поведением. Объектом нашего исследования являлись жизненные и ценностные ориентации. Предметом – жизненные и ценностные ориентации подростков с девиантным поведением. Цель нашего исследования – изучение особенностей ориентаций подростков с девиантным поведением. Задачи, которые мы поставили перед собой следующие: на основе анализа литературы уточнить характеристики и сущность феномена ценностей, формирования в онтогенезе при нормативном и девиантном поведении, эмпирически исследовать жизненные и ценностные ориентации подростков с девиантным поведением, на основе количественного и качественного анализа выявить особенности ориентаций подростков с девиантным поведением.

Изучению особенностей ценностных и жизненных ориентаций подростков с девиантным поведением способствовал анализ экспериментальных данных, полученных в результате применения методики М. Рокича «Ценностные ориентации» и О. И. Моткова «Жизненное предназначение».

С помощью методики М. Рокича «Ценностные ориентации» мы проанализировали ответы подростков, касающиеся терминальных ценностей, и выявили, что экспериментальная группа в качестве наиболее значимых ориентаций выделяет творчество - для подростков это область самоутверждения, самовыражения. Контрольная группа в числе первых ценностей выделяет свободу - для подростков свобода это независимость от родительской опеки, возможность делать всё так, как угодно им. Подросток с нормативным поведением, стремясь к свободе, получая её, избегает возможности быть независимым, так как существует внешний социальный контроль. Такие ценности как наличие хороших и верных друзей, развлечения экспериментальная группа выделяет в числе первых.

Инструментальные же ценности, свидетельствуют о приоритетности для индивида определённых типов поведения, ведущих к реализации

соответствующих терминальных ценностей. Экспериментальная группа в числе доминирующих ценностей выделяет независимость, смелость в отстаивании своего мнения и взглядов. Контрольная группа ставит в числе первых ценностей эффективность в делах, честность. Возможно, это говорит о том, что подростки стремятся реализовать себе в какой-либо деятельности. Такие ценности как терпимость, самоконтроль группа ставит в числе доминирующих.

Рассмотрим результаты, полученные при проведении методики «жизненное предназначение» О.И. Моткова. В полярных парах «исполнитель/творец», «руководитель/подчиненный» преобладающей ролью в жизни, как для контрольной, так и экспериментальной группы является «руководитель». Возможно, такие показатели встречаются у девиантных и нормативных подростков в силу их подросткового максимализма.

В полярной паре «исполнитель/творец» экспериментальная группа полностью не принимает такую жизненную роль как исполнитель, что, скорее всего, говорит о нежелании подростка соглашаться с установленными нормами и порядком.

Контрольная группа полярной паре «исполнитель/творец» отдаёт приблизительно одинаковое предпочтение. Возможно, подростки стремятся реализовать себя в какой-то деятельности, например, спортивной, учебной или некоторые из них хотят посветить себя творчеству.

Полярной паре «поддержка других/поддержка себя» контрольная и экспериментальная группы отдают практически равное значение. На наш взгляд, это связано с тем, что для подросткового возраста важным фактором является взаимоотношение со сверстниками.

Экспериментальная группа полярной паре «ситуативная/духовная ориентация» наибольшее предпочтение отдаёт «ситуативной ориентации». Это может быть связано с тем, что подросток ориентируется на решение ситуативных, суетных задач (на бытовые, учебные, рабочие и текущие вопросы). Однако контрольная группа наоборот отдаёт предпочтение не только ситуативной ориентации, но и духовной. Вероятно, что для нормативных подростков важно не

только решать повседневные суетные задачи, но и размышлять над общечеловеческими и мировыми вопросами.

В подростковом возрасте достигается необходимый уровень интеллектуального развития, развивается самосознание и накапливается необходимый жизненный опыт. Подростковый возраст является периодом интенсивного формирования ценностей личности (Сочивко Д.В., 2013). Важно, изучив ценностные ориентации подростков с девиантным поведением, научиться регулировать их мотивы действий, потребности в данный момент времени с помощью наблюдения, общения, что приведет к коррекции характера их деятельности, поступков и, как следствие, к социально одобряемому поведению в обществе и положительным ценностным ориентациям.

Литература

1. Литвишков В.М., Митькина А.В. Пенитенциарная педагогика: Курс лекций. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. 320 с.
2. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии: монография в 2-х томах: Т. 1-й. / под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань: Академия ФСИН России. 2013. 299 с.
3. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. 758 с.: ил.

**Комплексное исследование интернет-переписки при расследовании
уголовных дел о сексуальных преступлениях в отношении
несовершеннолетних**

Шеремет О.А., Шипшин С.С.

Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

Актуальность исследования обусловлена ростом количества преступлений сексуального характера против несовершеннолетних, совершаемых посредством сети «Интернет», а также увеличением числа поступающих в производство комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних.

Популярность интернет-общения породила проблему виртуальной преступности, в частности, виртуальной педофилии. В ряде случаев совращение ребенка, начавшееся в виртуальном пространстве, переходит в «реальную» среду, что может закончиться нанесением вреда психике, здоровью и жизни ребенка.

При проведении расследования все чаще назначаются судебные экспертизы, как однородные (лингвистические, психологические), так и комплексные (психолого-лингвистические). Как показывает экспертная практика, в настоящее время не имеется единого подхода в отношении предмета, так и методики экспертного исследования интернет-коммуникации по делам о сексуальных преступлениях, притом, что появились публикации, осмысливающие использованные методические подходы к решению экспертных задач при проведении таких экспертиз (Бельская Н.С., 2015, Пашина Е.А., 2016).

В рамках данного исследования был обобщен опыт проведения 71 комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы с участием авторов, по одному уголовному делу. Объектами экспертных исследований являлись тексты интернет-переписки обвиняемого с 71 девочкой в возрасте от 8 до 15 лет. Указанные «тексты» включали не только письменную речь, но и сопровождающие ее иллюстрации, фотоизображения, иконические символы и

т.д., то есть представляли собой «связный знаковый комплекс» (Бахтин М.М., 1979). Было установлено, что объектами интереса обвиняемого являлись девочки/девушки малолетнего/несовершеннолетнего возраста (предпочтение им отдавалось общение с девочками 8 – 12 лет), большинство из которых объединяли такие особенности, как легкость вступления в контакт, опосредованный электронным средством коммуникации, при этом – стеснительность, осторожность, ориентация на общепринятые моральные нормы, неготовность на момент исследуемых событий к случайным (не основанным на устойчивой взаимной симпатии, привязанности) сексуальным контактам.

Экспертными задачами являлись: выявление смыслового содержания виртуального диалога в форме переписки в социальных сетях между обвиняемым и малолетними / несовершеннолетними (лингвистическая); определение направленности информации, содержащейся в переписке; установление характера реакции малолетних / несовершеннолетних участниц диалогов (на уровне эмоций, отношений, действий) (психологические).

Лингвистическое исследование письменной речи заключалось в анализе содержания, характера, приемов изложения и прагматики исследуемого речевого действия (речевого акта), с учетом лексико-семантического и контекстного анализа слов и выражений, ситуации общения, коммуникативных ролей участников диалога. Психологическое исследование состояло в установлении направленности информации, содержащейся в переписке, исходящей от обвиняемого, выявлении приемов психологического воздействия на адресата, определении мишеней воздействия и выявлении и оценка реакций девочек в ходе изучаемого виртуального диалога. При анализе переписки в фокусе находились следующие вопросы: кто выступал инициатором переписки; кто и какие темы предлагал для обсуждения; представляла ли интерес та или иная тема для собеседника (что выяснялось по смысловому содержанию сообщений, степени активности обсуждения, временным интервалам между ответами, краткостью/развернутостью сообщений и т.д.); приемы, используемые для достижения желаемого результата; наличие невербальных компонентов общения

и их направленность («смайлы», «иконические» символы, знаки препинания, размер шрифта и т.д.).

В ходе лингвистического исследования было установлено, что коммуникативная инициатива принадлежала обвиняемому. Основная коммуникативная цель заключалась в побуждении несовершеннолетних к встрече с ним с целью вступления в половой контакт. Коммуникативная стратегия обвиняемого, под которой понималась часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной цели (Маслова А.Ю., 2010), заключалась в последовательной реализации ряда речевых задач, а именно: установление коммуникативного контакта с несовершеннолетними; стимулирование интереса к сексуальной сфере (в основном путем предложения денежных средств и постепенного увеличения суммы «вознаграждения»); побуждение к встрече с целью совершения действий сексуального характера.

Анализ содержания переписки показал, что направленность сообщений обвиняемого заключалась в инициировании общения с несовершеннолетними с целью пробуждения/усиления интереса несовершеннолетних к сексуальной сфере в отрыве от биологических, социальных, морально-нравственных и иных аспектов взаимоотношений между полами с фиксацией внимания исключительно на «операциональной» стороне сексуальных взаимоотношений – физиологическом деиндивидуализированном половом контакте (в том числе за материальное «вознаграждение») с незнакомым мужчиной; побуждении к встрече в «реальной» жизни с целью вступления в сексуальный контакт в различных формах. В ходе общения с несовершеннолетними Т. для достижения собственной цели использовались различные приемы воздействия: убеждение, манипуляция, запугивание, угроза. В качестве «мишеней» воздействия Т. использовал самооценку собеседниц, мотивационно-потребностную и эмоциональную сферы.

Среди участниц переписки с обвиняемым общение на начальном этапе прекратили 21,6%. Отсутствие принципиальной готовности к каким-либо сексуальным контактам выявили 63% девочек; неготовность к случайным (не

основанным на устойчивой взаимной симпатии, привязанности) сексуальным контактам обнаружили 8,4%. Только 7% девочек выразили готовность вступить в сексуальные взаимоотношения с собеседником, из них около трети – за материальное вознаграждение. При этом 9,8% несовершеннолетних с легкостью вступали в контакт с незнакомцем, декларировали готовность к обсуждению «запретных тем», были достаточно осведомлены (соответственно возрасту) в вопросах сексуального характера, на что указывали оперирование понятиями сексуальной сферы и правильная интерпретация метафорических выражений, имеющих сексуальный подтекст.

Реакции собеседниц на получаемую от обвиняемого информацию сексуального характера отличались эмоциональной насыщенностью, экспрессивностью: в 71,4% случаев в речи, невербальных средствах проявлялись негативные эмоции (досада, возмущение, гнев), вербальная агрессия (оскорбления в адрес собеседника), демонстрация негативного отношения к нему (высмеивание, использование обценной лексики, негативных знаков и приемов эмоциональной выразительности, игнорирование сообщений обвиняемого, прекращении переписки с ним). В 11,6% случаев несовершеннолетние отнесли обвиняемого к категории людей с отклонениями в сексуальном поведении.

Использованный комплексный подход к экспертному исследованию интернет-переписки по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних позволяет дать оценку не только действиям обвиняемого лица, но также установить степень негативного воздействия такой переписки на несовершеннолетнего, выявить признаки психологической травматизации, что, с одной стороны, позволит более точно квалифицировать преступное деяние обвиняемого, а с другой, – позволит оценить необходимость психологической либо медицинской помощи ребенку, ставшему объектом сексуального интереса в сети Интернет.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества М., 1979. 424 с.

2. Бельская Н.С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (1). С. 170-176.
3. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. Пособие. М., 2010. 106 с.
4. Пашина Е.А. Опыт лингвистического анализа по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Теория и практика судебной экспертизы, 2016. №4 (44). С. 62-65.

Особенности социально–психологической адаптации первоклассников к школьному обучению

Шитова А.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Куприянова Е.А.

Проанализировав рейтинги школ, в которых предполагалось проведение исследования социально–психологической адаптации первоклассников к школьному обучению, мы выяснили, что:

- по данным Департамента образования г. Москвы государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Школа «Интеллектуал»» занимает 12 место среди государственных бюджетных общеобразовательных учреждений;
- Общеобразовательное частное учреждение «Пироговская школа» занимает в рейтинге частных школ г. Москвы 26 место;
- Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа №1 имени Ф.Я. Фалалеева п. Монино Щёлковского Муниципального района Московской области по данным сайта школьный портал

московской области занимает 1420 место среди общеобразовательных школ Московской области.

Актуальность данного исследования заключается в выявлении особенностей социально – психологической адаптации первоклассников к школьному обучению в зависимости от рейтинга общеобразовательного учреждения, его территориального расположения, а также вида образовательной среды (Рубцов В.В., 2010); мониторинге школьной дезадаптации и девиантного поведения, как следствия срыва социально – психологической адаптации к школьному обучению; уточнении данных и особенностей социально – психологической адаптации первоклассников к школьному обучению в настоящее время.

Мы поставили перед собой цель выявления особенностей социально – психологической адаптации первоклассников к школьному обучению.

Для достижения цели нам необходимо составить и провести батарею методик для диагностики социально – психологической адаптации первоклассников к школьному обучению; выявить и проанализировать особенности социально – психологической адаптации к школьному обучению первоклассников общеобразовательных школ г. Москвы и Московской области на материале эмпирического исследования.

Объектом в исследовании является социально – психологическая адаптация первоклассников к школьному обучению, предметом – особенности социально – психологической адаптации к школьному обучению учащихся 1 классов общеобразовательных школ г. Москвы и Московской области.

Мы предполагаем, во-первых, что существуют качественные различия в процессе социально – психологической адаптации первоклассников к школьному обучению в зависимости от особенностей образовательной среды в школах г. Москвы и Московской области, во-вторых, для первоклассников образовательных школ г. Москвы характерна адекватная самооценка, высокий уровень учебной мотивации, положительное отношение к школьному обучению, учителю и одноклассникам, а также высокий уровень групповой сплоченности, в отличие от

первоклассников из школы в Московской области, в – третьих, девочки более успешно адаптируются к условиям школьного обучения, чем мальчики.

В исследовании использовались такие методы эмпирического исследования, как опрос, методы проективной диагностики, анализ продуктов деятельности, интерпретационный метод, тестовые процедуры, констатирующий лонгитюдный квазиэксперимент, а также методы статистического анализа: критерий знаковых ранговых сумм Уилкоксона, критерий Манна–Уитни, вычисление среднего арифметического значения, вычисление процентного соотношения показателей.

Первый диагностический этап проходил в сентябре 2016 года, второй – в апреле 2017 года. На каждом этапе и на всех базах исследования использовался одинаковый комплект методик, который проводился в первой половине дня, в течении одного урока с паузами для физкульт – минутки.

В исследовании особенностей социально – психологической адаптации первоклассников к школьному обучению общеобразовательных школ г. Москвы и Московской области приняли участие 106 первоклассников:

- 53 первоклассника из МАОУ СОШ №1 им. Ф.Я. Фалалеева г. п. Монино, Щелковского муниципального района, Московской области, из которых 27 девочек и 26 мальчиков;
- 21 первоклассник из общеобразовательного частного учреждения «Пироговская школа» г. Москвы, из которых 12 девочек и 9 мальчиков;
- 32 первоклассника из государственного бюджетного общеобразовательного учреждения г. Москвы «Школа-интернат «Интеллектуал»», из которых 15 девочек и 17 мальчиков.

Таким образом, в данном исследовании выборку составили 2 группы первоклассников: первая – первоклассники из школ г. Москвы (53 первоклассника), вторая – первоклассники из школы в Московской области (53 первоклассника), средний возраст выборки составляет 7 лет 2 месяца.

В данной исследовательской работе мы руководствуемся социальной – психологическим компонентом адаптации к школьному обучению. В психологическую составляющую входят самооценка, мотивация, эмоциональное

отношение к школе, соответствие уровня интеллектуального развития возрастным нормам, которые диагностируем с помощью следующих методик: «Лесенка» самооценки, автор В.Г. Щур; «Определение мотивов учения», автор М.Р. Гинзбург; Проективный тест личностных отношений, социальных эмоций и ценностных ориентаций «Домики», автор О.А. Орехова; Рисунок человека, модификация А.Л. Венгера.

В социальную составляющую включены произвольность и умение самостоятельно руководствоваться инструкциями взрослого, групповая сплоченность и статус в группе сверстников, которые диагностируем с помощью «Графического диктанта», автор Д.Б. Эльконин.; Социометрии «Капитан корабля», авторы В.М. Холмогорова, Е.О. Смирнова. А также второстепенно во всех методиках диагностируем умение слушать инструкцию и подчинять свое действие правилу, внимание, произвольность.

Взяв за основу классификацию образовательной среды В.В. Рубцова (2010), в результате лонгитюдного констатирующего квазиэксперимента выявлено, что у первоклассников школ г. Москвы, где образовательная среда ориентирована на детей, по сравнению со школой Московской области, где образовательная среда не ориентирована на детей, процесс социально – психологической адаптации к школьному обучению протекает наиболее интенсивно и охватывает такие сферы, как самооценку, мотивацию, произвольность и саморегуляцию, социометрический статус, а также к концу периода адаптации повышается количество первоклассников, чье интеллектуальное развитие соответствует возрастным нормам, что подтверждает основную гипотезу исследования.

В конце периода социально–психологической адаптации к школьному обучению у первоклассников из школ г. Москвы с образовательной средой, ориентированной на детей, наблюдается адекватная самооценка, выше уровень мотивации к школьному обучению, лучше развита произвольность, умение внимательно слушать инструкции и руководствоваться ими в самостоятельной деятельности, выше уровень групповой сплоченности, интеллектуальное развитие в большей степени соответствует возрастным нормам по сравнению с

первоклассниками школы в Московской области, где образовательная среда не ориентирована на детей. Также у первоклассников из школ г. Москвы эмоциональное отношение переходит от отрицательного полюса к положительному по отношению к школе в целом, учителю и одноклассникам к концу периода адаптации, что полностью подтверждает вторую гипотезу исследования.

У девочек общеобразовательных школ г. Москвы и Московской области, независимо от вида образовательной среды, наблюдается высокая мотивация учения, более развитая произвольность и саморегуляция, групповая сплоченность и более высокий статус в группе сверстников, а также интеллектуальное развитие в большей степени соответствует возрастным нормам, чем у мальчиков, что подтверждает третью гипотезу исследования.

Литература

1. Рубцов В.В. Технология оценки образовательной среды школы: учебно-методическое пособие для школьных психологов / под ред. В.В. Рубцова, И.М. Улановской. Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010. 256 с.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Исследование эмпатии на основе деятельности пенитенциарных служащих

Борисова Д.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Во многих работах, посвященных исследованию эмоционального компонента личности, а точнее эмпатии, уделяется большое внимание именно гуманитарному направлению, ведь в профессиях, связанных с контактом с людьми важно найти подход к другой личности. Эмпатия составляет ядро коммуникации, способствует сбалансированности межличностных отношений, социальной адекватности поведения человека (Ежова О.Н., 2007).

Эмпатия может являться фактором, предотвращающим конфликты различной природы (внутриличностные и межличностные) (Тарновская Н.Н., 2008). Данное свойство является наиболее значимым для людей, находящихся (и непосредственно несущих службу) в специфической социальной ситуации – ситуации постоянного повышенного внимания, контроля, напряжения и окружающих негативных эмоций.

Сотрудникам постоянно приходится «разгадывать» механизм поведения личности – поступки, состояния, реакции. Однако, люди способны сознательно менять манеру своего поведения, чем «маскируют свою индивидуальность и дают о себе ложную информацию» (Бойко В.В., 2008). В подобного рода ситуациях могут возникать трудности в определении истинного поведения и личностных особенностей человека, тогда на помощь приходит эмпатия как «древнее, испытанное средство рационально-эмоционально-интуитивного отражения «Я» другого». Этот механизм позволяет уловить некоторые особенности внутренних процессов, происходящих с личностью.

Можно выделить основные направления исследований, описывающих тему эмпатии, эмпатических способностей сотрудников.

1. В контексте эмоционального выгорания. Является одним из наиболее разработанных направлений. Обоснованность этого направления заключается в том, что деятельность пенитенциарного служащего протекает в достаточно сложных условиях, порой носящих экстремальный характер, подкрепляющийся властными полномочиями деятельности. Эти особенности оказывают значительное влияние на эмоциональную сферу личности и могут являться фактором эмоционального выгорания. Подобного рода исследованиями занимались А.Н. Плотникова «Факторы, способствующие развитию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников пенитенциарной системы», М.А. Гордеева «Эмоциональное выгорание государственных служащих», О.А. Рожков «Взаимосвязь профессиональной деформации и мотивации личности сотрудников уголовно-исполнительной системы».

2. В рамках психологического условия жизнеобеспечения сотрудников. В рамках этой тематики встречаются малочисленные диссертационные исследования. Можем выделить две наиболее близкие к озвученной проблеме работы: диссертация Н.Н. Тарновской («Взаимосвязь эмпатии и внутренней конфликтности как психологическое условие жизнеобеспечения сотрудников») и Л.С. Качкиной («Психолого-педагогические условия формирования социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы»).

3. В рамках исследования личностных качеств сотрудников и кандидатов на службу, необходимых для добросовестного несения службы. Так, можем отметить несколько работ. Две наиболее близкие по тематике проблемы были рассмотрены в работах В.Л. Коданева «Эмпатия как профессионально важное качество сотрудников УИС» и Н.М. Гришковой «Эмпатия в профессиональной деятельности юриста».

Эмпатия как особенность личности рассматривается в работе Ю.В. Семеновой «Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов», которая соотносит с такой категорией как «толерантность».

Тема эмпатии в рамках изучения сотрудников правоохранительных органов, а именно пенитенциарных служащих имеет большую практическую значимость для их деятельности. На сегодняшний день УИС становится более необходимой для общества и происходит популяризация службы в пенитенциарной системе, что привлекает внимание значительного количества кандидатов на службу. Такая действительность обязывает предъявление к службе повышенного внимания.

Исходя из вышеперечисленных особенностей актуальным стал вопрос изучения влияния непосредственного контакта сотрудников с осужденными и анализа изменений, происходящих с эмпатическими способностями в результате такого взаимодействия.

В исследовании приняло участие 89 человек, сотрудников структурных подразделений УФСИН по г. Москве. Группы были сформированы в зависимости от рода деятельности и наличия контакта с осужденными.

Отметим несколько выявленных аспектов.

- У сотрудников (чей стаж работы составляет от 5 до 10 лет), контактирующих с осужденными, наблюдается снижение значений по параметру «рациональная эмпатия». Это может проявляться в силу того, что при работе с большим количеством людей не возникает повышенного интереса к переживаниям окружающих.

- У служащих 5-10 лет сотрудников отмечается снижение эмпатийного потенциала, однако у кого стаж более 10 лет уровень эмпатии повышается. Это может быть обусловлено тем, что взрослые сотрудники более эмоционально устойчивы, у них не наблюдается колебаний в эмоциональной сфере, и они способны допускать некоторые чувства по отношению к окружающим, нежели «младшие» сотрудники, кому приходится еще справляться с ситуациями постоянного нахождения в стрессе.

- У сотрудников СИЗО (без контакта с осужденными) отмечаются отрицательные корреляционные связи стажа с интуитивной эмпатией (для молодых сотрудников до 5 лет) и с проникающей способностью (для сотрудников со стажем более 10 лет). Это может быть обусловлено тем, что молодые

сотрудники еще не обладают столь развитыми навыками общения с профессиональной группой и на интуитивном уровне еще не могут разграничивать поступающую информацию в полном объеме. У сотрудников этой же группы с большим стажем происходит обратный процесс – большой опыт позволяет им достаточно быстро и точно определять изменения в эмоциональном фоне людей, для чего уже не требуется длительный процесс, способствующий расположению к себе собеседника.

- Для сотрудников инспекций характерно снижение общего уровня эмпатии у сотрудников чей стаж службы от 5 до 10 лет. Это может быть обусловлено эмоциональной опустошенностью за время становления себя в профессиональной деятельности, потребностью и стремлением к самосовершенствованию и карьерному росту, что обуславливает большую обращенность на себя, свой внутренний мир и трудовую деятельность нежели на других людей.

Исходя из вышеперечисленных особенностей труда пенитенциарных служащих, а также из анализа результатов, полученных в ходе исследования, возникает необходимость в дальнейшем детальном исследовании эмоционального компонента личности сотрудников, а в частности эмпатических способностей, так как, имея дело с людьми, находящимися в трудной и неприятной жизненной ситуации, человек, обладающий достаточным уровнем развития эмпатии, находит эмоциональный отклик у себя на сложившиеся обстоятельства. Данный факт имеет две стороны: с одной – чрезмерное эмпатийное поведение по отношению к спецконтингенту будет мешать выполнению служебных задач, с другой – отсутствие эмпатии способно провоцировать коммуникативные трудности.

Литература

1. Бойко В.В. Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2008. 416 с.
2. Ежова О.Н. Влияние стресс-факторов на психическое здоровье сотрудников УИС // Вестник Владимирского юридического института. Владимир: Изд-во ВЮИ ФСИН России. 2007. № 2 (3). С. 11-14.

3. Тарновская Н.Н. Взаимосвязь эмпатии и внутренней конфликтности как психологическое условие жизнеобеспечения сотрудников ГПС МЧС России при внешнетатных ситуациях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2008. 24 с.

**Психофизическая характеристика осужденного, совершившего преступление
в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных
веществ**

Гаджимурадов Н.Д.

Владимирский юридический институт ФСИН России (г. Владимир)

Научный руководитель – Звонова А.В.

По оценкам ООН в 2016 году в мире проживало более 246 млн. человек употребляющих те или иные виды наркотиков – это примерно каждый 20-ый житель земли в возрасте 15-64 лет. При этом годовой оборот наркотиков только на территории России оценивается примерно в 1,5 триллиона рублей (для сравнения, объемом федерального финансирования здравоохранения в том же году составил примерно 491 млрд. рублей) (Митюнова И.Г., 2015).

С целью организации более эффективного противодействия наркотизму и наркомании на территории РФ, а также ослабления криминогенного потенциала осужденных, следует сконцентрировать внимание на специфических качествах личности преступников, склонных к пенитенциарному рецидивному противоправному деянию, связанному с немедицинским употреблением или распространением наркотических средств и психотропных веществ.

Под термином «личность наркопреступника» будем понимать совокупность значимых криминологических признаков – социальных, правовых и психологических, – определяющих степень его общественной опасности (Курындина А.Н., 2008).

Основываясь на данных исследования социально-типологических особенностей личности указанных лиц, можно сделать вывод о том, что в

подавляющем большинстве случаев это наркозависимые мужчины в возрасте от 25 до 35 лет, по национальности русские, со средним образованием, не имеющие постоянного источника дохода, состоящие в браке и проживающие в городской местности (Голощанов Е.В., 2015). В большинстве случаев они положительно либо нейтрально характеризуются как в быту, так и в трудовом коллективе. Однако большинство работодателей подходят к составлению характеристики личности наркопреступника лишь как к формальности, а члены семей всячески пытаются их защитить. В силу этого имеющиеся данные можно считать весьма условными.

Нравственно-психологическая характеристика личности лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев им присущи заостренные личностные черты, или акцентуации, которые обуславливают отсутствие у них внутренних морально-этических принципов и установок, пренебрежение социально-правовыми нормами, а также враждебный настрой по отношению к ним.

По своей психологической характеристике лица, совершающие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, ближе всего соответствуют характеристикам корыстного типа преступников, к которому относят лиц, не употребляющих наркотические и психотропные вещества, занимающихся их распространением ради собственной материальной выгоды.

Основываясь на психофизической характеристике «корыстного» типа наркопреступников, можно сделать вывод, что наиболее эффективными мерами по их реабилитации и профилактики рецидива является их вовлечение в сферу законных экономических отношений и предоставление им возможности легального заработка.

Второй тип преступников условно можно назвать «наркозависимым». К нему следует относить преступников, страдающих от наркотической зависимости, либо употребляющих наркотики эпизодически – они приобретают и хранят

наркотические средства и психотропные вещества не с целью сбыта, а для личного пользования. Чаще всего данный тип преступников склонны к сотрудничеству с правоохранительными органами и легко поддаются профилактическому воздействию в процессе лечения от наркотической зависимости.

К третьему типу личности, комбинированному, относятся лица, страдающие от наркотической зависимости, приобретающие и хранящие наркотические средства, как для личного пользования, так и с целью сбыта и получения материальной выгоды (Абдуллин А.Р., 2015).

Еще одна типология лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, основывается на степени устойчивости криминогенной мотивации правонарушителя.

Согласно представленному критерию можно выделить два основных типа наркопреступников, первым, из которых является последовательный тип – обладает ярко выраженной антиобщественной направленностью и личностной асоциальностью, основанной на сугубо корыстных мотивах и пренебрежительном отношении к базовым социальным устоям общества. Как правило, представители данного типа личности проявляют ярко выраженные лидерские способности.

Ко второму относят ситуативный тип преступника, личностные характеристики которого четко неопределены: наряду с негативными нравственно-психологическими качествами имеются и положительные черты. В данном случае обстановка, в которой совершается преступление, оказывает непосредственное воздействие на личность. Данный тип личности в большинстве случаев формируется под влиянием третьих лиц.

Анализ всех представленных ранее данных свидетельствуют о слабой социальной податливости указанной категории граждан, а также отсутствии внутренних морально-этических устоев и критериев, свойственных среднестатистическим представителям российского социума. В подавляющем большинстве случаев наркопреступники характеризуются пониженной

способностью к социальной адаптации и установлению прочных межличностных контактов.

Проведенные исследования свидетельствуют о доминировании у рассматриваемой категории граждан таких личностных свойств, как импульсивность, неадекватная оценка последствий своих поступков, неприятие социально-правовых норм, а также враждебный настрой по отношению к ним. Всё это свидетельствует об устойчивой асоциальности, плохой социальной приспособленности и неудовлетворенности своим положением в обществе со стороны лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Социальные и правовые нормы, не оказывают существенного влияния на их поведение и образ жизни. В первую очередь это связано с особенностями восприятия ими окружающей действительности – оценка ситуации происходит не с позиции социальных и моральных требований, а исходя исключительно из личных переживаний, проблем и потребностей.

Подводя итог всему сказанному, хотелось бы отметить, что все факты, представленные в статье, свидетельствуют о серьезной проблеме, стоящей перед российским и мировым сообществом в целом. Каждый год число наркоманов неуклонно растет, а здоровых трудоспособных граждан сокращается, что в конечном итоге может привести к масштабному социально-культурному кризису. Чтобы не допустить этого необходимо сконцентрировать свое внимание на мерах по исправлению и реабилитации рассматриваемой категории правонарушителей, которые в первую очередь должны основываться на их индивидуальных особенностях, включая психофизические.

Литература

1. Абдуллин А.Р. Некоторые проблемные аспекты уголовного законодательства о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 77–80.

2. Голощاپов Е.В. Социально-типологическая характеристика личности осуждённого к лишению свободы, склонного к немедицинскому употреблению и распространению наркотических средств и психотропных веществ (по материалам Южноуральского региона) // Викимология. 2015. №4 (6). С. 7–14.
3. Курындина А.Н. Личность преступника, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств: постановка проблемы // Уголовное право на рубеже тысячелетий: Материалы регион, науч.-практ. конф. Тюмень, 2008.
4. Митюнова И.Г. Проблемные вопросы процесса совершенствования антинаркотического законодательства в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 14. № 2. С. 120–123.

**Профессиональное выгорание у начальников отряда и воспитателей
исправительных учреждений: причины, возможности профилактики и
коррекции**

Гранкина В.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Одно из важных направлений повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы России – это совершенствование деятельности личного состава и профилактика деструктивных проявлений среди персонала. В этой связи, весьма актуальной проблемой является своевременное выявление лиц с признаками профессионального выгорания и профилактика данного синдрома (Дебольский, М.Г., Чернышкова М.П., 2015). Сам феномен профессионального выгорания у тюремного персонала был выявлен в конце 1960-х годов (Bradley, 1969). В дальнейшем его закономерности изучались как за рубежом так и в России.

(Freudenberger H.G., 1974; Maslach C., 1982; Coxetal T., 1993; Schaufelly W., Enzmann D., 1998; Plana A., 2003; Форманюк Т.В., 1994; Маркова А.К., 1996; Бойко В.В., 1996; Водопьянова Н.Е., Гришина Н.В., 1997; Орел В.Е., 2001; Ронгинская Т.Н., 2002; Калашникова С.А., 2004; Мальцева Н.В., 2005; Мушастая Н.В., 2007; Шевченко Т.И., 2007; Доценко О.Н., 2008; Старченкова Е.С., 2008; Малышев И.В., 2009; Полунина О.В., 2009; Темиров Т.В., Наличаева С.А., 2011; Павлова О.В., 2012; Бузовкина Н.Ю., 2013 и др.).

Проблема профессионального выгорания изучалась и на материалах деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (М.Г. Дебольский, О.В. Крапивина, С.В. Кулакова, В.М. Поздняков, М.А. Черкасова, М.П. Чернышкова и др.). Однако, до настоящего времени не изучены особенности профессионального выгорания у такой категории работников, как начальники отряда и воспитатели исправительных учреждений, хотя, вероятно, они отличаются не только спецификой деятельности, но и личностными качествами, профессиональными способностями. Деятельность данной категории сотрудников наиболее ярко носит помогающий, воспитательный характер, они постоянно общаются с осужденными, поэтому можно полагать, что начальники отряда и воспитатели больше всего подвержены профессиональному выгоранию.

Цель исследования: оценить состояние исследований профессионального выгорания у начальников отряда, воспитателей УИС и теоретически обосновать подходы к профилактике «эмоционального выгорания» у данной категории сотрудников.

Задачи исследования:

1) Обосновать концептуальный подход к проблеме исследования профессионального (эмоционального) выгорания начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений.

2) Выявить условия профессиональной деятельности, влияющие на эмоциональное выгорание начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений.

3) Используя структурный подход (на основе трехфакторной модели К. Маслач, С. Джексон) описать основные элементы профессионального выгорания начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений.

4) Выделить факторные и динамические особенности эмоционального выгорания начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений (на основе опросника В.В. Бойко).

5) Проанализировать особенности профессионального выгорания начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений в зависимости от их личностных качеств.

6) Обосновать программу профилактики профессионального выгорания начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений, с учетом результатов проведенного исследования.

Для решения поставленных задач использовались следующие методики проведения эмпирического исследования: опросник «Профессиональное выгорание» (К. Маслач и С. Джексон) – для сотрудников правоохранительных органов; Опросник «Эмоциональное выгорание» (В.В. Бойко); тест Кэттелла (форма «С»); специально разработанная анкета.

Остановимся на основных результатах исследования.

1. Большинство начальников отряда и воспитателей удовлетворены условиями и содержанием профессиональной деятельности. У воспитателей и начальников отряда выше, чем у сотрудников охраны и безопасности удовлетворенность содержанием труда, но ниже удовлетворенность условиями профессиональной деятельности. У начальников отряда труд во многом психолого-педагогический, воспитательный, они мотивированы на эту работу.

2. У начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений наиболее отчетливо прослеживается эмоциональное выгорание следующих структурных компонентов: эмоциональное истощение и редукция личных достижений. Общий уровень эмоционального выгорания у начальников отряда и воспитателей выше, чем у сотрудников службы безопасности, но у последних,

более высокий уровень деперсонализации, что проявляется в дегуманизации отношений с осужденными.

3. В качестве основных факторов профессиональной деятельности начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений, способствующих их эмоциональному выгоранию выступают: загруженность, сильное эмоциональное напряжение, непомерные требования вышестоящих руководителей, частые проверки, несогласованные действия сотрудников других служб, бюрократия, недостаточная правовая защищенность сотрудников. Они приводят к неудовлетворенности трудом и эмоциональному выгоранию.

4. Эмоциональное выгорание взаимосвязано с рядом личностных качеств начальников отряда. Установлено что у сотрудников с высоким уровнем профессионального выгорания более выражены эмоциональные качества. Они более экспрессивны (фактор F по Кетеллу), в стрессовой ситуации более склонны к непостоянству, имеют повышенную склонность к риску (фактор H), и высокий уровень тревоги, неорганизованны и безответственны, импульсивны (фактор O). Они более ранимы, замкнуты, но при этом подозрительны (фактор L) и консервативны. У таких сотрудников гораздо чаще может быть низкая дисциплинированность, потворство своим желаниям, неумение контролировать свои эмоции и поведение (фактор Q3). Различия в степени выраженности данных качеств статистически значимые.

Выгорание не следует считать чем-то неизбежным. Нужно предпринимать определенные шаги по профилактике, которые могут предотвратить или ослабить его воздействие. Те, кто не хочет страдать от выгорания – «душевного бесчувствия» и циничности по отношению к событиям своей жизни и окружающим людям, должны позаботиться о приумножении и активизации своих личностных ресурсов, преодолении жизненных и рабочих стрессов.

На основе проведенного исследования разработана программа, способствующая повышению устойчивости сотрудников к стрессам и профилактике выгорания.

Программа включает 3 этапа (13 – 15 занятий): 1 этап – ориентировочный (его цель: эмоциональное объединение участников группы, снижение напряжения и сплочение группы, а так же повышение самоопределения и самопознание); 2 этап – развивающий (обучение сотрудников снимать стрессовое напряжение, используя техники релаксации и саморегуляции, освоение навыка бесконфликтного общения).

3 этап – закрепляющий (развитие умений разрешать сложные служебные и жизненные ситуации)

Каждое занятие проводится в стандартной форме и включает в себя следующие элементы: ритуал приветствия, разминка, основное содержание, рефлексия по поводу данного занятия и ритуал прощания. Продолжительность занятия – 1,5 часа.

В ходе работы используются игровые методы, методы групповой дискуссии, проективные методики рисуночного и вербального типов, психогимнастические упражнения, релаксационные упражнения, а также занятия с элементами кинотерапии, сказкотерапии и арт-терапии.

Литература

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е издание. Санкт-Петербург.: Питер, 2008. 231 с.
2. Дебольский, М.Г., Чернышкова М.П. Особенности профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Учёные записки Российского государственного социального университета: электронный журнал. №3. URL: http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/2015UZ/2015UZ1_1927.html (дата обращения: 13.04.2017).
3. Черкасова М.А. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников УИС: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2014. 21 с.

Особенности коммуникативных качеств у несовершеннолетних осужденных, совершивших насильственные преступления

Давыденко Н.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

В подростковом возрасте ведущая роль в развитии личности отводится общению друг с другом, учителями, другими людьми. Недостаточный уровень развития коммуникативных качеств у подростков, нередко приводит к конфликтам с окружающими, девиантному и делинквентному поведению, включая алкоголизм, наркоманию, правонарушения (И.П. Башкатов, С.А. Беличева, Е.Г. Дозорцева, Е.В. Змановская, Ю.М. Кондратьев, В.Ф. Пирожков, Д.В. Сочивко, А.Н. Сухов и др.).

Из вышесказанного следует, что исследование коммуникативных качеств у несовершеннолетних осужденных, а также изучение возможностей их развития является весьма актуальной проблемой. Процесс повышения коммуникативной компетентности будет действенным, если у подростка актуализируется внутренняя готовность к саморазвитию, также сформируется мотивация к совершенствованию своих коммуникативных качеств.

Нами выдвинута *гипотеза исследования* – несовершеннолетним осужденным свойственны следующие коммуникативные качества: низкий уровень развития эмпатии и общительности, нетерпимость к мнению собеседника, высокую конфликтность и агрессивность, они испытывают трудности в восприятии и понимании других людей. Так же, автор полагает, что низкий уровень развития коммуникативных качеств у осужденных, за насильственные преступления более выражен, чем у отбывающих наказание за корыстные преступления. Таким образом, низкий уровень развития коммуникативных качеств у несовершеннолетних, является фактором риска правонарушений насильственного характера при неблагоприятных социальных ситуациях.

Для определения уровня развития коммуникативных качеств несовершеннолетних осужденных был подобран методический инструментарий: 1). Методика «Диагностика уровня эмпатии» (В. В. Бойко); 2). Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин и П. А. Ковалев); 3). Методика «Поведенческие признаки коммуникативной толерантности» (В.В. Бойко); 4). Тест на оценку самоконтроля в общении (Марион Снайдер); 5). Методика «Оценка уровня общительности» (В.Ф. Ряховский); 6). Методика «Социальный интеллект» (Гилфорд); 7). Метод наблюдения и анализа личного дела осужденного. Большинство указанных методик используются в психодиагностической системе Psychometric Expert, на базе которой в уголовно-исполнительной системе создано рабочее место пенитенциарного психолога. Это косвенно подтверждает валидность и надежность используемых методик, применительно к указанному предмету исследования.

Эмпирическое исследование осуществлялось на базе одной из воспитательных колоний (ВК) в Центральном Федеральном округе Российской Федерации. В исследовании участвовало 43 несовершеннолетних (16 – 18 лет) осужденных за корыстные и насильственные преступления. Результаты психодиагностики были обработаны в программе spss 21.0.

Результаты исследования, полученные по методике «Диагностика уровня эмпатии В.В. Бойко» показали, что все баллы по отдельным шкалам не выходят за пределы допустимой нормы, однако данные по шкале «Общий уровень эмпатии» являются низкими. Это подтверждает выдвинутую гипотезу, что большинство несовершеннолетних осужденных не способны к сопереживанию другим людям. Это относится к подросткам совершившим как насильственные так и корыстные преступления. А вот по шкале «Эмоциональный канал эмпатии», имеются статистически значимые отличия у осужденных за насильственные и корыстные преступления. У второй категории показатели выше. В обеих группах, на общем фоне, более выражено такое свойство как проникающая способность к эмпатии, что подчеркивает потребность несовершеннолетних в доверительном и открытом коммуникативном взаимодействии с окружающими.

Анализ результатов, полученных в ходе проведения методики «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев), позволил выявить статистически значимые отличия по шкале «Нетерпимость к мнению других». По результатам среднестатистической обработки можно сказать, что показатели обеих групп находятся в норме по всем шкалам кроме «бескомпромиссности», которая у осужденных за насильственные преступления, является более высокой (различия статистически значимые).

По результатам методики «Поведенческие признаки коммуникативной толерантности» (В.В. Бойко) можно сказать, что у осужденных, совершивших насильственные преступления низкие показатели по шкалам неприятие индивидуальности других, «я-эталон» при оценке других, стремление переделать партнера под себя, неумение прощать ошибки, нетерпимость к дискомфорту, неумение приспосабливаться к партнеру, что указывает на низкий уровень толерантности по этим шкалам, и низком уровне толерантности в целом. Не случайно, программы тренингов по развитию толерантности у лиц с девиантным поведением являются достаточно распространенными.

У осужденных, совершивших корыстные преступления высокий уровень толерантности проявляется в терпимости к дискомфорту и отсутствии стремления подогнать партнера под себя. Показатели по остальным шкалам имеют средние значения, в том числе и средний общий уровень толерантности.

По шкале «Неумение прощать ошибки другому» были выявлены статистически значимые отличия.

По результатам среднестатистической обработки методик «Тест на оценку самоконтроля в общении» (Марион-Снайдер) и «Оценка уровня общительности» (В.Ф. Ряховский) можно сказать, что у обеих групп средний коммуникативный контроль, что говорит о том, что они искренни, но не сдержаны в своих эмоциональных проявлениях. Уровень общительности, у осужденных совершивших корыстные преступления выше, что подтверждает среднестатистический анализ, они более разговорчивы, предпочитают высказываться по разным вопросам, охотно знакомятся с новыми людьми.

Общительность осужденных за преступления насильственного характера на среднем уровне.

По результатам среднестатистической обработки методики «Социальный интеллект» Гилфорда, статистически значимых различий не выявлено, но на уровне тенденций можно сказать, что несовершеннолетние осужденные, совершившие преступления насильственного характера имеют средние способности к познанию поведения, в отличие от осужденных, совершивших корыстные преступления, имеющих способности к познанию ниже среднего.

Это может говорить о том, что последние, в процессе коммуникации больше опираются на чувства, а осужденные за насильственные преступления, имея уровень эмпатии ниже, компенсируют это в понимании непосредственно поведения другого человека.

На последующих этапах исследования полученные данные могут использоваться для определения направления работы с несовершеннолетними осужденными, и составления коррекционных программ.

Литература

1. Новик Н.Н. Межличностное общение в процессе формирования коммуникативных навыков подростков с девиантным поведением // Вестник Казанского технологического университета. 2009. №2. С. 174-179.
2. Пирожков В.Ф. Криминальная психология: учебное издание. М.: Ось-89, 2001. 704 с.
3. Психодиагностика в уголовно-исполнительной системе / М.Г. Дебольский, А.А. Васищев и др. М.: НИИ ФСИН России, 2008. 268 с.

**Синдромы посттравматических стрессовых расстройств у сотрудников
отдела специального назначения: психологическая коррекция
(на примере УФСИН России по Республике Башкортостан)**

Исмагилова А.З., Овсянникова М.В.

Академия ФСИН России (г. Рязань)

Научный руководитель – Красикова Ю.Ю.

На сегодняшний день весьма актуальным является вопрос оказания психологической помощи сотрудникам отделов специальных назначений (далее – ОСН). В ряде исследований (А. Котиев, А.П. Тряпицын, Н.А. Некрасов, Н.Г. Осухова, С.Г. Рудаков, Р.Г. Казаков и др.) отмечаются следующие специфические особенности деятельности сотрудников ОСН: готовность к применению оружия на поражение; принятие решений в быстро меняющихся и трудно прогнозируемых ситуациях, в ситуациях боевых потерь; условия сопряженные с риском для жизни и т.д. Деятельность сотрудников ОСН относится к числу профессий повышенного риска и характеризуется одним из наиболее высоких уровней профессионального стресса, который может проявляться в таких формах профессиональной деформации, как алкоголизм, нарушения служебной дисциплины, факты суицида и т.д.

Сотрудники отдела специального назначения, осуществляющие несение службы в экстремальных условиях, подвергаются воздействию целого комплекса психотравмирующих факторов. У значительного числа сотрудников развиваются состояния психической дезадаптации, приводящие к социально-психологическим нарушениям жизнедеятельности, неблагоприятным изменениям личности (ухудшается состояние здоровья, нарушаются служебные взаимоотношения, семейно-бытовая сфера, возрастает риск самоубийства).

Специфический характер задач, возлагаемых на сотрудников ОСН, требует высокого уровня физической подготовленности, развитости волевых (устойчивости нервной системы, решительности, интеллекта, определенных характерологических особенностей), а также морально-психологических качеств.

Таким образом, одной из приоритетных задач психологической работы с сотрудниками отдела специального назначения является целенаправленная подготовка сотрудников к деятельности в экстремальных условиях, выработка мотивации достижения, психологической устойчивости, готовности к выполнению своих служебных задач в условиях любой степени сложности.

Следует отметить, что недостаточно изученным остается развитие посттравматических стрессовых состояний у сотрудников ОСН. Немногочисленные исследования свидетельствуют, что у определенной части личного состава развитие болезненных психопатологических состояний связано с психической травматизацией в процессе несения службы при чрезвычайных обстоятельствах.

Важно отметить, что часть личного состава испытывает заметные психологические проблемы, как в период непосредственного воздействия экстремальных факторов, так и в период реадаптации к обычным условиям несения службы (например, по возвращению из командировок в «горячие точки»). В данном случае речь идет, как правило, о клинических выраженных проявлениях «дезадаптации», требующих либо немедленной госпитализации сотрудника для стационарного психиатрического лечения, либо увольнения его по соответствующей статье. Подобные нарушения проявляются на психологическом (или поведенческом) уровне в виде пониженного настроения, тревожности, агрессивности, или «недисциплинированности», ухудшения показателей службы, злоупотребление спиртными напитками, внутрисемейных и межличностных конфликтов.

В связи с этим, актуализировано исследование посттравматических стрессовых расстройств у сотрудников отдела специального назначения с целью предупреждения отрицательного воздействия на личность. В качестве объекта будут рассматриваться индивидуально-психологические особенности личности сотрудников ОСН.

В соответствии с гипотезой исследования мы полагаем, что проведение психокоррекционной программы на основе методов арт-терапии, когнитивно-

поведенческой терапии приведет к снижению и нормализации психоэмоционального состояния, (вызванного травматическими стрессовыми расстройствами) у сотрудников отдела специального назначения.

Для определения признаков стрессового расстройства, синдромов посттравматического стресса, психоэмоционального состояния сотрудников ОСН, а также степени готовности личного состава к исполнению служебных обязанностей был подобран методический инструментарий. Учитывая особенности служебной деятельности сотрудников ОСН, подбор методик осуществлялся не только по критерию их валидности, но и по таким критериям, как скорость и доступность выполнения.

Для решения поставленных задач использовались следующие психологические методики: «Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик» (ИТО), «Методика оценки нервно-психической устойчивости» (НПУ), методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (ЛАК). Помимо этого, были использованы метод наблюдения и анализа личного дела.

Эмпирическое исследование осуществлялось на базе ОСН УФСИН России по Республике Башкортостан. В исследовании участвовало 33 испытуемых мужского пола, проходящих службу в ОСН «Смерч». После полученные данные были проанализированы и обработаны в программе Psychometric Expert.

Данные полученные по методике «Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик» (ИТО) показали, что большая часть испытуемых добросовестно, ответственно отнеслись к процедуре тестирования, что говорит о достоверности полученных результатов.

Практически у всех испытуемых отмечается высокий уровень агрессии, стремление к физическому превосходству над окружающими, склонность к вступлению в конфликтные ситуации либо в ситуации угрозы для себя или близких желание применения физической силы против другого лица. Можно предположить, что это связано со спецификой выполнения служебных обязанностей сотрудниками ОСН, особенности их деятельности подразумевают проявление агрессии в определенной степени.

У респондентов отмечается достаточно высокий уровень тревожности, что способствует образованию реакций психологической защиты в виде агрессии, направленной на других.

Анализ результатов, полученных в ходе проведения методики «Оценка нервно-психической устойчивости» (НПУ), показал высокий уровень нервно-психической устойчивости сотрудников ОСН. Данный фактор уменьшает возможность возникновения посттравматического стресса, и позволяет прогнозировать эффективность выполнения служебных задач испытуемыми.

По результатам методики «Личностная агрессивность и конфликтность» (ЛАК) респонденты характеризуются высоким показателем шкал «нетерпимость к мнению других» (7 баллов) и «мстительность» (6,5 баллов) дают суммарный показатель (усредненный для обеих шкал 6,5 баллов) негативной агрессивности субъекта. Что позволяет нам говорить, о том, что у испытуемых прослеживается: склонность к возникновению чувства несправедливости реальной или мнимой; агрессивные, мстительные, разрушительные чувства по отношению к окружающим; склонность к игнорированию мнения окружающих.

Анализ полученных результатов первичного обследования сотрудников ОСН, позволил составить их личностные профили, и выделить особенности, требующие психокоррекционного воздействия, а именно, высокий уровень агрессивности и тревожности.

На последующих этапах исследования будет разработана и апробирована психокоррекционная программа, основанная на методах арт-терапии и когнитивно-поведенческой терапии в работе с синдромами посттравматических стрессовых расстройств у сотрудников отдела специального назначения

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

2. Копытин А.И. Руководство по групповой арт-терапии. СПб. 2003. 320 с.
3. Методические рекомендации по психологическому обеспечению деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, осуществляющих контртеррористические мероприятия в Северо-Кавказском регионе. ГУИН Минюста России. М., 2003.
4. Пацакул И.И. Психология профессиональной безопасности сотрудников спецподразделений правоохранительных органов в экстремальных условиях деятельности (на материалах исследования индивидуальной профессиональной безопасности): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2001.
5. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1998.
6. Приказ Минюста России от 12 декабря 2005 г. №238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы Федеральной службы исполнения наказаний».
7. Проведение психологического тренинга в рамках подготовки сотрудников ОСН к действиям в экстремальных ситуациях: Методическое пособие. МПЛ ГУИН МЮ РФ по РО. Ростов-на-Дону, 2002.
8. Цымбал Д. Методические рекомендации по психологическому сопровождению личного состава отдела спецназначения УИС при выполнении служебно-боевых задач в зоне вооруженного конфликта. Екатеринбург, 2000.

Психопрофилактическая программа, направленная на предупреждение формирования виктимного поведения сотрудников УИС

Комлева Д.П.

Академия права и управления

(Академия ФСИН России) (г. Рязань)

Научный руководитель – Гаврина Е.Е.

С целью профилактики формирования виктимного поведения у сотрудников УИС нами разработана психокоррекционная программа, состоящая из 4 блоков в рамках, которых с сотрудниками УИС проводятся групповые тренинги и упражнения направленные на снижение склонности к риску, доверчивости и вспыльчивости. Результаты программы были апробированы на базе УФСИН России по Ульяновской области в 2017 году и показали эффективность ее применения для снижения показателей виктимности у сотрудников УИС.

Данная программа рассчитана на 6 занятий, длительность каждого – 2 часа (всего 12 часов).

Целью программы является профилактика формирования у сотрудников УИС виктимного поведения при работе, как с другими сотрудниками, так и осужденными, а также снижения уровня таких виктимологических показателей, как: неумеренная склонность к риску, доверчивость и вспыльчивость.

Основными задачами программы являются:

- повышение знаний, касающихся нормативно-правовой базы сотрудников УИС;
- расширение кругозора о феномене профессиональной виктимности;
- снижение уровня виктимологических показателей, а именно: вспыльчивость, доверчивость, неумеренная склонность к риску;
- повышение психологической компетентности сотрудников, развитие профессионально значимых умений и навыков.

Программа включает в себя следующие тематические блоки:

1. Блок лекционных занятий, позволяющий повысить компетентность в сфере нормативно-правовых отношений.

2. Блок лекционных занятий, направленный на расширение знаний о понятии профессиональной виктимности сотрудников УИС.

3. Блок дискуссионных занятий.

4. Блок тренинговых упражнений, направленный на снижение уровня таких виктимологических показателей, как доверчивость, вспыльчивость, высокая склонность к риску.

Блок 1. Блок лекционных занятий, позволяющий повысить компетентность в сфере нормативно-правовых отношений.

Лекция 1. Основы правоведения

Цель занятия – повысить уровень знаний в области основ правоведения.

План лекции:

1. Роль государства и права в жизни общества.

2. Нормы права и нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность сотрудников УИС.

3. Источники российского права. Система российского права.

4. Правонарушения и юридическая ответственность. Законность и правопорядок.

Блок 2. Блок лекционных занятий, направленный на расширение знаний о понятии профессиональной виктимности сотрудников УИС.

Лекция 2. Профессиональная виктимность

Цель занятия: расширить знания о понятии профессиональная виктимность

План лекции:

1. Понятие виктимность, виктимология, виктимизация, виктимное поведение

2. Основные виды виктимного поведения

3. Индивидуально-психологические особенности, способствующие формированию виктимного поведения сотрудников УИС

Блок 3. Блок дискуссионных занятий

Дискуссионное занятие 1. Основы правоведения

Цель занятия – обсуждение проблемных вопросов и закрепление полученных знаний.

Примеры обсуждаемых вопросов:

1. Содержание признаков государства.
2. Основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность сотрудников УИС.

Дискуссионное занятие 2. Формирование навыков и умений по профилактике профессиональной виктимности сотрудников УИС.

Цель занятия – обсуждение проблемных вопросов и закрепление полученных знаний.

Примеры обсуждаемых вопросов:

1. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015).

Блок 4. Блок тренинговых упражнений, направленный на снижение уровня таких виктимологических показателей, как доверчивость, вспыльчивость, неумеренная склонность к риску.

Практическое занятие 1. Контроль эмоций – светлый разум, или как подавить в себе вспыльчивость.

Цель занятия – овладеть умением контролировать свое эмоциональное состояние и понять природу негативных эмоциональных реакций.

В начале практического занятия проводится ознакомительная беседа «Что такое вспыльчивость?», которая проходит в дискуссионной форме.

Затем рассказывается, как достичь самоконтроля, а именно:

1. Соблюдение режима. Человек, приучившийся к соблюдению режима дня – развивает в себе способность к самоконтролю.
2. Семейное воспитание (формирование неконфликтности в общении воспитывают привычку к самоконтролю).

3. Самосовершенствование. Выработывая в себе пунктуальность, строго исполняя взятые на себя обязательства и данные обещания человек приучается к самоконтролю.

4. Психологические упражнения. Психологические тренинги и упражнения могут помочь человеку научиться сдерживать свои эмоции и не позволять им властвовать над разумом или помогать сохранять бесконфликтное поведение и устойчивость от внешних воздействий.

Упражнение 1 «Крылатые выражения»

Данное упражнение направлено на осмысление необходимости наличия у человека самоконтроля и преемственность накопленного опыта. Выполнение упражнения происходит в дискуссионной беседе.

1. Чтобы понимать и прощать, необходимо овладеть характером и выработать самоконтроль (*Дейл Карнеги*).

2. Самоконтроль – главный элемент собственного достоинства, собственное достоинство – главный элемент смелости (*Фукидид*).

3. Человек должен научиться подчиняться самому себе и повиноваться своим решениям (*Цицерон*).

4. Горжество над самим собой есть венец философии (*Диоген*).

5. Власть над собой – самая высшая власть, порабощенность своими страстями – самое страшное рабство (*Лев Толстой*).

Упражнения 2 «Сядьте так, как...»

Упражнение направлено на обучение контролю собственной позы и мимики, умение передавать информацию с помощью невербальных средств общения.

Каждому сотруднику дается карточка с описанной ситуацией. Он должен изобразить попой, мимикой ситуацию, а остальные сотрудники угадать, что он изображает.

Упражнение 3 «Внутренний стержень»

Упражнение направлено на отстаивание своей точки зрения.

Каждому сотруднику необходимо принять определенный стиль поведения и отстаивать свою позицию в описанных ситуациях.

Подведение итогов занятия – 5 минут.

Практическое занятие 2. Неумеренная склонность к риску или как вовремя остановиться?

Цель занятия – осмысление участниками тренинга понятия склонности к риску, овладения навыками контроля сознания.

Неумеренная склонность к риску

Упражнение 1 «Концентрация внимания»

Направлено на контроль сознания, умения управлять своими мыслями.

Упражнение 2 «Сознательное подавление мыслей»

Направлено на создание образов, позволяющих избавиться от бега мыслей в голове.

Упражнение 3 «Зеркальная гладь озера», «Под водой», «Камешки»

Направлено на стабилизацию мыслительных процессов, контроль мыслительных процессов.

Упражнение 4 «Прерывистое дыхание»

Направлено на контроль эмоционального состояния.

Подведение итогов занятия – 5 минут.

Практическое занятие 3. Заключительное занятие. Доверчивость – хорошо или плохо?

Цель занятия – повторение и закрепление полученного материала и навыков, изучение понимания доверчивости (ее положительных и отрицательных сторон для сотрудников УИС).

Занятие 1. Просмотр видеофильма «Избитая доверчивость», позволяющего раскрыть сильные и слабые стороны проявления доверчивости (40 минут).

На данном занятии также повторяется весь объем изученного материала и проводится контрольный замер виктимных показателей по «Методике экспертной оценки предрасположенности работника к несчастному случаю (к виктимному

поведению) при исполнении профессиональных обязанностей в экстремальных ситуациях деятельности» (авт. А.И. Папкин, И.А. Папкин).

Анализ полученных результатов показывает, что «Психопрофилактическая программа, направленная на предупреждение формирования виктимного поведения сотрудников УИС» способствует снижению таких виктимологических показателей, как неумеренная склонность к риску, доверчивость, вспыльчивость.

Психологические особенности жизненного пути несовершеннолетних девушек, осужденных к лишению свободы

Левин Л.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Актуальность изучения основных детерминант совершения противоправных действий подростками, а также разработка на основании этих данных психопрофилактических программ обосновывается увеличением числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики).

Целью исследования является выявление психологических особенностей жизненного пути несовершеннолетних, осуждённых за преступления различной степени тяжести.

Задачи:

1. Проанализировать научную литературу, а также теоретические подходы и концепции по теме исследования.
2. Выявить и проанализировать специфику и содержание воспоминаний несовершеннолетних девушек, осужденных к лишению свободы.
3. Выработать рекомендации и предложения по использованию полученных результатов исследования в практической деятельности пенитенциарного психолога.

Объектом исследования выступают жизненный путь несовершеннолетних девушек, осужденных к лишению свободы, в период от рождения до момента совершения преступления.

Предметом исследования выступают психологические особенности жизненного пути в период от рождения до момента совершения преступления несовершеннолетних девушек, осужденных к лишению свободы.

Существуют достаточно большое количество исследований (Логина Н.А., 1980; Кроник А.А., 2008; Нуркова В.В., 2009; МакАдамс Д.П., 2008; Ренн П., 2006 и др.), изучавших жизненный путь человека и его взаимосвязь с противоправным поведением. Установлено, что значимые события прошлого влияют на такие свойства личности, как самооценка, самоотношение, жизнестойкость. В нашей работе будут более детально проанализированы данные явления, описанные в различных психологических концепциях и теориях.

В нашем исследовании приняло участие 40 человек: 20 девушек, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в Новооскольской воспитательной колонии УФСИН России по Белгородской области, и 20 просоциальных девушек.

В ходе исследования использовались следующие методы и методики: 1) беседа, в ходе которой осуждённые рассказывают о значимых событиях и ситуациях, а также о своих планах на будущее; 2) контент-анализ значимых воспоминаний в период от рождения до совершения преступления, а также планов на будущее. Контент-анализ воспоминаний, изложенных респондентами, проводился по схеме, предложенной Е. В. Сидоренко (Сидоренко Е.В., 2002):

- По присутствию людей: мать; отец; братья и сестры; бабушки и дедушки; другие родственники; посторонние люди, гости, друзья, соседи, присутствие животных;
- По типу ситуации: опасности, несчастные случаи, наказания; болезнь и смерть; проступки, кражи, сексуальный опыт; новые жизненные ситуации; праздник; подарки; приятное/неприятное взаимодействие с кем-либо; постоянное отсутствие близкого человека; развод родителей;

- По типу восприятия окружающего мира и взаимодействия с ним: визуальный, слуховой, обонятельный, вкусовой, мышечно-тактильный, вербальный.
- По типу ситуации взаимодействия с другими людьми: Я-ситуация, Мы-ситуация, Безличное повествование.
- Чувства и эмоции: грусть, тоска, печаль, уныние, слезы; радость, счастье, смех; пустота, одиночество; испуг, страх, ужас; удивление, восторг; спокойствие, безразличие; ощущение конфликта, борьба с авторитетами, нарушения правил.
- По месту происходящего события: дом; за городом, на даче, в деревне; дальние поездки, путешествия; детский сад, школа, детская площадка; общественные места.
- По типу повествования: краткое; полное.

Статистическая обработка результатов проводилась в программе SPSS Statistics 20 с помощью статистического критерия Манна-Уитни.

Теперь перейдем к анализу событий, названных респондентами.

В ходе анализа было выявлено, что наиболее значимыми людьми для девушек были посторонние люди ($p=0,000$), а чуть менее значимыми – мать ($p=0,002$), отец ($p=0,003$), братья/сестры ($p=0,003$), бабушки/дедушки ($p=0,003$). Данные результаты могут объясняться тем, что для девушек, осужденных к лишению свободы, более значимыми были посторонние люди, чем члены семьи, т.к. дома часто была неблагоприятная обстановка дома, конфликтные отношения с некоторыми членами семьи. Данный факт для просоциальных девушек объясняется тем, что некоторые люди, не являющиеся членами семьи, оказали влияние на них (на некоторые их увлечения или ценности). Но при этом члены семьи были значимыми ввиду особенностей взаимоотношений с ними (например, доверительные отношения с мамой).

По типу ситуации наиболее значимыми были опасности/несчастные случаи/наказания ($p=0,000$), болезнь/смерть ($p=0,000$), проступки/кражи ($p=0,000$), праздники/подарки ($p=0,000$), а чуть менее значимым – постоянное отсутствие

близкого человека ($p=0,006$). Данные ситуации были значимыми ввиду переживаний из-за данных событий, а также оставленных эмоциональных отпечатков. При этом количество воспоминаний, имеющих отрицательную окраску, у девушек, осужденных к лишению свободы, было больше, чем у просоциальных девушек.

По каналу восприятия наиболее значимыми были визуальный ($p=0,000$) и вербальный ($p=0,000$). По типу изложения наиболее значимыми были Я-ситуация ($p=0,000$) и Мы-ситуация ($p=0,000$). По полноте изложения в равной степени значимыми были краткое ($p=0,000$) и полное ($p=0,000$) изложение.

Наиболее значимыми местами изложения были общественные места ($p=0,002$). Это может объясняться некомфортной обстановкой для девушек дома, что побуждало их проводить время больше вне дома. Для просоциальных девушек это может объясняться тем, что им было интересно узнавать новые факты (например, на экскурсиях)

Чувства, наиболее значимые при переживании названных событий, – грусть, тоска, печаль ($p=0,000$). Это связано с особенностями переживаний отношений с родными и близкими, обстановки дома и других значимых ситуаций, имеющих отрицательную окраску.

Итак, мы видим, что наиболее значимыми фигурами для девушек, осужденных к лишению свободы, были посторонние люди и некоторые члены семьи — мать (особенности взаимоотношений с ней), отец (его уход из семьи или неучастие в жизни ребенка), братья/сестры, бабушки/дедушки (особенности взаимоотношений с ними). Наиболее значимыми ситуациями были опасности/несчастные случаи/наказания, болезнь/смерть, проступки/кражи, праздники/подарки, постоянное отсутствие близкого человека. При этом переживания названных событий вызывали чаще всего чувства грусти, тоски и печали.

Литература

1. Изучение и психокоррекция субъективной картины жизненного пути осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях:

- Методическое руководство / Под ред. М.Г. Дебольского, Т.С. Войт.
СПб.: типография «А и Б». 2006. 71 с.
2. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия. Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. Москва: «Смысл». 2008. 416 с.
 3. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. 1980. №1. С. 154-158
 4. МакАдамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 3.
 5. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М. 2009. 50 с.
 6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. 2016 URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 28.11.2016)
 7. Ренн П. Связь между детской травмой и последующим преступным поведением: применение теории привязанности в исправительном сеттинге // Журнал практической психологии и психоанализа. 2006. №4.

Психологические особенности правосознания курсантов образовательных организаций ФСИН России в период первичной профессионализации

Ломакина Ю.Ю.

Академия права и управления (Академия ФСИН России) (г. Рязань)

Научный руководитель – Гаврина Е.Е.

Правосознание оказывает особое влияние на совершенствование и развитие правовой системы общества и является неотъемлемой частью при создании норм права.

Качество правовых норм, а так же соответствие потребностям социального развития неразрывно связано с правовыми представлениями, уровнем правосознания тех, кто создает правовые нормы.

Согласно концепции совершенствования УИС до 2020 года, одним из основных профессионально-значимых качеств сотрудников является наличие высокого уровня правосознания.

Именно это показывает актуальность проведения исследования по изучению особенностей правосознания у курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Объект исследования – правосознание курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Предмет исследования – психологические особенности правосознания курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Исследование психологических особенностей правосознания курсантов образовательных организаций ФСИН России проведено на базе Академии ФСИН России в 2016 году. В исследовании приняли участие 60 курсантов психологического факультета, из них 30 курсантов 1-го курса (15 юношей и 15 девушек) и 30 курсантов 4-го курса (тоже 15 юношей и 15 девушек).

Интерпретируя полученные в ходе исследования данные по методике «Структура индивидуального правосознания» Д.В. Сочивко и Т.А. Симаковой, следует отметить, что показатели по такой шкале, как «правовой нигилизм», у курсантов как 1-го, так и 4-го курса находятся на высоком уровне. Данный факт позволяет предположить, что у курсантов образовательных организаций ФСИН России отсутствует нигилистическая правовая установка, то есть среди них нет людей, склонных отрицать значимость правовых норм при принятии решений в различных ситуациях.

Анализ результатов по шкале «Правовая безответственность» показал готовность курсантов 1-го и 4-го курсов отвечать за свои поступки и поступки ближайшего окружения. Скорее всего, это связано со спецификой обучения в

образовательных организациях ФСИН России, требующей наличия чувства коллективизма у обучающихся.

Результаты исследования показали наличие высокого уровня правовой культуры у курсантов психологического факультета Академии ФСИН России. Это говорит о том, что они не только знают правовые нормы, но и стремятся к их правильному употреблению в своей служебной и учебной деятельности, расширению своего правового кругозора. Высокий показатель по данной шкале свидетельствует также о зрелости личности, твердых установках и убеждениях. Кроме того, было установлено, что у курсантов образовательных организаций ФСИН России не выражено стремление к правовому авантюризму. Данный факт показывает, что они предпочитают не играть с законом, всегда стремятся быть законопослушными гражданами своей Родины.

В целом результаты проведенного эмпирического исследования по данной методике показывают, что правосознание курсантов образовательных организаций ФСИН России находится на высоком уровне. Такие компоненты правосознания, как правовой нигилизм, правовая безответственность, правовой авантюризм, имеют низкие показатели, а правовая культура – высокие. Следовательно, можно утверждать, что большинство курсантов стремятся всегда выполнять и соблюдать требования законодательства Российской Федерации.

Анализ полученных результатов по методике СЖО Д.А. Леонтьева показал, что между курсантами младшего и старшего курса не наблюдается значимых различий в области проявления смысложизненных ориентаций.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод: все курсанты в основном являются целеустремленными, имеющими планы на будущее, которые подкреплены личной ответственностью за их реализацию. Кроме того, они воспринимают процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Следует отметить, что курсанты 4-го курса чуть ниже демонстрируют показатели по шкале «Результат жизни», что может быть связано с наличием некоторой неопределенности относительно будущего трудоустройства по специальности после окончания обучения в Академии ФСИН России. У

курсантов 1-го курса, напротив, ближайшее будущее расписано в соответствии с условиями обучения в Академии ФСИН России.

Представляется интересным тот факт, что курсанты оценивают себя как сильную личность, которая обладает свободой выбора и способна построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами, представлениями о ее смысле. В то же время мы установили, что курсанты-девушки 4-го курса и курсанты-юноши 1-го курса демонстрируют более низкие показатели по сравнению с другими обследуемыми по шкале «Цель жизни». Предположений о причинах этого явления может быть много, это и проживание курсантов-юношей на казарменном режиме в расположении академии, и ограничения в общении с близкими. Вполне возможно, что в случае с курсантами-девушками 4-го курса меняются цели их жизни, в планах на будущее появляются не только потребности в обучении, успешном трудоустройстве, но и в создании семьи.

Анализ результатов по шкале «Локус контроля – жизнь» показывает, что в основном курсанты и 1-го, и 4-го курсов убеждены в том, что сами контролируют свою жизнь, свободно принимают решения и воплощают их в действительность.

Следует отметить, что в целом существенных различий по уровню правосознания среди курсантов 1-го и 4-го курсов не наблюдается.

Результаты проведенного исследования позволяют нам утверждать, что для курсантов образовательных организаций ФСИН России не характерно наличие стремления к правовому авантюризму, правовой безответственности, правовому нигилизму. Это говорит о том, что они стремятся быть законопослушными гражданами, уважают и соблюдают правовые нормы, предпочитают не играть с законом.

Психологам образовательных организаций ФСИН России необходимо помнить, что в случаях появления нарушений в области проявления правового нигилизма, правового авантюризма и правовой безопасности наступает деформация правосознания курсантов образовательных организаций ФСИН России, а, следовательно, необходимо проводить психолого-педагогические

мероприятия с курсантами, направленные на предупреждение возникновения подобных нарушений.

Психологические особенности инвалидов, как одной из наиболее социально-уязвимых категорий осуждённых

Маркова Т.А.

Академия ФСИН России (г. Рязань)

Научный руководитель – Енгальчев В.Ф.

Работа в исправительных учреждениях, в том числе и психологическая, по оказанию осуждённым помощи, в целях их поддержки, адаптации и ресоциализации в период отбывания наказания, является важной в исправительном учреждении, тем более с осуждёнными инвалидами. В наше время психологическое сопровождение осуждённых инвалидов в местах лишения свободы развивается как особый вид деятельности по оказанию психологической помощи и сопровождения инвалидов, как одной из наиболее социально-уязвимых категорий осуждённых.

Ситуация инвалидности несет в себе деструктивный потенциал. Недуг, его физическое проявление, может являться одним из факторов самоизоляции инвалидов. Недуг может являться физическим препятствием к удовлетворению ряда базовых физиологических потребностей (Смирнов А.В., 2000). Ограниченность жизнедеятельности, изоляция от общества, вызванная разными причинами, и неопределенность будущего фрустрируют инвалида, часто приводят к психическому истощению. Одни винят во всем себя, другие – внешние обстоятельства, третьи оказываются фаталистами и мирятся с ситуацией фрустрации, четвертые готовы активно воздействовать на эти обстоятельства, желая изменить их. (Соловьева Н.А., 2004)

Окружающая среда, в которой находятся осужденные инвалиды в УИС, не отличается от среды, в которой находятся остальные осужденные. При этом индивидуально-психологические особенности осужденных инвалидов, в связи с

их состоянием, нередко способствуют возникновению у них чувства безысходности, одиночества, агрессивности, конфликтности.

Психологами УФСИН России по Рязанской области проводилось обследование осуждённых с ограниченными возможностями здоровья. Ими было выявлено, что у испытуемых средний или повышенный уровень агрессии, невысокий уровень суицидального риска, повышенный уровень конфликтности и внутренней напряженности. Им свойственны отрицание и проекция. Это свидетельствует о стремлении «вытолкнуть» из своего сознания мысли о болезни или обвинить окружающих в её проявлении.

Как показали анкетные данные обследования, основной проблемой осуждённых инвалидов в исправительных учреждениях в той или иной мере являются проявления их ограничений:

- физическое ограничение или изоляция инвалида обусловлена либо физическими, либо сенсорными, либо интеллектуально-психическими недостатками, которые ему мешают самостоятельно передвигаться или ориентироваться в пространстве;

- трудовая изоляция. Из-за патологий возможность трудоустройства либо сильно ограничена, либо полностью отсутствует;

- материальная необеспеченность. Эти люди вынуждены существовать на невысокую зарплату и на пособие, которые не могут быть достаточными для обеспечения достойного уровня жизни;

- пространственно-средовой барьер. Сама организация жилой среды в исправительном учреждении не всегда является дружественной по отношению к инвалиду (Самофалова О.В., 2017).

Необходимо также указать на то, что и индивидуальные особенности инвалидов могут способствовать формированию обособленности от общества. Исследование индивидуально-психологических особенностей инвалидов показывают наличие у них чувства неуверенности, комплекса неполноценности и страха неудачи, проявляющиеся в ситуациях социального взаимодействия (Смирнов А.В., 2001).

В зависимости от основного заболевания, психологическая помощь инвалиду может быть как необходимой реабилитационной мерой, так и формой поддержки. В работе с инвалидами психолог должен учитывать некоторые психологические обстоятельства:

– в процессе общения улавливать малейшие оттенки его переживаний, проявлять душевную теплоту, мягкость и доброту, внимательно выслушивать страдающего человека и проявлять доброжелательность и заинтересованность;

– эмпатировать, соучаствовать в переживаниях больного и не скрывать своих актуальных чувств и настроений по отношению к совместно переживаемым явлениям, постепенно продвигаясь к пониманию психотравмирующих факторов и ситуаций;

– общение целесообразно организовать так, чтобы была возможность оценить свойства его нервной деятельности (силу, подвижность и уравновешенность) (Назарько Н.А., 2013).

Инвалидность, в основном по объективным причинам разрешить окончательно невозможно. Однако психолог может сделать так, чтобы у человека с ограниченными возможностями не пропало желание жить, ведь инвалидность сама по себе является крайне стрессогенным фактором. Поэтому психокоррекционные и психопрофилактические мероприятия должны быть связаны с поиском возможностей для самопринятия, самокомпенсации и самореализации в сложившихся обстоятельствах.

Таким образом, работа психолога с инвалидами является актуальной, но в местах лишения свободы она становится более значимой, так как инвалиды являются одной из наиболее социально-уязвимых категорий осужденных.

Литература

1. Педагогика и психология. Приоритетные научные направления: от теории к практике: коллективная монография / Под ред. О.В. Кирилловой, Е.Г. Шубниковой. Чебоксары, 2014. 148 с.
2. Психология инвалидности: методические указания / Сост. Н.А. Соловьева. Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2004. 47 с.

3. Самофалова О.В. Преодолевая стереотипы и барьеры // Преступление и наказание. 2017. №4. С. 13-15.
4. Смирнов А.В. Исследование глубинно-психологических особенностей инвалидов // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире: сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральск. гос. ун-т., 2001. С. 142-167.
5. Смирнов А.В. Профессиональная реабилитация инвалидов // «ПЕРСОНАЛ-PROFY». 2000. Выпуск №1. С. 15.
6. Этика общения с людьми имеющими инвалидность: памятка-рекомендация / Сост. Н. А. Назарько. Таганрог: ЦГПБ ЦЕМ, 2013. 31 с.

Феномен «контроль за действием» в трудах Ю. Куля

Пришвина А.И.

Академия ФСИН России (г. Рязань)

Научный руководитель – Поздняков В.М.

В зарубежной психологии начало изучения контроля за действием было положено в 70-х годах минувшего века немецким психологом Ю. Кулем (Шапкин С.А., 1997). Современные представления о многочисленности процессов, опосредующих волевою регуляцию, побудили Ю. Куля отречься от понятия «воля» и заместить его понятием «контроль за действием». В ходе исследования он обнаружил, а также ввел различие ориентации на состояние (ОС) и ориентации на действие (ОД). Данное различие возникло впервые в ходе проведения анализа категорий рассказов испытуемых в немецкоязычном варианте ТАТ Х. Хекхаузена по измерению мотивации достижения. Также ученый отмечает то, что люди в большей мере отличаются по способности реализовывать свои намерения, несмотря на различные препятствия. В отличие от традиционного понятия воли, ученый берет за основу современные представления о системном строении психики человека и исследует волевою сферу личности как систему, состоящую из совокупности подсистем (Леонтьев Д.А., 2006). По мнению автора

функционирование целостной системы контроля за действием осуществимо исключительно при слаженном взаимодействии подсистем, обеспечивающих удержание намерений в активном состоянии в благоприятных ситуациях и завершение целенаправленной активности в неблагоприятных ситуациях. Само понятие «воля» или «волевые процессы» дает описание категориям взаимодействующих психических функций. В момент появления трудностей реализации действия эти функции опосредуют временную, пространственную, содержательную и стилевую координацию большого числа отдельных механизмов внутри и между разными подсистемами, такими как восприятие, внимание, память, эмоции, мотивация, (темперамент) и моторика на основе единого принципа управления, который мы называем «намерение» или «цель».

Для реализации намерения Ю. Куль выделяет механизмы осуществляющие содействие реализации намерения вплоть до достижения цели и обеспечиваются разными подсистемами (психическими функциями), данные механизмы реализуются зачастую на неосознанном уровне, однако могут принимать форму осознанных стратегий (Шапкин С.А., 1997).

Мотивационный контроль. Способствует усилению мотивационной тенденции, лежащей в основе самого намерения. Осуществляется за счет возобновления мотивационного процесса, удерживающего в поле зрения субъекта позитивные ожидания и внешние стимулы, благоприятные для выполнения деятельности. Иначе говоря, усиливая актуальное намерение система контроля за действием оказывает содействие мотивационной системе.

Контроль внимания. Данный механизм обеспечивает направленность внимания на информацию, которая имеет непосредственное отношение к реализации намерения. Это приобретает особую важность в ситуации, когда, например возникает опасность потерять из виду целевой объект.

Перцептивный контроль. Потребность в наличии «интенционного» фильтра на ранних стадиях восприятия. Иными словами, перцептивная система наиболее чувствительна к характеристикам поступающей информации, связанным намерением, и, напротив блокирует несущественную информацию намерения.

Перцептивные категории, напрямую связанные с намерением требуют меньших затрат времени на осуществление обработки и в первую очередь получают доступ к системам регуляции действия.

Эмоциональный контроль. Субъект владеет знаниями об эмоциональных состояниях, которые способствуют или препятствуют осуществлению намерения. Если за счет эмоционального фона происходит затруднение достижения цели, то система контроля действия стремится его изменить.

Контроль неудач. В ходе реализации намерения неудачи воспринимаются как действенная обратная связь и приводят к мобилизации добавочных усилий, или, напротив, к соответствующим эмоциональным последствиям (досаде и разочарованию), а так же, к понижению усилий вплоть до временного отказа от достижения цели ввиду не очень благоприятных обстоятельств.

Контроль кодирования и оперативная память. Показано, что информация, связанная с намерением, обрабатывается по экономной стратегии тем самым открывается наиболее короткий путь к инициированию действия, связанного с намерением. При задержке самого действия информации о намерении хранится в оперативной памяти в особом, активном виде. Суть данного механизма заключается в предусмотрительности, охраняющей человека от искушений, путем устранения из поля деятельности предметов иницирующих ненужные воздействия.

Поведенческий контроль. Данный механизм заключается в предусмотрительности, охраняющей человека от искушений, путем устранения из поля деятельности предметов иницирующих ненужные воздействия.

По мнению Ю. Куля степень или мера, в которой человек имеет возможность использовать свою способность к самоуправлению является различной. Следовательно, при нагрузках люди могут испытывать неожиданные нарушения способности к действию гораздо чаще, чем другие.

Отечественные психологи стали изучать данный феномен контроля за действием только в последнее десятилетие и, прежде всего, благодаря полноценной методике НАКЕМР-90 С. Куля (И.А. Васильев, Д.А. Леонтьев, О.В.

Митина, С.А. Шапкин, 2011). В отечественной психологии адаптированный вариант имеет название «Шкала контроля за действием». Данный опросник состоит из 36 вопросов и шкал:

- 1) «Контроль за действием при планировании» (КДп);
- 2) «Контроль за действием при реализации» (КДр);
- 3) «Контроль за действием при неудаче» (КДн).

Литература

1. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М., 1997.
2. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика. М., 2006.
3. Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация и контроль за действием. М., 1991.
4. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т.1, 2. М., 1986.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
6. Педагогика и психология. Приоритетные научные направления: от теории к практике: коллективная монография / Под ред. О.В. Кирилловой, Е.Г. Шубниковой. Чебоксары, 2014. 148 с.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Профессиональная идентичность у студентов, обучающихся на разных курсах факультета юридической психологии

Обидина В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Щёткина Е.И.

Поваренков Ю.П. определяет профессиональную идентичность как критерий профессионального развития, который свидетельствует о качественных и количественных особенностях принятия человеком себя как профессионала; конкретной профессиональной деятельности как способа самореализации и удовлетворения потребностей; системы ценностных норм, характерных для данной профессиональной общности (Поваренков Ю.П., 2003).

Согласно концепции Л.Б. Шнейдер, профессиональная идентичность – это «не только осознание своей тождественности с профессиональной общностью, но ее оценка, психологическая значимость членства в ней, разделяемые профессиональные чувства, своеобразная ментальность, ощущение своей профессиональной компетентности, самостоятельности и самоэффективности, т.е. переживание своей профессиональной целостности и определенности» (Шнейдер Л.Б., 2001).

По мнению многих исследователей, становление профессиональной идентичности происходит в период обучения в ВУЗе, который является этапом «специальной, целенаправленной подготовки» с целью получения определенной специальности (Родыгина У.С., 2007).

Настоящее исследование направлено на исследование особенностей профессиональной идентичности у студентов факультета Юридической психологии, обучающихся на разных курсах.

Нам были использованы методики:

1. Опросник профессиональной идентичности психологов (авторская разработка У.С. Родыгиной).
2. Методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов).
3. Методика «Кто Я?» (М. Кун, Т. Мак-Партланд).

У студентов всех курсов наблюдается преобладание положительных эмоций, связанных с удовлетворением потребностей человека в данной профессии, а также позиция активного отношения студента к приобретаемой профессии. При этом студенты первого, второго и четвёртого курса считают, что профессия психолога удовлетворяет их потребностям и запросам, в ней они видят свое призвание и способ самореализации. Они планируют свое профессиональное будущее так, чтобы работать психологом, ставят цели и достигают их. При любой возможности пытаются приобрести опыт практической психологической деятельности; читают дополнительную психологическую литературу. Студенты третьего курса к разным учебно-профессиональным ситуациям могут относиться по-разному, преобладание эмоций также зависит от различных ситуаций. Пятикурсники считают, что профессия психолога удовлетворяет их потребностям и запросам, в ней они видят свое призвание и способ самореализации. Они просчитывают свое будущее так, чтобы работать психологом, ставят цели и достигают их. При любой возможности пытаются приобрести опыт практической психологической деятельности; читают дополнительную психологическую литературу.

Преобладающим статусом профессиональной идентичности для студентов первого и четвёртого курсов является сформированная профессиональная идентичность, что свидетельствует о том, что первокурсники и четверокурсники готовы совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития или уже его совершили. У них присутствует уверенность в правильности принятого решения об их профессиональном будущем, они самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях,

целях и жизненных убеждениях, также они способны осознанно выстраивать свою жизнь, потому что определились, чего хотят достигнуть.

Преобладающим статусом профессиональной идентичности для студентов второго, третьего курсов является мораторий (кризис выбора). Студенты исследуют альтернативные варианты профессионального развития и активно пытаются выйти из этого состояния, приняв осмысленное решение в отношении своего будущего. Они размышляют о возможных вариантах профессионального развития, примеряют на себя различные профессиональные роли, стремятся как можно больше узнать о разных специальностях и путях их получения.

Проведённый анализ содержательных характеристик идентичности показал, что учебно-профессиональная ролевая позиция: «студент/студентка», «ученик/ученица», «выпускник/выпускница школы/МГППУ» преобладает у студентов первого курса, далее количество характеристик снижается и достигает наименьшего количества у выпускников, что в свою очередь закономерно: по мере того, как студент переходит на следующую «ступеньку» в период обучения в ВУЗе, тем больше он себя позиционирует не только как студент, но и как психолог и профессионал. Об этом также свидетельствуют результаты, относящиеся к Деятельному Я, а именно к занятиям, деятельности, то здесь также первокурсники имеют наибольшее количество указаний на такие характеристики, как: «психолог», «педагог». Постепенно количество указаний на Деятельное Я снижается до пятого курса включительно, а у выпускников количество снова повышается. При этом наблюдаются качественно новые характеристики: у второкурсников: «исследователь», «практик», «теоретик», у студентов третьего курса: «практикант», «клинический психолог», «научный деятель», у студентов четвёртого курса: «бакалавр», «консультант», «конфликтолог», «диагност», «психотерапевт», «юридический психолог», у выпускников: «профессионал», «эксперт», «супервизор», «молодой учёный».

Также первокурсники указывают в большем количестве на свою профессиональную перспективу, тем самым выражая пожелания, намерения, мечты, связанные с учебно-профессиональной сферой: «будущий психолог»,

«будущий специалист», в последующем количество указаний на «Перспективное Я» в контексте деятельности снижается, но появляются качественно новые формулировки: у студентов третьего курса: «будущий патопсихолог», у студентов четвертого курса: «будущий магистрант», «будущий ценный сотрудник», «будущий судебный эксперт».

Таким образом, профессиональная идентичность студентов факультета Юридической психологии, обучающихся на разных курсах, претерпевает качественное изменение в процессе обучения. С каждым последующим курсом студенты испытывают больше положительных эмоций, связанных с удовлетворением потребностей в профессии и занимают всё более активную позицию отношения к приобретаемой профессии, а также кризис выбора профессии сменяется сформированной идентичностью.

Литература

1. Поваренков Ю.П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности. Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества: Сборник научных трудов. Ярославль: ЯГПУ, 2003. С.154-163.
2. Родыгина У.С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 39-48.
3. Сунцова Я.С. Диагностика профессионального самоопределения: учебно-методическое пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. 112 с.
4. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2001. 39 с.

Особенности формирования правосознания в системе высшего образования

Ромодова Н.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Проблема правосознания является объектом пристального внимания и изучения. В современной отечественной науке на данный момент не существует единого понятия правосознания. Под «правосознанием» обычно понимают «отражение юридической действительности» (Абдулаев М.И., 2014) и рассматривают отношения человека к различным правовым явлениям – к закону, к преступлениям, к преступникам и жертвам, к наказанию, к работникам правоохранительной, судебной и пенитенциарной системы (Ратинов А.Р., 1970). Необходимо отметить, что во множествах трактовок определения «правосознание» говорится об отношениях между личностью и правом. В соответствии с этим, в структуру правосознания входят три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий (Ратинов А.Р., 1970).

В современной теории права существуют различные подходы к классификации правосознания и в наибольшей степени теоретически оправданной является классификация, критериями которых являются уровень осознания необходимости, глубина проникновения в сущность правовых явлений в обществе.

Если ранее изучение правосознания рассматривалось в рамках концепций массового сознания, общественного сознания и социальных представлений, то в настоящее время правосознание рассматриваются в двух направлениях – теоретическом и эмпирическом (Гулевич О.А., 1999).

Основными факторами, влияющими на правосознание, являются психофизиологические особенности личности, уровень профессионального образования, органы власти, образовательные учреждения, СМИ, религия, ближайшее окружение, доступность нормативно-правовых актов, способность индивида воспринимать правовую информацию, активность самого индивида по

поиску правовой информации, осознание своей и чужой свободы (Осипов М.Ю., 2013)

Главным критерием политики государства в сфере образования и воспитания продолжает оставаться практика обучения основам права в различных образовательных учреждениях. В то же время нельзя оставлять без внимания различные варианты региональных моделей правового образования, необходимо уделять больше внимания разработке учебных курсов по правовой тематике.

Правовое обучение является одной из важнейших форм правового воспитания. Сокращение научных разработок в данной области привело к массовой юридической неграмотности и правовой невоспитанности. Особую роль в повышении правосознания играет юридическое образование, основная цель которого сформировать у студента нравственные качества, осуществив преобразование этических требований в надежные принципы поведения.

Формирование правосознания студентов необходимо осуществлять в образовательном процессе учебного заведения, способного обеспечить специальную организацию правового образования, обучения и воспитания будущих специалистов (Кондратьева Е.В., 2011).

Нами было проведено исследование особенностей формирования правосознания среди студентов первого и четвертого курсов факультетов «Юридическая психология» и «Психология образования».

В исследовании были использованы следующие методики: 1. Тест правового и гражданского сознания (Л.А. Ясюкова). 2. Методика оценки уровня развития морального сознания (дилеммы Кольберга). 3. Методика частного психосемантического дифференциала «Отношение к правосознанию».

Результаты исследования показали следующее:

Существенные различия в уровне сформированности сфер правосознания среди студентов первого курса факультетов «Юридическая психология» и «Психология образования» отсутствуют. Уровень сформированности шкал «деловая сфера», «гражданская сфера», «правовая сфера» соответствуют среднему уровню. Шкала «бытовая сфера» развита на хорошем уровне.

По «дилемме Хайнца» будущие педагоги-психологи показали достаточно высокий уровень нравственного развития личности по сравнению со студентами факультета «Юридическая психология». Будущие педагоги – психологи сознательно выбрали специальность и готовы в будущем работать в условиях реформирования системы образования. Студенты – первокурсники имеют высокий уровень способности к рассуждению.

По «дилемме про двух братьев Боба и Карла» студенты – первокурсники обоих факультетов показали примерно одинаковые результаты. Но часть студентов факультета «Юридическая психология» показали достаточно высокий уровень морального развития.

У студентов первого курса факультетов «Психология образования» и «Юридическая психология» достаточно высокая самооценка. Студенты факультета «Юридическая психология» к обществу относятся критично; негативно оценивают законодательство, судебные и правоохранительные органы, но в то же время признают эффективность их работы. Отношение к противоправным действиям и преступникам достаточно противоречивое, но они уверены, что нарушившие закон должны понести наказание.

Студенты факультета «Психология образования» понимают несовершенство общественного устройства и современного законодательства, лояльно относятся к судебным и правоохранительным органам. Ими признаются рост преступности и противоправных действий, и ужесточение наказания – метод борьбы с ними.

Студенты четвертого курса факультетов «Юридическая психология» и «Психология образования» показывают примерно одинаковые показатели в бытовой и правовой сфере, но студенты факультета «Юридическая психология» показывают более высокий уровень правосознания в «гражданской сфере»

У большинства студентов четвертого курса обоих факультетов выявлен средний уровень морального развития, что говорит о том, что они готовы придерживаться определенной условной роли и ориентироваться на принципы других людей, но среди будущих юридических психологов тех, кто показал

высокий уровень нравственного развития, значительно больше, чем у выпускников психологов – педагогов. Именно изучение правовых дисциплин позволило юридическим психологам показать высокие результаты.

Студенты – выпускники факультета «Юридическая психология» имеют положительные социальные установки к себе в отличие от студентов – выпускников «Психология образования». Они понимают, что общество и законодательство не идеально, выпускники факультета «Юридическая психология» считают важной работу судебных и правоохранительных органов, имеющих целью искоренить преступность в стране

На протяжении всех четырех лет обучения студенты изучают дисциплины, которые помогают сформировать у них высокий уровень правового сознания. Они изучают законодательные акты, присущие деятельности студентов, согласно их будущей специальности. Применение преподавателями различных методов на занятиях способствует повышению интереса не только к предмету, но и к своей будущей специальности, формирует позитивное отношение к стране и обществу, повышается правовая грамотность среди студентов.

Литература

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. М.: Финансовый контроль, 2004. 410 с. (Серия «Учебники для вузов»).
2. Гулевич О.А. Теоретический анализ и опыт эмпирического исследования правосознания как совокупности социальных представлений о праве // Мир психологии. 1999. №3. С.120-131.
3. Кондратьева Е.В. Юридическое образование как фактор повышения правосознания молодежи // Вестник ТГУ. 2011. №7. С.186-192
4. Осипов М.Ю. Основные факторы, влияющие на правосознание и правомерное поведение // Юридические записки. 2013. № 1. С. 9-16.
5. Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания // Проблемы социологии права. 1970. Вып. 1. С. 178-188.

Оглавление

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	4
Дмитриева М.С. Агрессия и социальная иерархия футбольных фанатов	4
Емелина А.О. Взаимосвязь склонности к аутоагрессии с реакцией на фрустрирующую ситуацию у подростков с девиантным поведением.....	6
Зайнуллина Л.Ф. Тревожность, как психологическая предпосылка склонности к формированию химического аддиктивного поведения у подростков.....	9
Мосиевич А.В. Ургентная аддикция как форма зависимого поведения	12
Никифорова Е.В. Динамика агрессивных проявлений у футбольных фанатов	16
Сорокина Ю.С. Особенности проявления агрессии подростками с расстройствами аутистического спектра при разном когнитивном уровне.....	19
Ширванова Ф.В. Ургентная зависимость как феномен современной жизни	22
Щукина Е.С. Особенности эмоционально-оценочного компонента самосознания лиц с алкогольной зависимостью	26
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	31
Балестина И.С. Особенности этнических стереотипов в группах юристов.....	31
Дружинина В.Н. Информационное воздействие в формировании привлекательности профессии сотрудника ОВД.....	34
Лебедева Т.А., Шипшин С.С. Исследование темпераментальных особенностей при профессиональном отборе в органы следствия.....	38
Попова Т.В. Механизм принятия решения профессиональными военными судьями.....	43
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ	48
КОНТЕКСТЕ.....	48
Андрианова С.Б. Особенности образа ребенка у матерей, страдающих психическими расстройствами.....	48
Дошимова Б.О. Проблемы применения методов дистанционной психологической диагностики при экспертном исследовании видеоматериалов допроса	51
Ефанова М.Г. К вопросу о ситуационной диагностике семейных отношений в рамках судебной психологической экспертизы по спорам о воспитании и месте проживания ребенка	56
Журавлева Е.В. Исследование особенностей родительской позиции у матерей, больных шизофренией и находящихся в стационаре	60

Журавлева Т.В. Клинико-психологические аспекты суицидального поведения лиц с шизофренией	64
Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Влияние особенностей когнитивной и психосексуальной сферы на физиологическую реактивность	68
Мозжерина А.А. Депрессия и склонность к риску: особенности проявления у подростков	73
Ныркова А.А. Исследование клинико-психологических особенностей женщин с психическими расстройствами, имеющих детей	76
Точилкина П.Е. Особенности тревожных реакций у детей старшего дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра.....	78
Шеховцова Е.С. Психологические факторы и особенности принятия решений лицами с различными формами психической патологии, совершившими общественно опасные действия	81
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	85
Алмаева Е.А. Методика «How I think» для изучения когнитивных искажений подростков с девиантным поведением	85
Васильева Е.Н. Тактики получения информации от несовершеннолетних, пострадавших от жестокого обращения	87
Волков Н.А. Школьная дезадаптация и характеристики психического здоровья у.....	91
подростков	91
Галкина Е.А. Эмпатия, моральное развитие и правосознание подростков с девиантным поведением.....	93
Григорьева К.А. Психологические особенности у несовершеннолетних с интернет аддикцией.....	98
Громогласов Д.С. Роль гендерного фактора взрослого в восприятии ребенком дошкольного возраста игровой деятельности	101
Губайдуллина А.И. Проблема интернет-зависимости подростков	105
Кирюхина Д.В. Отношение к кибербуллингу у подростков	109
Корчагина О.В., Ошевский Д.С. Особенности моральных суждений у кадетов	112
Куликовская М.П. Исследование социально-психологической готовности родителей к приему ребенка в замещающую семью	116
Лапицкая Д.С. Сравнительный анализ психологических особенностей эмоционального интеллекта у курсантов психологического факультета и психологов исправительных учреждений.....	121
Медведева М.И. Особенности совладающего поведения в зависимости от способностей младшего школьника	125

Минаева Е.В. Психологические аспекты деятельности следователя, работающего с несовершеннолетними	128
Никитина А.С. Образ материнства в группах девушек, имеющих детей и не имеющих детей	133
Самойлова А.А. Гендерные особенности переживания одиночества и безнадежности в подростковом возрасте	137
Соколова М.В. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в сети Интернет.....	141
Сочнева В.Ю. Связь особенностей привязанности к родителям и «я – концепция» у несовершеннолетних с отклоняющимся поведением	144
Старикова В.О., Ошевский Д.С. Черты асоциальной личности у несовершеннолетних правонарушителей	149
Степанова М.В. Идентификация с компьютерным персонажем мальчиков-подростков из неполных семей	153
Чернов В.А. Эмоциональный фон и показатели эмоциональных нарушений в межличностных отношениях дома у детей младшего школьного возраста, переживших развод родителей.....	156
Шарипова О.В. Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением.....	160
Шеремет О.А., Шипшин С.С. Комплексное исследование интернет-переписки при расследовании уголовных дел о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних	165
Шитова А.Э. Особенности социально–психологической адаптации первоклассников к школьному обучению	169
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	174
Борисова Д.П. Исследование эмпатии на основе деятельности пенитенциарных служащих	174
Гаджимурадов Н.Д. Психофизическая характеристика осужденного, совершившего преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.....	178
Гранкина В.Д. Профессиональное выгорание у начальников отряда и воспитателей исправительных учреждений: причины, возможности профилактики и коррекции	182
Давыденко Н.Э. Особенности коммуникативных качеств у несовершеннолетних осужденных, совершивших насильственные преступления.....	187

Исмагилова А.З., Овсянникова М.В. Синдромы посттравматических стрессовых расстройств у сотрудников отдела специального назначения: психологическая коррекция (на примере УФСИН России по Республике Башкортостан)	191
Комлева Д.П. Психопрофилактическая программа, направленная на предупреждение формирования виктимного поведения сотрудников УИС	196
Левин Л.М. Психологические особенности жизненного пути несовершеннолетних девушек, осужденных к лишению свободы	201
Ломакина Ю.Ю. Психологические особенности правосознания курсантов образовательных организаций ФСИН России в период первичной профессионализации	205
Маркова Т.А. Психологические особенности инвалидов, как одной из наиболее	209
социально-уязвимых категорий осуждённых	209
Пришвина А.И. Феномен «контроль за действием» в трудах Ю. Куля	212
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ ...	216
Обидина В.А. Профессиональная идентичность у студентов, обучающихся на разных курсах факультета юридической психологии	216
Ромодова Н.С. Особенности формирования правосознания в системе высшего образования	220